

ГЛАВНЫЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

ОФИЦЕРСКИЙ ШТРАФБАТ

АЛЕКСАНДР ПЫЛЬЦЫН

ИСКУПЛЕНИЕ

Главные книги о войне

Александр Пыльцын

**Офицерский
штрафбат. Искупление**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пыльцын А. В.

Офицерский штрафбат. Искушение / А. В. Пыльцын — «Яуза»,
2017 — (Главные книги о войне)

ISBN 978-5-699-92728-9

Эта книга – не очередное (уже седьмое по счету) переиздание бестселлера «Правда о штрафбатах», разошедшегося рекордными тиражами. Автор не просто дополнил свои мемуары новыми материалами, но увеличил их объем наполовину и радикально переработал. Фактически у вас в руках новая книга. Это – самый честный рассказ о боевом пути первого из штрафбатов Красной Армии, в котором Александр Пыльцын служил «офицером постоянного состава» – их отбирали не из штрафников, а из лучших фронтовых командиров. Это – «окопная правда» заслуженного ветерана, опровергающая клевету на Великую Отечественную и антисоветские фальшивки. Если вам нужны не лживые мифы «антисталинистов», а подлинные воспоминания фронтовика, прошедшего со своим штрафбатом от Белоруссии до Берлина, – эта книга для вас!

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92728-9

© Пыльцын А. В., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

Введение читателя в штрафбатовскую тему	6
Глава 1	17
Глава 2	28
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	70
Глава 6	86
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Александр Васильевич Пыльцын

Офицерский штрафбат. Искушение

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Фотография на обложке: Валерий Суходольский / РИА Новости

© Пыльцын А. В., 2016

© ООО «Издательство „Яуза“», 2017

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2017

Введение читателя в штрафбатовскую тему

*Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное малодушие.*
Александр Пушкин

*Разве можно бывшее забыть?
До сих пор годы мчатся, как пули...
Мы суровой солдатской судьбы
До краев всем народом хлебнули.*

Михаил Ножкин

Прежде всего позвольте представиться, хотя многие читатели знакомы со мной по моим книгам о штрафбатах, которые за последние лет 12–13 вышли в разных издательствах России и Беларуси, а также двумя изданиями в Лондоне (Великобритания) в переводе на английский под названием «Penalty Strike». Суммарный тираж моих книг составляет более 70 000 экземпляров. Санкт-Петербургское Законодательное собрание в 2005 году присудило мне Литературную премию им. Маршала Говорова, а Рогачевский райисполком Беларуси присвоил мне звание почетного гражданина района за личный вклад в освобождение его от фашистских захватчиков и большую работу по военно-патриотическому воспитанию населения, что внесено в мою визитную карточку.

«Штрафная» тема долгое время была закрытой в литературе и искусстве, на это многие годы неразумно закрывали глаза. С наступлением безграничной горбачевской «гласности» она вдруг стала модной, ее в большинстве случаев утрировали и исказили до бесстыдства. Об этих необычных формированиях, созданных в самое опасное для Родины время по известному приказу Сталина № 227 «Ни шагу назад!», многие годы идут уже не споры, в которых должна рождаться истина, а все более множатся преднамеренная ложь и всяческие спекуляции на полуправде. Идет много инсинуаций о штрафбатах, в которые якобы массово «жестоким сталинским режимом» загонялись совершенно невинные, не совершавшие преступлений, но понесшие незаслуженные наказания. Конечно, в какой войне не бывает случаев несправедливости. О них здесь тоже пойдет речь.

Строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах был установлен сразу же с приказом Сталина «Ни шагу назад!», издававшимся «Без публикации», а значит, и все, что им определялось, в прессу не поступало. Для предотвращения нарушений этого положения Приказом № 034 от 15.02.1944 года маршала Василевского А.М. подтверждалось запрещение открытой публикации «всех сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». Это положение действовало долгие годы после войны и порождало массу всяческих домыслов, затем уже и вымыслов просто любителей всяческих сенсаций да и откровенной лжи разнузданных фальсификаторов об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны.

Даже крупнейшие военачальники в своих мемуарах по воле политической цензуры либо о штрафных формированиях вообще не упоминали, либо маскировали под «особые отряды» или «лыжные батальоны». Многие научные исследования и исторические справки послевоенного времени базировались только на открытых публикациях, в научный оборот не вводились истинно правдивые сведения о штрафбатах и штрафниках, в те годы в открытую печать не поступавшие.

Известно, реально штрафные батальоны и штрафные роты на фронте были, скрывать это было неразумно. Они активно действовали на фронтах Великой Отечественной войны и, безусловно, внесли свою лепту в Победу. Но, особые в военное время, эти формирования прежде всего внесли огромный вклад в воспитание и становление человеческой личности, реабилитацию и искупление гражданского греха.

Военная судьба предопределила свою часть Великой Отечественной войны мне пройти до самого Дня Победы в составе офицерского штрафбата не штрафником, а командиром взвода и роты. За полтора года моего пребывания в штрафбате в нем никогда не появлялись никакие корреспонденты ни центральных, ни армейских или фронтовых газет. Именно из-за отсутствия официальной информации в народе стали распространяться слухи о штрафбатах, как правило, непременно в связи с заградотрядами, хотя их рядом со штрафбатами никогда не было.

На излете своей уже более чем 90-летней жизни я решился на обобщение всего мною написанного ранее в книге о ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ в связи с бывшими в нашей военной истории штрафбатами (штрафротами). Решаясь на это, я никоим образом не покушаюсь на славу великого Достоевского и представляю читателям новый вариант своей военно-исторической были.

Она обогащена многими дополнительными архивными сведениями, очень важными для понимания особенностей того времени и о самих штрафных формированиях, и о заградотрядах, история которых еще мало освещена правдиво, а вымысла о них много. Ради этого я стараюсь доступными мне способами дополнить свой рассказ правдивыми, документально подтвержденными сведениями. Вместе с тем повседневно ворошу свою пока еще не угасшую память, чтобы «допомнить», а не «досочинить», не придумать прошлое, чтобы заполнить провалы памяти, как образно об этом сказал фронтовой поэт Александр Межиров:

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить, все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

В этой, даст бог, не последней книге я попытаюсь сделать основные выводы о больших и малых преступлениях военного времени, о степени вины тех, кого направляли в штрафные формирования, мерах наказания за них, соответствии этих мер составу преступлений, о реальном искуплении вины штрафниками или даже их покаянии. Хочу сразу предостеречь читателя, что это будет не научно-юридический исследовательский манускрипт, а только рассуждения человека, прошедшего в офицерском штрафбате командиром взвода и роты полтора года. Поэтому основные положения книги будут рассматриваться на фоне реальных офицерских штрафбатов с использованием некоторых документов и фактов, касающихся отдельных армейских штрафных рот (ОАШР).

Понимаю, что очень нелегко раскрывать истину чего-либо малоизвестного, потаенного, а тем более – уже обогнанного, извращенного. Это можно и нужно делать исключительно правдой, основанной не только на личных воспоминаниях и собственных документах войны, но и на документах, сохранившихся у других участников войны, и прежде всего – архивных документах. Это важно не столько для удовлетворения любопытствующих, сколько для того, чтобы вооружить их правдой для борьбы со все более наглежащими как зарубежными, так и собственными фальсификаторами нашего героического прошлого и его трагических страниц.

Главной целью и основным направлением деятельности этих извращенцев нашей российской истории является искоренение из народной памяти жизненного опыта советских людей,

посвятивших себя защите, возрождению и процветанию нашей Родины, борьбе за ее свободу от любого порабощения. Злостная клевета на наше общее прошлое, извращение военной истории Советского Союза – это попытка наглой подмены правды о России ложью, а самого нашего героического советского народа – каким-то сборищем неуправляемого быдла.

Сегодня нам внушают, что все в нашей истории было либо «неправильным», либо вовсе «преступным», пытаясь разрушить в сознании россиян последнее, что сохраняет святость, что объединяет всех нас, – память о Великой Победе. Вместо того чтобы рассказать людям то, что было на самом деле и почему ему навязывается чужое видение вопроса, всячески втолковываются готовые оценки, искусно возбуждается негодование против «советского античеловеческого режима», а правдивая информация затушевывается, скрывается или представляется в нужном лжецам свете.

Газета «Правда» от 8.06.2013 поместила статью Ольги Яковенко «Война окончилась, бой продолжается. Офицер штрафбата опровергает мифы антисоветчиков». В ней отмечается: «Последние пятнадцать лет Александр Васильевич Пыльцын работает над книгами об истинной роли в войне штрафных батальонов. Личность, биография и взгляды Александра Васильевича привлекают внимание большой аудитории, в том числе и молодежной. Вся его жизнь опровергает множество мифов и фальсификаций, которые сегодня навязывают обществу. Причем методы этих мифов и фальсификаций становятся все более изощренными, круг фальсификаторов и приемы их тлетворного влияния расширяются».

По-настоящему правдивый мемуарист – хороший помощник историка, и самым главным в его воспоминаниях должен быть честный исторический подход к обстановке, при которой то или иное явление прошлого происходило. Много лет меня волновала атмосфера умолчания истории штрафных батальонов в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации. Нигде, ни в официальной печати, ни в военных мемуарах видных военачальников, об этих батальонах ничего не говорилось, а в «документальной» и тем более в художественной литературе публиковались сочинительства, мало или вообще ничего не имеющие с действительностью.

Меня, прошедшего рядом со штрафниками в роли их ближайшего, взводного и ротного, командира, эти извращающие историческую правду «исследования», «романы», фильмы привели к мысли поведать миру истинную, документально подтвержденную правду о реальных штрафбатах, а не о придуманном «Штрафбате» Володарского и Достая, не об «Утомленных солнцем» Михалкова. Фильмами и публикациями, злостно искажающими фронтовую действительность в штрафбатах, мы, бывшие штрафники и их командиры, оказались фактически обогланными своими же «правдолюбями», чего мы, старшее поколение – фронтовики и твердо стоящие на позициях правды честные люди, не должны оставлять без адекватной реакции. Ныне идет небывалое ранее сражение на военно-историческом фронте, и наша победа в Великой Отечественной войне остро нуждается в защите. К этому стремлюсь и я изданием своих книг-воспоминаний, документально оснащенных ныне открытыми архивными материалами.

Одумайтесь, господа историки, писатели, журналисты, деятели кино и телевидения. История страны есть просто ее история, и ее надо показывать так, как это было на самом деле. Искажение прошлого уничтожает будущее, поскольку прерывает необходимую для развития самобытной страны связь времен и поколений.

Многие послевоенные годы я надеялся на то, что из числа уцелевших фронтовых штрафбатовцев найдется же кто-то из очевидцев, кто сможет как бы изнутри, на фактическом материале правдиво рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной. Увы, правдивых публикаций так и не появилось. Мои боевые друзья по штрафбату давно подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд – написать для современников и потомков

свои именно штрафбатовские воспоминания о войне, опровергнуть, дезавуировать ту ложь, которая наслонилась за послевоенные годы.

Дневников на войне мы не вели. Офицерам переднего края, особенно в штрафбате, мягко говоря, это было «не с руки», да и нарушало строгий запрет в то время на распространение сведений о штрафных формированиях. Самое трудное, что вначале казалось мне непреодолимым вообще, – это огрехи и провалы памяти. Она, коварная, с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,
И однорукий инвалид —
Все нынче пишут мемуары,
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за перо, за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Как в пушкинском «Борисе Годунове»: «При свете лампы умудренный жизнью монах Пимен пишет правдивую летопись...»

И я, как тот монах Пимен, правда, не при лампаде, а с компьютером, тоже решился на документально обоснованную, правдивую книгу о штрафбатах, об этой очень сложной теме, многим еще малоизвестной, но многожды извращенной нечестными писателями и другими «деятелями» современных СМИ. Считаю это важным особенно теперь, когда уже не стало многих реальных свидетелей того времени, почти всех моих боевых товарищей, а тем более самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Мои настойчивые поиски очевидцев штрафбатов уже малоэффективны, но каждая, хоть и очень редкая удача в этом поиске равноценна золотому слитку или драгоценному камню в сотню каратов.

Время неумолимо, нас, долгожителей, перешагнувших 90-летний рубеж, остается все меньше и меньше. Чувствую себя «последним из могикан», то есть из штрафбатовцев Великой Отечественной. Даже телевизионщики обращаются за интервью ко мне, вероятно, уже как к единственному из тех, кто был сам свидетелем и участником того грозного времени и еще помнит его. Простите меня, дорогой читатель, если я применительно к себе опять приведу слова великого Пушкина из того же «Бориса Годунова», которые он вкладывает в уста Пимена:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Как-то в одном из интервью прессе я сказал: наверное, нам Богом дано жить долго именно для того, чтобы успеть рассказать правду о той Великой войне. Не мне судить, насколько Господь меня «книжному искусству вразумил», но благодарен Ему бесконечно за то, что «многих лет свидетелем меня поставил». Посему считаю долгом своим рассказать о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине, той любви, которая и обеспечила Великую Победу в невиданно жестокой войне со злейшим врагом всего человечества – фашизмом, разбитым, как нам тогда казалось, окончательно и навсегда. Объективности ради сквозь призму лет и событий я не корректирую во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже по возможности своих оценок. И

если иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники, с которыми согласен.

Полагаю, мне удалось рассказать о том, что нам довелось увидеть, прочувствовать и пережить, показать ту фронтовую солидарность офицеров в штрафбате, штрафников или их командиров, которая действительно была в то грозное, кровавое время.

Наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, формировался одним из первых таких батальонов еще под Сталинградом.

Особо хочу сказать о помощи, которую оказали мои фронтовые друзья-штрафбатовцы еще при их жизни. Теперь из тех, кого мне удалось найти из нашего штрафбата, не осталось никого. Ведь нам, тогда еще совсем молодым, теперь уже за 90, а многие мои друзья-долгожители ушли из жизни, так и не преодолев этот роковой рубеж. Дорогие моей памяти имена друзей, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового штрафбатовского быта, могли бы по праву быть среди моих соавторов. Как пелось в одной советской пионерской песне, *«Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много»*. Их фамилии с краткими данными читатель найдет в специальной главе моей книги, где наряду со штатными офицерами я поместил также документально установленный мартиролог офицеров-штрафников нашего батальона, погибших на полях сражений, отдавших жизнь за Родину, за возвращение прав и чести советских офицеров.

И сегодня я в постоянном поиске документов о штрафбатах, а также тех, кто хранит воспоминания, фронтовые фотографии, так или иначе связанные с историей нашего штрафбата документы о своих отцах или дедах, пополняю сведения не только о нашем штрафбате. Дети, внуки моих фронтовых друзей, с которыми мне удалось установить прочную связь, помогают мне сохранившимися от их героических предков документами и воспоминаниями. От них я получил много драгоценного о своих героических предках, документальные материалы и воспоминания, дополнившие эту документальную повесть.

Итак, собственная, врубившаяся навеки память, переписка с друзьями, их потомками, работа со справочными изданиями, архивными материалами и военными мемуарами и многое другое позволили мне создать уже не одну документально обоснованную книгу о штрафбатах. При этом использованы малоизвестные широкому читателю архивные документы именно по нашему 8-му штрафному батальону, 10, 13, 16-му и другим штрафбатам, некоторым штрафным ротам. Теперь подлинность событий, происходивших в штрафных формированиях Великой Отечественной, значительно расширен и подкреплён архивными документами того времени, множество ксерокопий которых любезно предоставлены мне Центральным архивом МО РФ из Подольска, его добрыми людьми.

Особую признательность выражаю вице-президенту российского общества «Знание», председателю Правления МОО «Общество „Знание“ Санкт-Петербурга и Ленинградской области», доктору экономических наук, академику, профессору, ректору Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и главному финансисту общества, заслуженному экономисту России Антонине Васильевне Ружа. Именно они в те переломные и тяжелые годы после развала Советского Союза, в канун 60-летия Великой Победы, отважились финансировать первую публикацию моей книги «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Вышедшая двумя изданиями в ленинградском обществе «Знание», эта книга была первой правдивой публикацией о конкретном, 8-м Отдельном штрафном батальоне, прошедшем с боями от Сталинграда до Победы. Она фактически дала путевку в жизнь многим другим моим книгам, вышедшим не только в России, но и за ее пределами, например в Беларуси, в Великобритании (в переводе на английский). Хотя в эти годы были и прямо противоположные «произведения», изображающие извращенно историю этих непростых формирований Великой Отечественной войны или

просто нафантазированные авторами. Законодательное собрание Санкт-Петербурга, «высоко оценив историческое значение книги „Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина“», присудило мне в 2005 году Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Таким образом, вопреки фальсификаторам и злопыхателям вместе с другими честными военными историками мы вводим в научный оборот правдивые сведения о штрафбатах. Чаяния представителей поколения победителей о том, чтобы успеть рассказать правду о нашем прошлом, выразил в своих стихах весьма уважаемый мною ленинградский поэт, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Анатолий Владимирович Молчанов, которого я часто цитирую. Этот неординарный человек пережил в детстве ленинградскую блокаду и остался ленинградцем на всю свою оставшуюся жизнь. Она, к величайшему сожалению, уже оборвалась, прямо скажем, из-за «перестроенной», «модернизированной» на рыночный лад отечественной медицины. Это был потрясающе правдивый поэт, боровшийся за правду до конца своих дней.

Вот такая нам выпала доля,
Всю советскую правду хранить.
И пока мы живем – не позволим
Нашу правду другой подменить.

Перед памятью автора этих строк, перед памятью воинов, отдавших свои жизни ради свободы Отечества, ради тех поколений, которых долгие годы старательно вводили в заблуждение злонамеренной ложью всякого рода дельцы от истории и литературы, я тоже считаю своим долгом «не позволить нашу правду другой подменить».

За мои довольно долгие годы жизни вообще (уже пройден порог 90-летия), и 40-летней армейской службы в частности, выпало много событий, встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни. Главная цель этой моей книги – показать то непростое, но поистине героическое время через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь. Показать и ту Эпоху, которая осталась теперь лишь в нашей памяти, да еще и в честных произведениях представителей, увы, уже уходящего поколения победителей. Жаль, не отражена она достойно в школьных или вузовских учебниках и даже заменена солженицынскими профанациями. А правду об этом времени нужно знать и помнить всем, кто приходит нам на смену, чтобы не вырасти «Иванами, не помнящими родства».

В отличие от прежних моих изданий в этой новой книге много совершенно новых документальных материалов не только о штрафбатах, но и штрафротах, вообще о штрафниках, материалов, давших ей новое направление, характерную фабулу, раскрывающую особенности соотношения категорий «преступление-наказание», «вина-искупление». От всякого рода других публикаций на «штрафную тему» без указания «адреса», документальной базы и реальных лиц, описываемых событий, от «романов» или аналогичных «произведений» предлагаемая книга отличается тем, что в ней нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода, ни одной нереальной фамилии персонажа. Исключениями могут быть только те фамилии, которых память просто не удержала.

Как говорил в свое время великий Маяковский:

Грудью у витринных книжных груд.
Моя фамилия в поэтической рубрике.
Радуюсь я – это мой труд

Вливается в труд моей республики.

Радуюсь и я, что хоть не в «поэтической рубрике», но своими книгами, вливающимися в труд честных историков, открываю правду, пусть об одной только, весьма сложной грани большой и тяжелой войны, выпавшей на долю нашего поколения, к сожалению, извращенной недобросовестными писателями. В отличие от писателей-сочинителей считаю себя писателем-документалистом, писателем-мемуаристом на основе строгой правдивости. Высшей оценкой своих книг считаю мнение известного советского писателя Юрия Васильевича Бондарева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, признанного классика советской военной прозы: «Получил Вашу книгу... Материал интересный, скорее всего – не просто материал, а документ Великой Отечественной войны...»

Многочисленные отзывы и публикации моих читателей подтверждают это.

Не без гордости сообщаю, что правду о штрафбатах, изложенную в моих книгах, известный режиссер студии документальных фильмов «Отражение» из зауральского Кургана Александр Голубкин отразил в фильме «Штрафбатьа», который с успехом прошел на разных международных кинофестивалях, завоевал Гран-при и множество дипломов.

Жаль, этого нашего «Штрафбатю» не пускают на официальные телеканалы. Зато там злобно-лживый 11-серийный «Штрафбат» Володарского и Достая объявляли «самым правдивым», а показывать реальную правду о штрафбатах было не в их антиисторических интересах.

Многие телеканалы России, создавая документальные ленты на тему штрафбатов, непременно обращаются либо к моим книгам, либо непосредственно ко мне. Правда, часть из них в своих фильмах пытались «поправить» домыслами реальность, не совпадавшую с их понятиями, например НТВ, Россия-1. Особенно гадко обошелся со свидетельствами фронтовиков Кирилл Набутов (1-й ТВ-канал, серия его фильмов «Пока не поздно»). Я вынужден был потребовать непосредственно от руководителя канала Константина Эрнста снять с экрана эту поделку, оскорбляющую честь и достоинство ветеранов. Фильм больше не шел, программу закрыли, но даже элементарного извинения от Эрнста или от самого Набутова не последовало.

Из множества откликов на мои книги и публикации помещу здесь лишь несколько, в том числе очень для меня значимый, от коллектива Облученской школы, из которой в 1941 году мне, дальневосточному юноше, довелось шагнуть в войну.

«Уважаемый Ветеран, дорогой наш выпускник Александр Васильевич! Ваши книги, публикации в газетах, выступления по телевидению помогают нам несколько иначе взглянуть на жизнь, на окружающий нас мир. Мы в школе проводим обсуждения в старших классах, подобные встречи-обсуждения прошли среди ветеранов и коммунистов города. Вы, Александр Васильевич, для нас являетесь примером стойкости, жизнелюбия и оптимизма.

Коллектив учителей, мальчишки и девчонки Вашей родной Облученской средней школы № 3 имени Героя Советского Союза Тварковского».

В 2008 году, после выхода в Москве моей книги «Правда о штрафбатах», а также на ТВ-канале «Россия-1» фильма «Цена победы. Генерал Горбатов», в котором состоялось и мое участие, мне посчастливилось познакомиться с внучкой легендарного командарма Ириной Александровной. Приведу здесь фрагменты ее письма ко мне.

«Еще раз с большим удовольствием прочитала 3-е издание Вашей книги. Ваши воспоминания производят сильное впечатление своей достоверностью, искренностью и глубиной переживаний. Спасибо Вам за теплые слова, сказанные в адрес генерала Горбатова. Никто не останется

равнодушным к Вашей правде и той боли, которую вы испытываете, когда сталкиваетесь с лживыми „произведениями“ новых „летописцев“ нашей Великой Отечественной. У Вас много союзников и среди молодежи. Все же вы достучались до людей и, несмотря на рекламные кампании, уже редко кто считает тот фильм „по-володарски“ о штрафбате истиной в последней инстанции и смотрит его».

Приведу мнение, заявленное только одним из многих участников форума на интернет-конференции, проведенной на сайте «17 марта», 38-летнего украинца из Запорожья Станислава Валерьевича О... Надеюсь, читатели сопоставят слова молодого жителя Украины с усилиями порошковско-профашистской пропаганды.

«Моя сердечная признательность Александру Васильевичу за возможность из первых уст узнать правду о самой великой – и самой страшной – войне. Спасибо Вам за то, что взяли на себя этот тяжкий труд. Если бы не вы, фронтовики, нам пришлось бы учить историю по Володарским да по Солженицыным. Желаю Вам вменяемых редакторов в издательствах, которые поймут, что книги писателя Пыльцына нужны не столько лично генералу Пыльцыну, сколько всем нам, живущим сегодня благодаря подвигу многих фронтовиков».

Мои книги не могут, наверное, кардинально изменить что-либо в настоящем. Но они, слава богу, меняют на диаметрально противоположное то, чему успели «научить», что фальшивого, вредного, антиисторического упорно, бессовестно вдалбливают в умы послевоенных поколений.

Очень уместны здесь, полагаю, строки из совсем недавно прочитанного мною сборника стихов современного оригинального поэта-врача Евгения Смолякова, которые очень совпали с моими мыслями о результативности моих усилий в борьбе за правду.

Все же мне удалось, как в сражение,
Умирая за каждую пядь,
Пусть в недальнем моем окружение,
Чьих-то душ бастионы занять.

Надеюсь, мои книги тоже «занимают бастионы душ» читателей и как-то выправляют искаженные злонамеренной ложью представления о прошлом, пусть не у всех, но у многих из них, как об этом сказал нашедший меня в 2014 году внук моего фронтового друга Бориса Тачаева Кирилл Батуркин:

«От книги Вашей не мог оторваться. Ожидал встретить „сухой“ исторический очерк, а получилось, что сам окунулся в эту тревожную, иногда жуткую атмосферу, где есть место и юмору, и оптимизму. Хочу признаться, до этого мои представления в общем основывались на известных штампах: войну выиграли „горами трупов“, „водкой“ и „заградотрядами“. Да и оценки будто уважаемых людей были категорично очернительными. Я имею в виду вроде бы солидного писателя В. Астафьева, роман „Прокляты и убиты“ которого я и считал образцом „последней правды“ о войне. Да и вообще, нам настойчиво прививалось, что вся „правда“ – она оттуда, с запада, ее и надо слушать, на нее равняться. Последние события показали: такого потока бесстыдной лжи и хамства от западных СМИ и всевозможных „общественников“ на моем

коротком веку еще не было. Очень хорошо, что все наконец встало на свои места».

Всем, кто правильно понимает меня и других честных документалистов и это понимание старается донести до широких масс, я очень благодарен. В этом ряду стоят телеканал «Культура», МТРК «МИР», уважительно относящиеся к созданию документальных лент и телеинтервью на «штрафную тему», а также православный сайт «Русская народная линия» и сайт «17 марта», публикующие без искажений и «поправок» правдивые статьи по «штрафным» и другим современным проблемам.

Только добросовестные, честные военные историки и историографы, глубоко исследующие архивные материалы о штрафных формированиях, докапываются до истины. Большинство же современных журналистов, касаясь этих непростых событий, обычно пользуются публикациями того времени, когда по законам строгой цензуры практически о штрафных батальонах и ротах ничего не было в открытой печати, поэтому часто пользуются сомнительными сведениями.

Уверяю читателей, что в своих книгах не отрываю то «штрафбатовское» время от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на долгую последующую воинскую службу и жизнь вообще. Не скрываю: само определение меня в штрафбат, хотя и на командную должность, как и многое другое, бывшее со мной на фронте и вообще в моей 40-летней воинской службе, рождали иногда неясные, а то и обоснованные сомнения. Будто меня каким-то образом наказывают за репрессированных в довоенное и военное время отца и брата матери, будто я расплачиваюсь за то, что они были осуждены по общеизвестной тогда 58 статье УК РСФСР.

Во многом такие предположения были просто плодами воображения, но не всегда. О большинстве всех фактов и сомнений по поводу этой связки **преступлений и наказаний** я упоминаю по ходу событий и на фронте, и в своей дальнейшей многолетней воинской службе. С этой целью в книге мне пришлось совершать экскурсии и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, тем более что все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые, так или иначе, проявлялись в боевой обстановке и воинской службе вообще.

Как говорят, и «ежу понятно», что оболванивание масс, особенно через популярное ныне телевидение и некоторые сайты и сети Интернета, привело прежде всего подрастающие поколения к неадекватному восприятию исторических фактов. Налицо довольно печальные результаты, когда весь советский период истории нашей страны в умах многих уже поколений видится через «солженицынский ГУЛАГ» или астафьевских «Проклятых и убитых».

Есть у поэта-фронтовика Василия Дмитриевича Федорова такие строки, написанные еще в 1956 году:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак,
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.

Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя...
Сердца! – да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Упустили мы по крайней мере у себя в России да и во многих бывших советских республиках это предупреждение фронтовика. Грянула так называемая перестройка умов, затеянная и во многом довольно успешно осуществляемая злобствующими псевдоисториками и фальсификаторами по «забугорным» рецептам и «дорожным картам». Уже в сердца наших людей проникли со своими антинародными идеями недруги из-за рубежей и их апологеты доморощенные.

К примеру, Андрей Макаревич, «машинист времени», в свое время надеявшийся, что мир «прогнется под них», нынче, одобряя бандеровско-фашистский путч в Киеве, заявил: «Сейчас важно проявить уважение к историческому выбору соседей и постараться заслужить их уважение». Очевидно, уже сам Макаревич и иже с ним вроде скандально известной Ксении Собчак готовы «прогнуться» под неофашистов!

Главный их азимут – отрицание Великой Победы советского народа над немецким фашизмом – на его реставрацию, на дальнейшее разрушение исторических родственных связей славянских народов в угоду агрессивному Западу. Вставая против тех, кому наша Великая Победа «омрачает» их жизнь, вооружаемся словами поэтессы Клары Аникиной:

День Победы – весенний, прекрасный,
И чернить его ложью напрасно.
Ветеран, пока жив, защищайся,
Гордо встань, правду-матку скажи!
С борзописцами словом сражайся,
Не сдавай, ветеран, рубежи!

Вот мы, фронтовики Великой Отечественной, кто еще жив, не сдаем завоеванные рубежи, не складываем оружия в борьбе за правду о героизме советского народа в той, уже давней, но близкой нам войне, приведшей к разгрому германского фашизма. Даст бог, придем и к разгрому любого другого фашизма, нацизма, в какие бы одежды они ни рядились, какие бы маски ни надевали, бандеровские или им подобные. И вдохновляют нас на эту борьбу наши сверстники, прогрессивные писатели, поэты и наши молодые потомки, верящие в нас.

Растет плеяда честных историков молодого поколения, к которым я отношу и моих друзей – Игоря Пыхалова и доктора философских наук, председателя Петербургского Исторического клуба Андрея Вассоевича, известного доктора исторических наук профессора Юрия Рубцова, – в своих книгах, статьях, теле- и радиопередачах опровергающих злостные измышления вралей-антиисториков.

Когда же наступит и наш, воинов Великой Отечественной, последний час, то, уверен, наши идейные последователи будут так же вместо нас стойко бороться за правду о Священной войне, помня твердо, что «Ведь была она, была Победа, / И недругам ее, своим или чужим, – не отдадим!»

Из этого несколько распространенного введения в тему книги читателю станет ясно, о чем пойдет речь в ней, на какой исторической и нравственной позиции стоит и стоять будет всю оставшуюся жизнь ее автор. Книга эта поможет раскрыть особенности преступлений и наказаний за них направлением в штрафные формирования, а также способов искупления вины в них, перевоспитания и даже покаяния. Автор будет очень рад, если его точку зрения на наше прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, кто уже сменяет наше, увы, уходящее поколение.

Хронологию своего повествования, как уже говорил выше, я прерываю иногда просто необходимыми главами и вставками о своей довоенной и послевоенной жизни. Все это, как мне пишут многие из читателей, им интересно, так как большинство из них активную взрос-

лую жизнь начали либо в конце 20-го века, а то уже и в 21-м, когда канул в анналы истории так важный в ней советский период. А мы, ветераны Великой Отечественной – аборигены прошлого века и прежней социально-политической формации общества – хорошо понимаем, что многим хочется знать, как все это было тогда. Как соотносились в годы войны ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ, какой ценой добывалось ИСКУПЛЕНИЕ вины в войне и кардинальное перевоспитание оступившихся.

Есть одно очень меткое выражение: «Кто не хочет знать прошлое, тот не имеет права на будущее». Книга эта о прошлом, а читатель может сравнивать это с настоящим и находить пути к лучшему будущему.

Великий Тютчев полтора века назад написал знаменитое:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Да, нам не дано... Но в наше время, когда некоторые «гении» стали СЛОВОМ безответственно сорить и злословить, очень хочется, чтобы каждый, кто оставляет свое СЛОВО потомкам, мысленно продолжил для себя великое завещание Федора Ивановича хотя бы такими словами: «Но чтобы не иметь вины, мы предугадывать должны!» Да простят меня читатели за свое добавление к строкам Федора Ивановича.

Автор сей книги рассчитывает и будет очень рад, если наше доброе слово о прошлом отзовется сегодня и в будущем, как искреннее выражение любви к своей родине, своему народу. Надеюсь, что у тех, кому жить в будущем, НАШЕ СЛОВО о героическом прошлом, несмотря на кликушество русофобов и антиисториков, вызовет то сочувствие, которое и есть благодать.

Для пожилого человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Эта моя работа – тоже ностальгия, но не столько по нашей молодости и времени, выпавшему на нашу боевую юность. Это ностальгия по любви к Отечеству, за которое полегли в землю мои родные братья, мои боевые друзья, в том числе и офицеры-штрафники, с кем довелось нам, их командирам, делить непростую фронтовую судьбу. Это даже не ностальгия, а скорее скорбь о том, что наше понятие «любовь к Родине» удастся все-таки доморощенным лжеисторикам и лжепатриотам выхолостить из душ многих молодых граждан России. К нашей горькой печали, такое высокое чувство все реже просматривается в среде постперестроечных поколений, поглощенных заботами бизнеса и накопления. Так хочется передать нашим потомкам, в будущее, это высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине – России.

Дорогие читатели! Любите Родину, любите истинную, не искаженную ее историю, не извращенное, полное героизма, самопожертвований и Победы прошлое. И счастливого, справедливого будущего Вам!

Глава 1

Сберечь истинную историю войны и Победы

*Хватит измываться над Победой,
Крокодильими слезами обливаясь.
Вы там не были, а значит, вы – неведжды!
Вам раз плюнуть – прошлое охаять...*

Павел Апидамский

*О дети словоблудья, – ваш удел
Плести словесной лжи тугую пряжу.
Чернить того, кто был белей, чем мел,
И обелять того, – кто был чернее сажки.*

Автор не установлен

Сберечь истинную, а не надуманную историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми «историками», писателями, сценаристами, драматургами.

Особой целью фальсификаторов является тема штрафных батальонов. И, спекулируя на этой мало раскрытой истинными историческими документами теме, лжеисторики, спекулянты на истории чаще всего педалируют соотношения вины и уровня ответственности за нее, то есть ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. При этом еще клеветают на установленные на военное время формы ИСКУПЛЕНИЯ вины.

В средствах массовой информации мода охаивать нашу военную историю привела к тому, что необычные воинские формирования Великой Отечественной войны – штрафбаты – стали представляться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафбатах и армейских штрафных ротах, якобы комплектуемых преступниками-рецидивистами из мест заключения, и царящих в них тюремно-лагерных порядках. В постсоветские годы, а перед юбилеями Победы особенно, в различных российских СМИ усиливался поток публикаций «популярных» авторов, демонстрация «документальных», «художественных» кино- и телефильмов на «штрафную» тему.

Особенно преуспел в фальсификации исторической действительности уже покойный Эдуард Володарский, чей, «с позволения сказать, „роман“ „Штрафбат“, а точнее говоря, „штрафбред“, многотысячным тиражом был „рожден“ издательством „Вагриус“». О покойниках плохо не говорят, но не могу же я говорить хорошо, например, о Геббельсе, хотя он давно уже покойник, да простит меня читатель и за Володарского. Затем по этому «роману» к 60-летнему юбилею Победы с режиссерами В. и Н. Досталь они именно **состряпали** одноименный 11-серийный «художественный» сериал с тем же названием, где все перевернуто с ног на голову.

Самое первое, что во всех таких киноподелках нужно опровергать, – неофицерских штрафбатов просто не было! Штрафбаты состояли только из проштрафившихся (совершивших преступления или серьезные нарушения дисциплины, а иногда просто обвиненных в этом) офицеров. Умышленное смешение провинившихся офицеров, рядовых дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие – «штрафбат» – характерно для многих, не желающих знать истину. Никаких «врагов народа» или уголовников-рецидивистов к фронту и близко не под-

пускали, надо бы это знать и здравствующему Михалкову, да и многим другим, пытавшимся или пытающимся утверждать обратное. Но ведь не читают создатели фильмов, берущиеся за эту тему, не то что правдивых публикаций, но даже много раз уже опубликованного приказа Сталина «Ни шагу назад!», коим и учреждались штрафные батальоны и роты. Или, если и читают, то только для того, чтобы показать обратное.

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации общества «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси, в Минской области. Не стану говорить о тех незабываемых впечатлениях, которые остались у нас от увиденного там. А вот какое впечатление произвел скандальный фильм «Штрафбат» на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из статьи «А душа молода» в Белорусской военной газете «Во славу Родины». Там шла речь о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, посмотревшей этот «художественный» фильм. Вот только цитата оттуда:

«Часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом... После того как на российском телевидении был показан нашумевший сериал „Штрафбат“, этот теле-„шлягер“ привел Серафиму Ивановну в негодование. Вместо реальных штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, шли в атаки на врага с криком „За Родину!“, „За Сталина!“, которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела бандитов-рецидивистов. Вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль».

Этой лживой киноподелке, несмотря на массовое неприятие ее ветеранами из-за оскорбительных искажений исторических фактов, присваивали звучные эпитеты вроде «Шедевр из золотой серии отечественного киноискусства», «Художественное воплощение истинной правды о войне», «Самый правдивый фильм о войне» и т. п. Как будто об этом фильме сказал Воланд из булгаковского «Мастера и Маргариты»: «Интереснее всего в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова».

Несмотря на шквал критики фильма, позиция постановщика 11-серийного «Штрафбата» Н. Достая, четко им обозначена в «АиФ» № 21 2010 г. Этот киноварль договаривается до того... что в той войне «столько миллионов убито... зазря, по вине командующих наших... Столько народу ушло по вине Сталина и прочих». Оказывается, не по вине Гитлера, напавшего на нашу Родину ради порабощения и уничтожения миллионов славян, евреев, цыган и других «недочеловеков». Досталь в своей философии утверждает, что Гитлер лучше Сталина потому, что уничтожал чужие нации, а Сталин – свою. По Досталю выходит: лучше было позволить Гитлеру уничтожить всю «советскую нацию», чем жертвенно защитить страну и мир от уничтожения и порабощения. Такие идеи безнаказанно пропагандируются и другими русофобами – Гозманом, Хакамадой, Латыниной и им подобными.

Жестко и справедливо критикуют эти фильмы и их идеологов от рядовых фронтовиков до президента Академии военных наук, честные исследователи документов того времени. Однако российское телевидение ежегодно «крутило» этот злонамеренно лживый фильм фактически и по всему миру, специально подгадывая то ко Дню Победы, то к другой военно-исторической дате. Сегодня, когда «штрафная» тема стала модной, многие коммерческие издательства бросились собирать «сочинения» людей, что-то слышавших о штрафниках или просто способных на выдумки. Видимо, рейхсминистр пропаганды Геббельс, хотя был и не первым, кто поклонялся известному постулату: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят», но, оказывается, и далеко не последним.

Общеизвестно, что нынешнее молодое поколение предпочитает получать информацию с телевизионных или смартфоновских экранов, планшетов и т. п. После выхода на телеэкраны сериала «Штрафбат» они эту информацию получили. Очень непросто теперь убедить их в том, что увиденное – злостный вымысел режиссера и сценариста, которые не имели практически даже приближенного представления о реальных штрафбатах и не захотели его получить.

Все-таки нынешние электронные СМИ настойчиво продолжают искажать нашу историю.

Соблазн исказить историю овладел и властным кинематром Михалковым, отправившим в «Утомленных солнцем-2» своего героя, «врага народа» Котова, и целый лагерь политзаключенных в штрафбат в самые первые дни войны и явно на определенный срок. Хотя известно, что штрафбаты создавались лишь с августа 1942 года и срок пребывания в них был не более трех месяцев, а «врагам народа» туда путь вообще был закрыт. Этим фильмом-сериалом, особенно «Предстоянием» и «Цитаделью», специально тоже приуроченным к юбилеям Победы, Никита Сергеевич превзошел по уровню фальсификации истории Великой Отечественной войны своего скандального предшественника Володарского.

В 2011 году по телеэкранам прошла кинофальшивка Пиманова **«Жуков»**, вызвавшая у нас, ветеранов, просто омерзение. В главной роли – теперь уже известный актер Александр Балугев. Основой этого фильма является не полководческий гений легендарного Маршала Победы, спланировавшего и выигравшего самые крупные сражения Великой Отечественной войны. В непотребной кинострапне Пиманов повел речь о «сексуально озабоченном» бабнике, выдавая это за «правду, которую утаивали», игнорируя полководческий авторитет военачальника.

Конечно, создавший признанный народом образ Жукова народный артист СССР Михаил Ульянов, если бы мог встать из гроба, наверняка отвесил бы пощечины и Балугеву, и Пиманову, а Маршал Победы Георгий Константинович Жуков, учитывая его характер, поступил бы, наверное, еще решительнее.

Что касается Пиманова, то у меня с ним тоже был малопрятный контакт. Буквально за неделю до 60-летия Победы меня в Санкт-Петербурге навестила съемочная группа от Пиманова, тогда генерального директора ТК «Останкино». Цель – записать на видео рассказ о штрафном батальоне как человека, прошедшего штрафбатовскую школу. Съемка состоялась, мне даже сразу назвали дату телеэфира, вручили поздравительную открытку от Пиманова и тысячерублевую купюру, которую я воспринял как полагающийся гонорар или как подарок ко Дню Победы.

Но пришло назначенное время, прошел и Победный юбилей, а моего интервью не было. Миловидная женщина, возглавлявшая съемочную группу, на мои телефонные звонки отвечала уклончиво, а потом сообщила, что материал забракован, а ее уволили как не справившуюся с заданием. Я понял, что заказчик, то есть Алексей Пиманов, рассчитывал получить материал в угоду «Штрафбату» Володарского-Досталя или подтверждающий хотя бы основные версии их фильма, уже поставленного в программу телевидения, но ничего подобного не получил и отснятый видеоматериал забраковал.

Тогда я послал ему письмо, в котором написал: «Вас не устроила истинная правда о штрафбате, и вы, пытаясь выхолостить мое интервью, а потом и вовсе затерли его, так как оно не совпадало с точкой зрения не выдавших войны авторов „Штрафбата“, да и, как оказалось, вашей личной». Назвал его действия открытой попыткой «подкупить» меня этой купюрой, заявив, что «ни за какие иудины деньги, ни за вашу тысячу сребреников мы, ветераны, ни совесть свою, ни память, ни гордость и честь офицерскую не продаем».

Письмо опубликовала газета «Советская Россия». Так что мою пощечину, хотя и виртуальную, он все-таки, полагаю, получил. От такого «правдолюбца» и «правдоискателя» Пиманова едва ли можно было ожидать чего-нибудь похожего на правду и в фильме о Жукове.

Или другой пример фильмов «наоборот» – лента «Сволочи» Антонесяна. Из арсенала действий фашистов во время войны известны факты, когда они забрасывали подростков с оккупированных советских территорий в качестве диверсантов в наш тыл. Подтверждение этому в ориентировке Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта № 1244/6 от 4 декабря 1941 г.: «Об использовании немецкой разведкой подростков для сбора разведывательной информации о частях Красной Армии в прифронтовой полосе. 15 ноября 1941 г. особым Отд. НКВД 34-й кавдивизии задержаны 3 мальчика в возрасте 8-10 лет. Они рассказали, что в г. Бобруйске немцы собрали до 50 человек детей в возрасте от 8 до 10 лет, не имеющих или потерявших родителей, и обучают их разведывательной работе. После месячного обучения 10 человек были переброшены немецкой разведкой через р. Северный (правильно „Северский“) Донец в районе с. Каменка Харьковской области на нашу территорию...»

Однако режиссер Антонесян в своем фильме по сценарию некоего Владимира Файнберга сделал все наоборот, будто злобные бериевцы засылают диверсантов-малолеток в немецкий тыл или пускают под вражеские пулеметы. По-моему, название фильма больше соответствует характеристике его авторов.

Снова небольшое отступление.

С Файнбергом меня познакомили, когда я только работал над первой своей книгой о штрафбате, и это просочилось в печать. Тогда он что-то сочинял на «штрафбатовскую» тему и решил мне показать фрагменты своих «опусов», видимо, считая, что все в штрафбатах должны затаить зло на Сталина за создание таких батальонов. Его сочинительство было похоже на бред полоумного страшильщика, что я и дал понять Файнбергу. На этом наши контакты закончились, но стремление к осквернению того святого, что было на войне (а на войне случаются и события, далекие от святости), видимо, и привело его и Антонесяна к «Сволочам».

Но то «художественные» фильмы, авторам которых даже на исторические темы ныне почему-то дают право переиначивать историю на свой лад в угоду «режиссерскому видению».

В этом же ряду и телепередачи! Едва ли фронтовики могли простить канал НТВ за передачу «Генералиссимус», посвященную Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. Это часть многосерийной документальной телеэпопеи «Алтарь Победы», запущенной к 65-й годовщине Победы. Несмотря на положительную, порой даже восторженную оценку фронтовиками роли Верховного, заканчивается эта серия таким «итогом»: «Победа в Великой Отечественной войне достигнута советским народом не благодаря, а вопреки Сталину». Будто он всеми силами противостоял прославленным генералам и маршалам в управлении войсками, мешал всему советскому народу разгромить врага. Судьей Сталина в фильме был известный сталинофоб, киноактер Кваша, в жизни и понятия не имеющий о значении в войне даже сержантов, не то что командующих.

Один из команды создателей этого фильма (имя не называю по этическим соображениям) на мое возмущение таким «итогом» отреагировал: «Нам была установка не обелять Сталина». Но тем, кто берется за исторические фильмы, очернять историю своей страны только потому, что она в недалеком прошлом была Советским Союзом, – просто подло!

В ленте «Штрафбат» этой же серии судьей мнений фронтовиков, прошедших суровую школу штрафбатов, выступал тоже киноактер Серебряков, утверждавший, что в фильме Володарского с его участием – «все правда». Откуда Серебрякову, родившемуся почти через 20 лет после войны, знать «всю правду» о ней? «А судьи кто?» На НТВ, оказывается, судьями людей воевавших служат лицедеи, что привыкли произносить, порой хоть и талантливо, но чужие слова, жить чужими мыслями. Выходит, лгуны не они с их кинохозяевами, не авторы злостно-лживых киноподелок, а все мы, видевшие и саму войну, и штрафбаты в реальности!

Надо же набраться такого хамства, такой наглости! Хотя после одной из передач «НТВэшники», где было откровенно на весь мир заявлено: «Наш последний аргумент – хамство», –

нечему уже удивляться. А с нашим ветеранским возмущением ныне не считаются ни на телевидении, ни во властных структурах.

В 1985 году, узнав из «Комсомольской правды» о долгом моем пребывании в штрафбате командиром взвода и роты, известный писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев прислал мне письмо, где писал, что о штрафниках кое-что слышал, но сам о них ничего не знает, а ему нужно это знать на будущие творческие планы, и просил раскрыть кое-что.

Завязалась переписка, и, читая его публикации о войне, я заметил, что в них почти назойливо выпирало стремление найти выражения похлеще. Явно был замечен какой-то излишний натурализм, о чем я, неискушенный в писательском творчестве, не смел ему «указывать». Но подумалось, как бы он не стал на путь извращения штрафбатовской темы.

Наша переписка, однако, вскоре была омрачена публикацией в «Литературной газете» 1 января 1990 года его комментария «Парии войны» к «документальному» фильму Льва Данилова «Штрафники». Кондратьев в действительности только «кое-что слышавший» о штрафниках вообще, но со склонностями к поиску «острого», «необычного», был, вероятно, обманут такими «знатоками», как Данилов. В той статье Вячеслав Леонидович писал, что поскольку в годы войны Сталину «нужна была армия бесплатной рабочей силы», то за пустяки давали «чудовищные сроки», а потом пополняли этими зэками штрафбаты. Вот и здесь, как шило из мешка, торчала главная у «знатоков» мысль несоответствия преступлений мере наказания. Ссылался он и на «заградовские» пулеметы. Мне стало обидно, что он поверил Данилову и не принял во внимание свидетельства офицера, варившегося в этом «штрафном котле» до самой Победы.

Написал я Вячеславу Леонидовичу сердитое письмо. В нем позволил себе указать ему, что в кадре, где изображен станковый пулемет за цепью наступающей пехоты, обычный рядовой пехотинец поймет, что это просто огневая поддержка пехоты, а отнюдь не «заградовский» пулемет, как это утверждается в фильме. И еще добавил: «Как это Вы, фронтовик-сержант, опытный боец, да еще с солидным стажем довоенной службы, поверили бредням какого-то киношника, не нюхавшего фронтового пороха». Видимо, Кондратьев обиделся. Ответа от него я не получил и сожалел, что наша переписка оборвалась.

Спустя много времени, 20 сентября 1994 года, в газете «Правда» из статьи В. Кожемяко «Последний выстрел сержанта Кондратьева» узнаю о самоубийстве Вячеслава Леонидовича. Стало как-то не по себе. Подумал, что одной из причин этой трагедии могло послужить и осознание им своей вины перед теми, кого он называл «париями войны», обогланными в фильме Данилова, а также и понимание морального смысла того, чем он стал грешить последнее время. Было трудно понять, как это фронтовик встал на позиции ельцинистов и тех «знатоков», кто считал, что «войну выиграли мясом». Фактически Кондратьев вдруг стал, подобно Виктору Астафьеву, рупором тех, кто видит Великую Отечественную только в черном свете. Его «последний выстрел» мог стать результатом осознания пагубности своего перерождения.

Виктор Кожемяко в этой статье приводит реакцию Вячеслава Кондратьева на «Закон о монетизации льгот», где четко видно его прозрение.

«Не хочется что-то мне умиляться и выражать восторги по поводу нашего демократического правительства. Не могу <...> петь хвалу „рыночным“ в кавычках реформам, ударившим по самому незащищенному слою нашего народа – по пенсионерам. Представляют ли наши молодые правители из команды Е. Гайдара, кто является ныне пенсионером? Это спасшие Россию на фронтах Отечественной, восстановившие разрушенное войной хозяйство <...>. Мне часто пишет один голландец<...>, чуть ли не в каждом письме говорит, как они обязаны русским, которые спасли их от фашистской чумы. А родное русское правительство не помнит этого. Позор! И, если хоть один ветеран Отечественной войны помрет от голода, я первый

выйду к Белому дому и стану требовать отставки правительства». Вот здесь заговорил прозревший фронтовик-писатель, но «последний выстрел сержанта Кондратьева» показал, что «единожды солгавший» или вставший на сторону лгунов не всегда находит верный путь к возвращению. Правда, его бывший кумир Ельцин тоже обещал «положить голову на рельсы», если...

Владимир Владимирович Путин, став уже Президентом России, говорил 22 июня 2001 года: «Мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя исказить». Еще через 5 лет, в 2006 году, как и все участники войны, я получил стандартное поздравление с Днем Победы, в котором, напоминая о 65-летию с трагической даты начала Великой Отечественной войны, Владимир Владимирович писал: «Исторический масштаб и значение Победы не подвластны времени. Ведь то, что было истинно великим, останется великим навсегда».

Дмитрий Медведев, сменивший его на посту президента, спустя 3 года в своем обращении к участникам Отечественной войны констатировал: «Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями... Мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Но почему-то бесконечно и безнаказанно позволяем, позволяем, позволяем...

Летом 2009 года Медведев даже издал указ о создании специальной «Комиссии по противодействию фальсификации истории». В составе этой комиссии, как ни странно, не оказалось ни одного ветерана войны или видного и честного военного историка. Зато там нашлось место известному Николаю Сванидзе, одному из самых злобных клеветников на все российское историческое, особенно – советское, и многим его единомышленникам.

Жаль, призывы руководителей нашей страны, указ о «противодействии» не стали рекомендацией для все более наглеющих любителей «свободы слова», подобных Леониду Гозману, скандально известной Ксении Собчак и, к сожалению, уже немалой части других «переоценщиков» нашего героического и трагического прошлого.

Когда разгул неонацистских сил на Украине стал очевиден, по предложению министра обороны нашей страны Сергея Шойгу наша Госдума, много лет тормозившая принятие «Федерального закона о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны», наконец в апреле 2014 г. его приняла. Конечно, если бы этот закон был принят намного раньше, как давно требовали этого ветераны Великой Отечественной, может, и не случилось бы такого масштабного оживления бандеровщины на Украине, да и русофобов у нас дома. Жаль, что не только они продолжают и сегодня утверждать, что только пулеметные заслоны послужили причиной подвигов бойцов Красной Армии. Отдельные высокие политики, к сожалению, выражают свое, иногда даже не молчаливое согласие.

Позволительно их спросить: не заградотрядовские ли пулеметы принудили 470 бойцов повторить подвиг пехотинца Александра Матросова, закрыв своими телами вражеские амбразуры? Или 506 авиаэкипажей, направляя свои самолеты на войска и технику врага, совершали подвиг Николая Гастелло тоже под угрозой пулеметов мифических энкавэдэвских «заградсамолетов»? И если ни один корабль, ни одна подводная лодка советского ВМФ не спустили боевой флаг перед противником, то это все было эффектом «заградкатеров» или «заградподлодок»?

Однако не я первый встаю против кинодеятелей, сочинявших злостно клеветнические «художественные» киноподелки, и любителей демонизации заградотрядов. Как и другие честные военные историки, я тоже утверждаю, что и за штрафбатами, в том числе за нашим 8-м ОШБ 1-го Белорусского фронта (бывшего ранее Сталинградским, Донским, Центральным и просто Белорусским), как и за армейскими штрафными ротами, никогда не выставлялись

заградотряды, создаваемые в соответствии с тем же Приказом № 227. Современные истинные историки при самом тщательном поиске не обнаружили архивных свидетельств того, что заградотряды гнали в атаку свои войска под дулами пулеметов или расстреливали отступающие войска.

Признанным боссам киноиндустрии давно следует взять за правило максимум исторической точности и строгую взвешенность собственных фантазий, тем более что их выдумки порой переходят даже границы приличия.

Нам, старшему поколению, отрадно, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, очернителям прошлого не удалось затуманить мозги всем поколениям, приходящим нам на смену. А значит, выживет истина, будет жить славная, не запачканная лгунами и фальсификаторами героическая история нашей Великой Родины!

Как образно и точно сформулировал ленинградский поэт Анатолий Молчанов оценку того действительно немислимо тяжелого военного времени и для воинов, и для всей страны:

Да, нам было немислимо плохо,
Путь к Победе был устлан костью...
Но всегда, до последнего вздоха
Мы советскими были людьми.

Фальсификаторы и очернители героического прошлого нашей истории умело, а часто и небезуспешно формируют у молодых поколений презрение ко всему советскому периоду нашей Родины, негодование по поводу коммунистической идеологии и социалистических ценностей. То ли безнаказанно, то ли прямо по вражеской указке внедряют они в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, советское поколение, не жалея ни сил своих, ни самой жизни защищали от фашистского нашествия. По их мнению, и войну-то народ выиграл сам, не благодаря умелому руководству наших маршалов и генералов, не воинским умением победивших фашистов, а «трусами своих солдат врага забросавших», «кровью советских людей заливших Европу».

Может, устроители парадов 9 мая в Москве и других городах в честь Победы, разделяя такие «выводы», не упоминают на этих парадах ни одного командующего фронтом, не говоря уже о Верховном Главнокомандующем. А о том, как поверженные фашистские знамена бросали к подножию Мавзолея на Параде Победы, стараются вымарать из исторической памяти людей, пряча от участников и гостей парадов это историческое место декоративной фанерой, будто какое-то стыдное место.

Дошло уже до того, что организаторы трансляции любых торжеств с Красной площади делают все, чтобы Мавзолей Ленина не попал в объективы телекамер. Конечно, известная всему миру трибуна на Красной площади могла напоминать, что тогда на ней стоял другой, истинный Верховный Главнокомандующий, действительно приведший свою страну и свой народ к Великой Победе.

Заодно можно выразить недоумение и по другому параду, ежегодно проводимому в Москве. Это парад 7 ноября, посвященный Дню проведения исторического военного парада на Красной площади в 1941 году. Тот парад 1941 года по силе воздействия на ход событий приравнивается к важнейшей военной операции. Он имел огромное значение по поднятию морального духа армии и ВСЕЙ СТРАНЫ, показав всему миру, что Москва не сдается и боевой дух армии не сломен.

А теперь «ПАРАД, посвященный ПАРАДУ»! И больше его никак в этот день не называют ни комментаторы с Красной площади, ни дикторы телепередач, хотя в официальных документах он значится как посвященный «историческому параду в день 24-й годовщины Октябрьской

революции». Правда, в 2015 году он уже именовался МАРШЕМ в честь военного парада 7 ноября 1941 года.

В общем, устроители этого парада или марша стараются выхолостить его истинное, не только всесоюзное, но и всемирное значение как посвященного именно Параду в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Мало того, превратили его в локальный московский праздник, в котором ни президент, ни премьер России уже никакого участия не принимают, демонстративно сделав главным его лицом мэра Москвы Сергея Собянина, тем самым снизив его действительно историческое значение. Ведь в 1941 году по брусчатке Красной площади столицы СССР – Москвы – прошли и сибиряки-дальневосточники, кавалеристы дивизии, сформированной в Казахстане, курсанты военных училищ, поступившие в них с разных концов Советского Союза, не только москвичи. Поэтому ограничение этого торжества рамками Москвы, по крайней мере, некорректно.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив, а если его не находят, то безбожно лгут, выдумывая небылицы. Все советское, так или иначе связанное или намеренно связываемое с именем Сталина, свалено в сточную канаву лжи и клеветы. Забыли, наверное, все эти отрицатели нашего героического прошлого очень меткое выражение: «Тот, кто плюет в свое прошлое, попадает в собственное будущее».

Хотелось бы напомнить этим клеветникам слова фронтового поэта Фатыха Карима, погибшего в боях под Кенигсбергом в 1945 году. Он словно из небытия дает нам потрясающий совет:

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Отрезать языки тупым ножом
И бросить их голодной своре псов!

Одумайтесь, клеветники и злопыхатели! Ведь если праведники наши с того света хотят провести над вами такую экзекуцию, то уж ТАМ, куда всем нам неизбежно придет время уходить, вам надо будет держать ответ не только перед Богом, но и перед ними. Верить в это предсказание или нет, дело каждого. Но все равно это что-то значит!

К каким только приемам искажения истории Советского Союза не прибегают ныне.

В 2014 году нашим ВГТРК было решено провести новую акцию к Дню Победы 9 мая – общероссийский конкурс «Имя Победы». Учитывая результат предыдущей акции и все возрастающий в народе авторитет имени Сталина как выдающегося военачальника и государственного деятеля, авторы новой акции приняли свои, явно целенаправленные меры.

Во-первых, в список претендентов на имя, наиболее подходящее к Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., не включили имя Сталина, пытаясь отделить, «отвязать» в сознании народа имя Сталина от Победы в Великой Отечественной войне и еще раз утвердить уже много раз провозглашенную антиисторическую идею: «народ победил не благодаря, а вопреки Сталину». Тем самым это имя намеренно и надежно изъяли не только из явных претендентов на первенство, но и вообще из участия в проекте. Можно сказать, переиначивая известную фразу «нет претендента – нет проблемы». Если бы в списках ВГТРК имя Генералиссимуса было, то не нужно быть оракулом, чтобы предугадать итоги голосования.

Во-вторых, несмотря на то что акция «Имя Победы» приурочена именно к годовщине Победы 1945 года в Великой Отечественной войне, в список включили имена многих, даже малоизвестных в истории России. В итоге был сформирован список из ста военачальников, начиная с древнерусских князей – Вещего Олега, Святослава, даже Мстислава Удатного (Уда-

лого), – заканчивая нашими современниками, такими как генералы Лебедь и Шаманов, к Великой Отечественной никакого отношения не имеющими.

Похоже, что этот список ста российских военачальников составлен по примеру американцев, опубликовавших в свое время список 100 великих полководцев мира, в котором Сталина тоже нет, зато Гитлер там 14-й по «величию». Этот «великий» проиграл войну Сталину! Из советских полководцев Маршал Победы Жуков после Конева, который почему-то впереди, на 54-м месте. Всех туда собрали, даже второразрядных американцев, а Чуйкова, Говорова и многих других наших маршалов и генералов в этом списке вообще нет. Вот откуда наши «знатоки» военной истории получают «установки», ноты чьих песен на их попитрах.

Всем ясно, что ни древние Вещий Олег или Удатный, как и современный, уважаемый мною командующий ВДВ генерал Шаманов, да и почти вся остальная сотня из списка, тем более Колчак, Деникин и многие другие, к Великой Победе 9 мая 1945 года никаким образом не причастны. Значит, устроители акции «Имя Победы» таким шулерским способом Победу над фашистской Германией в небывалой в истории мира войне уподобили то ли битве Вещего Олега с «неразумными хазарами», то ли битве Удатного при Калке, то ли даже колчаковскому беспределу в Сибири. Во всяком случае, здесь совершенно ясно видны уши тех, кто хотел бы принизить значение советской Победы 45-го и стереть ее величие из сознания людей.

Наконец, третье: в прежней акции «Имя России» голосовать можно было по телефону, и в ней могли принять участие все, кому доступен телефон, естественно, в том числе и старшим поколениям. Зато в новой акции «Имя Победы» свое мнение смогли высказать только лица, уверенно владеющие компьютерами, что априори выбило из рядов участников голосования ветеранов Великой Отечественной. Ведь известно же, компьютерами из 80-90-летних ветеранов владеют вообще едва ли больше одного-двух процентов. Но именно в памяти этих ветеранов прочно признание выдающейся роли в Победе Верховного Главнокомандующего Сталина.

Похоже, устроители акции «Имя Победы», в дополнение к известным мерам по «монетизации льгот», лишившим участников войны их законных прав и привилегий, решили добавить свое злодейство, искусственно лишили их еще и права высказать свое мнение по далеко не чуждой им проблеме истории России. Генеральному директору ВГТРК Олегу Добродееву вполне обоснованно было бы предъявить обвинение в нарушении прав человека.

В подтверждение предположений о возможных результатах этой акции, будь она проведена честно, надо добавить такой факт. Нижегородское отделение партии «Великое Отечество» и клуб «Суть Времени» справедливо посчитали организаторов общероссийского конкурса «Имя Победы» специально, обдуманно исключившими И.В. Сталина из своего списка. Видя такой виртуальный беспредел, нижегородцы создали альтернативный проект «Настоящее имя Победы». Намеренно сохранив все правила, по которым проводился конкурс ВГТРК, в том числе и голосование только по Интернету, добавили лишь две кандидатуры претендентов: Петр I и Иосиф Сталин, умышленно не включенные в проект ВГТРК.

Альтернативный проект «Настоящее имя Победы» без затрат на рекламы в СМИ и обычную раскрутку всего за две недели собрал более 65 000 голосов. Как и следовало ожидать, первое место уверенно занял Иосиф Виссарионович Сталин, потеснив в проекте ВГТРК на второе место Александра Васильевича Суворова, а на третье – Георгия Константиновича Жукова. Как видно, и без участия большинства ветеранов Великой Отечественной войны, не владеющих компьютером, имя Сталина первенствует в умах и молодых поколений, чего, надо полагать, больше всего и боятся руководители ВГТРК или те, кто их вдохновляет.

Современные «творцы настоящей правды», хулители нашей Победы, снедаемые страстью подражать «главным победителям» в той войне, Соединенным Штатам, не могут подняться до нравственно-духовных высот поколения победителей. В своих измышлениях эти «творцы» пытаются опустить истинных победителей до своего низкого, обывательского уровня злостных

ненавистников героического прошлого собственной страны. Наши СМИ практически захвачены подобными «политологами», «историками», «писателями» и прочая, прочая.

Принятый недавно у нас в России Закон об уголовной ответственности только за реабилитацию нацизма, к сожалению, пока никого не укротил из разгулявшихся русофобов. Явные русофобы типа Гозмана, Венедиктова, Макаревича и им подобные особенно проявляют свою антирусскость в связи с оживлением бандеровского неонацизма в Украине. Видимо, этот закон пока «действует» так же «эффективно», как, например, законы о противодействии фальсификации или коррупции.

И пусть я повторюсь, но еще раз хочу напомнить всякого рода злопыхателям: истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной. И как прекрасно ответил в свое время тем, кто «жалеет» нас, представителей довоенного поколения, известный советский поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,
Когда радители иные
И так и сяк жалеют нас,
Тогдашних жителей России.

Мы грамотней успели стать,
Терпимей стали и умней
И не позволим причитать
Над гордой юностью своей.

Как продолжение мыслей Ярослава Смелякова привожу опять строки выдающегося ленинградского поэта, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Анатолия Молчанова, горячее и честное сердце которого, к сожалению, уже перестало биться:

Нам говорят, что наше поколение
Прожило на коленях жизнь свою...
О, как мы пели, «стоя на коленях»!
Теперь так демократы не поют...

А завершить эту главу я хочу тоже стихами, но написанными моим сыном Александром как обращение уже к своим детям, к совсем юному поколению:

Замрите, слушайте, смотрите, ребятишки,
Дыханье затаив, став чуткими втройне:
Ведь вы последние девчонки и мальчишки,
Которым суждено услышать о войне.

К этим строкам стиха своего сына я добавил пару своих строк:

От тех, кто сам все это вынес, пережил,
Кто видел смерть в упор, но победил!

Да, пока мы живы, именно услышать, прочесть в наших воспоминаниях, а не в неоднократно выхолощенных учебниках. Тем более в не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках или увидеть в «кривом зеркале» современных электронных СМИ. Узнать непо-

средственно от тех, кто сам все это видел, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым жизнь и будущее многих поколений нашей Родины.

И пусть ваша вера в правдивое слово о героической истории народов страны, которой в недавнем времени был Советский Союз, будет тоже своеобразным штрафным ударом по фальсификаторам всех мастей.

Глава 2

Против искажения Приказа «Ни шагу назад!»

*Того, кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать.
Чем, в самом деле, жизнь нас может,
Нас, все выдавших, испугать?*

Константин Симонов

*Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов.
За каждой цифрой – кровь и смерть солдата,
Судьба страны в нашествии врагов.*

Константин Мамонтов

Самым расхожим и наиболее упоминаемым во всякого рода измышлениях о Великой Отечественной войне, в том числе у наших доморощенных ее фальсификаторов, является этот исторический приказ. Как известно, официально он назывался – «Приказ Наркома Обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА В КРАСНОЙ АРМИИ И ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО ОТХОДА С БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ». В войсках и в народе он получил звучное и емкое название «Ни шагу назад!».

Не вдумываясь в глубину его содержания, в обстановку того времени, когда он принимался, хулители нашего прошлого ничего не видят в нем, только «штрафбаты» и «заградотряды», только «сталинскую жестокость», бесчеловечность по отношению к воинам, от отступления которых могли удерживать только пулеметы заградотрядов.

Но не создание штрафных подразделений и заградотрядов было самой главной целью Приказа № 227, хотя это и важная составляющая этого необычного документа. Главная побудительная причина и основная задача его – добиться морального перелома в войсках, высокой личной ответственности у каждого воина за судьбу Советской Родины. Не совсем добросовестные историки, вернее – лжеисторики, приписывают Сталину какую-то «дьявольскую», бесчеловечную жестокость в изданном им приказе. Во всех регулярных армиях всегда предусматривалась строгая ответственность за выполнение боевых задач. Возьмем, к примеру, некоторые документы времен Петра Великого, касающиеся русской армии.

Из приказа Петра Первого воинству своему в день Полтавского сражения, июня 27 дня 1709 года: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого...»

Не правда ли, обращение Сталина в приказе «Ни шагу назад!» очень похоже на петровский документ: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам... Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, – это значит обеспечить за нами победу».

Вот несколько фраз из другого документа петровского времени: «Собственноручные Петра Первого Великого для военной битвы правила».

«Никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не смеет, пока он от своего командира к тому указ не получит. Кто же место свое без указа оставит, или друга выдаст, или бесчестный бег учинит, то онный будет лишен и чести, и живота. И для того как генералам, так и офицерам повелевается, чтоб крепко то солдатам внушали и оных в том удерживали, а хотя б так и случилось, чтоб рядовых было удержать не можно, то генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте, или пехота при коннице».

К этому, пожалуй, следует добавить еще выдержку из «Артикула 97 воинского 1715 года», опубликованного вместе с текстом «Устава воинского 1716 года»:

«Полки или роты, которые, с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть. И есть ли найдется, что начальныя притчины тому были, онным шпага от палача переломлена и оныя ошельмованы, а потом повешены будут».

Очевидно, нет необходимости переводить на современный язык этот документ, все предельно ясно. Сравните эти статьи и положения петровского «Устава» со словами сталинского приказа, которые разъясняют причины, вызвавшие такие жесткие меры:

«Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности. Я, как и многие другие, видел в его содержании и некоторую резкость, и категоричность оценок, но их оправдывало очень суровое и тревожное тогда время. Приказ этот был настолько убедительным, настолько оказался своевременным и крайне необходимым, что только тайным пособникам или сторонникам гитлеровского нашествия на нашу Родину он мог показаться тогда и кажется сегодня жестоким, бесчеловечным.

Вот как вспоминал Константин Симонов о воздействии этого приказа на сознание людей, говоря о своих личных чувствах:

«Стихи „Если дорог тебе твой дом“ были написаны мной под прямым впечатлением июльского приказа Сталина, смысл которого сводился к тому, что отступать дальше некуда, что нужно остановить врага любой, самой беспощадной ценой или погибнуть... Теперь движение жизни виделось в будущем прыжком, – или перепрыгнуть, или умереть. Именно это чувство, что выбора нет, что или ты убьешь врага, или он убьет тебя, подтолкнуло меня и буквально заставило написать эти стихи...

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,

Столько раз его и убей!

Так что же особенно жестокого, „бесчеловечного“, как любят говорить современные „правдоискатели“, было в Приказе № 227, кроме того, что „нужно остановить врага любой, самой беспощадной ценой или погибнуть“?»

Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов во время издания этого приказа, как и я, только что окончил военное училище и был командиром взвода. У него, как и у многих из нас, лейтенантов 1942 года, сложилось определенное впечатление от сталинского приказа.

Уже в наше время, 6 ноября 2004 года, в газете «Красная Звезда» Дмитрий Тимофеевич писал: «Сегодня вокруг этого приказа наплели горы лжи, спекуляций. Но можно ли представить себе иную постановку вопроса, когда решалась судьба страны? Разве сумели бы мы выстоять без железной дисциплины?»

Мне в связи с этим приходит на память то ли притча, то ли легенда о том, как нерешительность или непринятие нужных, иногда жестких, именно беспощадных мер в критической ситуации вопреки желаниям всякого рода «советчиков» приведет к непоправимому.

В ней рассказывается, как во время крушения поезда молодому человеку зажало ступню между двумя вагонами. А вагон уже горел, пламя приближалось. Собравшиеся охали, ахали, но помочь бедолаге никто не мог. Вдруг рядом оказался военный с саблей, выхватил ее из ножен и хотел отрубить зажатую и уже разможенную часть ноги. Присутствующие бурно запротестовали и не дали «сделать больно» человеку. Так этот, «спасенный от боли», через минуту заживо сгорел вместе с вагоном.

Не похоже ли это на то, что, если не принять жесткие меры в нужный момент, о которых так злословят нынче «любители правды», сгорела бы и наша Родина в огне навязанной нам войны? Очень точно выразил мысль большинства фронтовиков бывший офицер-штрафник, полковник в отставке Чернов Николай, персонаж документального фильма «Подвиг по приговору», в котором я тоже принимал участие: «Чтобы судить о штрафных батальонах, надо самому пройти войну, быть военным человеком. На войне идет речь о жизни и смерти всей страны. Штрафбаты созданы своевременно и принесли большую пользу, укрепив дисциплину в армии вообще и предотвратив многие необдуманные поступки военных разных рангов. Считаю, что командир всегда ответственен за дела и поступки своих подчиненных. Я был офицером-штрафником, понес наказание за своих подчиненных, это было уроком и для других».

От имени фронтовиков, от имени погибших на войне штрафников, с которыми вместе сражался на той войне, заявляю, что не могу пройти мимо умышленных искажений истории возникновения и боевых действий штрафных формирований, созданных приказом Сталина «Ни шагу назад!».

Наиболее расхожий миф всех антисталинистов и антисоветчиков возник еще во времена дурдомовской «оттепели» скрытого врага Советского Союза и России – пресловутого Никиты Хрущева. Уже много лет создается и раздувается миф о том, что Верховный Главнокомандующий Сталин умышленно создал штрафные батальоны и роты, чтобы загнать туда побольше воинов и просто уничтожать их в кровавых боях.

Пожалуй, самым «выдающимся» по концентрации искажений правды и откровенной лжи о штрафбатах стал известный 11-серийный «художественный» фильм «Штрафбат», заполнивший телевизионные экраны в канун 60-летия Победы и настойчиво, упорно демонстрировавшийся многие последующие годы. Создан он по одноименному «роману» Э. Володарского его единомышленником Н. Досталем, хотя эти «художники» далеко не единственные, кто беззастенчиво покушается на правду о Великой Отечественной. После назойливой демонстрации этого телесериала в течение многих лет, наверное, не найти в России человека, который бы не знал о существовании в Красной Армии штрафбатов и рот. И жаль тех, кто принял «развесистую клюкву» фильма за правду.

В принципе любой (настоящий, добросовестный) писатель или сценарист имеет право на вымысел. Плохо, когда этим правом явно злоупотребляют, полностью игнорируя историческую правду. Особенно это относится к кинематографу. Не секрет, что современная молодежь читать серьезную литературу, мягко говоря, не любит. Приучили их наши издатели к другим книгам. По данным Российской книжной палаты, в 2011 году самым печатаемым автором у нас был бренд «Дарья Донцова» – 79 изданий за год общим тиражом **более 2 млн 200 тысяч** экземпляров, прочно удерживавшая первенство уже несколько лет. В 2013 году у нее вышло 143 наименования книг общим тиражом 2 млн 831,5 тысяч экземпляров. И по итогам 2014 года самый издаваемый в России автор – Дарья Донцова, что подтверждают и данные ВЦИОМ. Какими фантастическими способностями должна обладать эта дама, если в 2014 году у нее вышло 95 книг общим тиражом 1,683 млн экземпляров! За ней с небольшим отрывом идут Т. Устинова, Т. Полякова и А. Маринина.

В «раскрутке» и навязывании книжному рынку этой «литературы» в погоне за прибылями, к сожалению, участвуют весьма крупные наши издательства, тогда как книга – товар необычный и издатель должен быть скорее просветителем, чем коммерсантом, даже в нынешней рыночно-денежной России. Куда там мне с реальным описанием действовавшего штрафбата со своими 10 книгами за 10 лет общим тиражом чуть более 70 тыс. экземпляров.

Ну а если получать информацию, то нынешняя молодежь, да и не только она, легче всего предпочитает черпать ее из Интернета и кинофильмов. Наиболее доходчивым и эффективным способом внедрения «нужной» информации из всех современных СМИ, естественно, в наше время считается видео или кино, которые охватывают посредством телевидения все возрастные группы населения. Поэтому хозяева массмедиа делают упор именно на этот вид воздействия современной, пока не теряющей своих позиций антиисторической идеологии на умы и сознание людей. Именно потому телеэкраны практически круглосуточно заполнены кино- и видеоматериалами, направленными на безнравственность, аморальность, искажение и извращение исторических событий.

Не так давно на экранах ТВ шел фильм по сценарию того же Володарского – «Последний бой майора Пугачева» по одноименному рассказу Варлама Шаламова, поставщика «фактов» и вымыслов о колымских и других «местах отдаленных» для автора «Архипелага ГУЛАГ», «обустройщика» России Солженицына.

Как утверждал бывший зэк Варлам Шаламов и как это показано в фильме по Шаламову-Володарскому, побег совершили майор Советской Армии и несколько таких же невинно осужденных фронтовиков, гибнущих в финале побега от пуль чекистов-палачей.

В действительности факт дерзкого побега был, только не фронтовики его совершили, а отпетая дюжина в составе 2 полицейских, 7 власовцев и 3 уголовников-рецидивистов. Вот такая «правда наоборот» «впаривается» в мозги обывателю.

Да простит мне читатель личные впечатления, но упомяну и факт, когда молодая, но уже далеко не школьного возраста дама из одной известной российской телекомпании брала у меня телеинтервью для своего ТВ-канала. На мою фразу о том, как мы перехитрили фрицев, эта дама вдруг возмущенно заметила мне, что «это нечестно, не по правилам», будто речь шла не о жестокой войне за свободу и независимость целой огромной страны, а что-то вроде спортивной борьбы по жестким правилам. А ведь эта дама – человек из наших СМИ и должна понимать разницу между спорт-играми и войной со злейшим врагом – фашизмом. Пришлось ей разъяснять, что военная хитрость – одна из составляющих и тактики, и стратегии, и напомнить, что, например, генерал-фельдмаршал Кутузов, когда ему задали вопрос, как ему удастся победить Наполеона, ответил что-то вроде: «Победить не знаю, а обмануть смогу». Факт сам по себе прискорбный, если в наших СМИ сотрудники, делающие материалы для эфира, сами уже со столь «запудренными» мозгами.

Но вернемся к начальной теме этой главы – про спекуляции о Приказе № 227 и обо всем, что при исполнении этого приказа тогда происходило. К сожалению, этому способствовало многолетнее «табу» на официальную информацию о созданных по этому приказу штрафных подразделениях, а также о заградотрядах. В 1944 году даже вышел специальный приказ № 034 маршала Василевского, подтверждающий незыблемый запрет на всякую информацию о них, т. е. «запрещение к открытому опубликованию сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах».

Все это, конечно, порождало массу недостоверных слухов, но чаще – злонамеренных вымыслов о том, чего не только не было, но просто не могло быть. Именно после Приказа Сталина № 227 по-настоящему стали укреплять дисциплину, бороться с паникерами и дезертирами, отстаивать каждый клочок земли. И цель была достигнута. Эти решительные меры и повысили обороноспособность войск, укрепили в них уверенность в окончательном разгроме врага.

Надо понять всем особенно ярым любителям извращения нашей отечественной истории: если штрафбаты и заградотряды учреждались одним приказом, то это не значит вовсе, что создавались именно одни для других. Однако уж очень хочется эти события так увязать в своих рассуждениях и публикациях, чтобы все поколения, пришедшие на смену победителям фашистской чумы, поверили этим бредням. К числу таких фальсификаторов следует отнести и известного своей злобностью Сванидзе, автора «Исторических хроник» и «главного судьи» в ныне почившем шоу «Суд времени», да и многих, подражающих этим лжеисторикам.

Откровенная атака средств массовой информации на историю Великой Отечественной войны, ее извращение, фальсификация, к сожалению, оставляют заметные негативные следы в умах тех, кто не знал, не видел всего, что на самом деле происходило в поистине страшные, но и героические годы. И не только в умах школьников, у которых не осталось в живых родных, на себе перенесших лишения и потери тех лет, о которых они могли бы рассказать своим потомкам. Даже люди взрослые, уже с большим жизненным опытом порой поддаются ложным доводам хулителей всего советского.

Хочется сказать всем этим лгунам: поменьше злобы, побольше исторических фактов, господа!

Пожалуй, наиболее употребляемой у лжеисториков является обязательная комбинация штрафбатов и заградотрядов. На страницах этой книги, которая повествует о реальных штрафбатах, реально действовавших от Сталинграда до Берлина без заградотрядов, надеюсь, удастся дать достойный отпор всей этой братии дельцов от истории.

Штрафные батальоны и отдельные штрафные роты в те военные годы оказались не только очень эффективным инструментом в повышении ответственности всех категорий воинов. Они еще, во-первых, минимизировали применение к трусам и паникерам такой формы наказания, как расстрел, которой обладали в военное время на фронте командиры многих степеней, и не только в нашей армии. Во-вторых, штрафбаты и штрафроты давали провинившимся возможность в боевых условиях искупить свою вину, «отмыть» позорное пятно, вернуться в строй честным бойцом, а если он сложит голову в бою за Родину, то тоже павшим, как миллионы честных бойцов Красной Армии. Что касается заградотрядов, то нам, штрафбатовцам, с ними не приходилось не только «взаимодействовать», но даже соседствовать.

Как говорят, «дурной пример заразителен». К 65-й годовщине Победы Никита Михалков выдал продолжение фильма «Утомленные солнцем». Приурочен он был не только к юбилею Победы, чтобы обидеть фронтовиков, но еще и к Каннскому кинофестивалю в надежде повторить успех своего первого оскароносного фильма под тем же названием. Штрафбат у Михалкова не офицерское подразделение, а сброд эков-«врагов народа», и лагерники встречают сообщение о начале войны радостно, как избавление от ненавистной советской власти, а

эта власть уже в первые дни войны направляет их в штрафбат, чтобы они остановили тех, кто пришел уничтожить ту самую власть.

Благополучно провалился этот фильм в Каннах, как фактически провалился и в отечественном прокате. Никита, однако, не стесняясь, заявил в одной телебеседе: «История не главное. Какое значение для молодого человека имеет то, что штрафбаты создавались не в 1941 году». Все с точностью до наоборот. Недаром известный киноактер Леонид Филатов намного раньше в своем удивительно точном по многим параметрам «Федоте-стрельце» выразил весьма подходящую к данному случаю мысль:

«А что сказка дурна – то рассказчика вина.
А у нас спокон веков нет суда на дураков!»

Нашел я как-то в Интернете одно высказывание, которое ну очень точно совпало с моим мнением относительно фильма «Штрафбат». И хотя я не установил подлинного имени автора, привожу это высказывание с некоторым сокращением: «Художественный вымысел? Не смешите, – не такие уж идиоты создатели „Штрафбата“. Если фильм не документальный, а художественный, все позволено? Художественный вымысел тоже имеет границы. Подлость – это и есть предел для художественного вымысла».

Спасибо, дорогой мой единомышленник по этой очень важной теме для меня, штрафбатовского офицера и автора книг о нашем 8-м штрафбате. Значит, не зря мы ломаем копья за настоящую правду, единомышленников наших становится все больше.

Теперь перейдем к нашим боевым действиям, чтобы еще раз опровергнуть бездоказательные домыслы, а часто и откровенную ложь о том, что за штрафниками всегда стояли заградотряды. Никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории городят небылицы, пишут и стряпают дорогие фильмы, за нами не было. Интересно, как эти псевдоисторики представляли бы заградотряд, понуждающий штрафников действовать там, за линией фронта, во вражеском тылу, как дерзко действовал наш 8-й штрафбат в феврале 1944 года при взятии Рогачева? А тогда была вера и у нас, взводных и ротных командиров штрафников, и у командующих армией и фронтом в то, что они, бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину свою, которую в большинстве своем они сознавали или против которой скрепя сердце не возражали.

Я уже упоминал выше о документальном фильме «Подвиг по приговору». Несмотря на некоторые огрехи, этот фильм оказался первым документальным на эту тему, близким к былой действительности. Когда я говорю об огрехах этого фильма, то в первую очередь о том, что некоторые заявления авторов фильма все-таки не соответствуют исторической правде. Например, они говорят, что штрафников предупреждали: «в случае ранений назад из боя выходить нельзя, пристрелят. Такой был тогда порядок».

Враки! Не было такого «порядка». Наоборот, мы разъясняли своим подчиненным, что даже при легком ранении они имеют право самостоятельно покинуть поле боя. К сведению читателей, тогда к легкораненым относились те, у которых нет проникающих ранений полостей (черепа, груди, живота), а есть повреждения мягких тканей без поражения внутренних органов, костей, суставов, нервных стволов и крупных кровеносных сосудов.

Я знаю много случаев в нашем батальоне, когда штрафник, получивший нетяжелое ранение, продолжал выполнять боевую задачу, не оставляя своих боевых товарищей, и даже погибал, не воспользовавшись еще при жизни безоговорочным правом восстановления в офицерах. Известен даже случай, когда находившийся в штрафбате Волховского фронта старший лейтенант Белоножко, будучи тяжелораненым (у него почти полностью оторвало ступню ноги), сам отрезал ее и, не оставив поле боя, продолжал вести огонь по противнику.

И еще об одном заблуждении. Как-то в нью-йоркской газете «Еврейское слово», присланной однажды мне из Америки, было опубликовано интервью Льва Бродского, бывшего штрафника 8-го штрафбата. Он побывал и выжил в немецком плену, несмотря на известную нетерпимость фашистов к евреям. Из плена ему удалось бежать в группе с русскими, прикрывавшими его. А потом, как и многим бывшим пленным, ему досталась штрафная судьба. Впоследствии он эмигрировал в США. В штрафбате, говорил он корреспонденту, могли за неповиновение запросто расстрелять. Когда корреспондент задал ему вопрос о том, многих ли штрафников расстреляли за то время, когда он, Бродский, отбывал наказание в штрафбате, тот ответил: «Представьте себе, никого. Дисциплина у нас была на высоком уровне. Да и в командовании не было жестоких, кровожадных людей». Однако там, в Америке, Бродский сделал и «открытие», заявив, что во время того самого рейда «штрафниками командовали сами штрафники, а не штатные офицеры». Не думаю, что бывший штрафник посчитал командиров отделений, которые назначались действительно из штрафников, за штатных командиров. Это просто либо большое воображение самого Льва Бродского, либо злобный «забугорный» политзаказ. А где тогда, по его мнению, могли быть штатные командиры рот и взводов штрафников? А любителям «жареного» вопрос: где тогда могли быть те самые заградотряды, если фальсификаторы утверждают, что штрафбаты в бой шли не иначе, как под дулами заградотрядовских пулеметов?

Нам, кто прошел школу штрафбатов, было многие годы настоятельно рекомендовано «не распространяться» о штрафбатах. И мы, когда уже были не в силах нести это тайное бремя правды, терпеть злостное искажение ее некоторыми «продвинутыми» лгунами и стали нарушать этот запрет, часто слышали: «А, штрафбаты-заградотряды – знаем!!!» И вот это «знаем!» сводилось прежде всего к тому, будто штрафников в атаки поднимали не их командиры, а исключительно пулеметы заградотрядов, поставленные за спинами штрафников. Это упорное многолетнее искажение фактов привело к тому, что в обществе сложилось превратное представление о штрафбатах.

Едва ли найдется кто-либо, не знакомый с известной песней Владимира Высоцкого «В прорыв идут штрафные батальоны», где истинные штрафники, на самом деле порой проявлявшие настоящий героизм, представлены некой безликой «рваниной», которой в случае, если выживет, позволялось «гулять от рубля и выше!». С тех пор и пошла гулять молва об уголовной «рванине» в штрафбатах. А это бахвалистое «мы знаем!» чаще всего и громче всего произносили люди, фактически ничего не знавшие о реальных штрафбатах и о реальных же заградотрядах.

Еще один «миф», вернее, злостный вымысел о штрафниках-«смертниках». Ох, и любят наши издатели бравировать каким-то незыблемым правилом, якобы существовавшим в штрафбатах и отдельных штрафротах. При этом они опираются на фразу из того самого приказа Сталина, в котором (специально повторяюсь) дословно записано следующее: «...поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». Однако любители приводить эту цитату почему-то не приводят один из первых пунктов из «Положения о штрафных батальонах действующей армии», который гласит: «За боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде». И только тремя пунктами ниже говорится: «Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы...»

Итак, совершенно очевидно: главным условием освобождения от наказания штрафбатом является не «пролитие крови», а боевые заслуги. В боевой истории нашего штрафбата были эпизоды очень больших потерь: война, да еще «на более трудных участках фронта», ведь не

прогулка. При штурмах самых опасных, наиболее укрепленных участков или позиций противника, куда и бросались штрафные батальоны или армейские штрафроты, боевые потери бывали и внушительными. Официальная статистика оперирует такими цифрами: потери в штрафных подразделениях были в среднем в 3, а иногда и в 6 раз выше, чем в обычных стрелковых частях. Поверим статистике, хотя это ведь очень усредненные величины.

Приведу пример из архивных данных по нашему штрафному батальону. На Наревском плацдарме в Польше или при форсировании Одера, когда в боях участвовали только поротно, потери у нас ранеными и убитыми были очень большими, до 80%. Сравните: в Рогачевско-Жлобинской операции февраля 1944 года, когда наш 8-й штрафбат в полном составе 5 дней героически действовал в тылу врага, потери были несравненно меньшими: всего убитыми и ранеными мы потеряли 60 человек, т. е. около 8%. Но зато из более чем 800 штрафников почти 600 были за боевые заслуги без «пролития крови» (не будучи ранеными) восстановлены в офицерских правах досрочно, то есть даже не пройдя срока наказания (от 1 до 3 месяцев), даже если всего-то в боях они были только эти 5 дней.

На примере нашего батальона утверждаю: редкая боевая задача, выполненная штрафниками, обходилась без награждения особо отличившихся орденами или медалями. Конечно, решения эти зависели от комбата и командующих, в чьем боевом подчинении оказывался штрафбат. Резонно заметить также, что слова «искупить кровью» в сталинском приказе не более чем эмоциональное выражение для обострения чувства ответственности на войне за свою вину. А то, что некоторые военачальники посылали штрафников в атаки через необезвреженные минные поля (и это бывало), говорит больше об уровне их порядочности, чем о законности таких решений.

Приведу официальные цифры, позволяющие судить, кто и как покидал штрафные части.

В декабре 1943 г. из всех штрафбатов и штрафрот выбыло 26 446 штрафников, из них: 4885 – досрочно, то есть за подвиги, боевые заслуги; 5317 – по отбытии срока и по другим причинам. Эти цифры подтверждают фактическую истину, что более 40% (10 202 человека) покинули штрафные формирования «без пролития крови» в буквальном смысле этого слова, а искупили свою вину кто кровью, а кто и жизнью, около 60%. Убитых, раненых, больных – 16 244. Соотношение же убитых и раненых, как говорит статистика, обычно 1:3. Но даже если учесть, что штрафников всегда направляли на самые опасные и трудные участки фронта, то число убитых все равно не бывает больше числа раненых. Так что если даже взять число погибших и раненых 1:1, то погибших по отношению к общему числу выбывших из штрафбатов будет не более 30%. Это не дает права некоторым авторам утверждать, что там были смертники, живыми оттуда редко кто возвращался.

Числом заболевших можно пренебречь, так как штрафники старались даже не признаваться в своем болезненном состоянии, так как время, официально проведенное на больничной койке не по ранению, а по болезни, как и время на формировании, то есть не в боевых условиях, в зачет срока наказания не входило. При этом надо иметь в виду, что если болезнь приводила штрафника к инвалидности или негодности к военной службе, то с учетом проявления его качеств в штрафбате и сути преступления он либо отчислялся из штрафбата со снятием судимости, либо получал «право» отбыть наказание по приговору Военного трибунала вне штрафбата, то есть «обычным» способом.

Теперь о другом «мифе», вернее – о бессовестном вымысле, будто штрафников «гнали» в бой без оружия.

Могу безапелляционно утверждать, что в нашем 8-м штрафбате 1-го Белорусского фронта, как, вероятно, и в остальных, всегда было в достатке современного по тому времени, а иногда и самого лучшего стрелкового оружия, даже по сравнению с обычными стрелковыми подразделениями. Чаще всего наш батальон участвовал в боях, как правило, поротно, т. е. как только успевали сформировать одну роту, она направлялась на выполнение боевой задачи. Но

вот в период от боевых действий на Курской дуге и до освобождения Бреста батальон действовал в полноштатном составе. Тогда он состоял из семи рот, в том числе трех стрелковых рот, в которых на каждое отделение в каждом из трех стрелковых взводов был ручной пулемет. Посчитайте: трижды три – 9 пулеметов Дегтярева, а на батальон – 27, а остальные бойцы были вооружены винтовками-трехлинейками и самозарядными (полуавтоматическими) винтовками Токарева (СВТ). Кроме того, в каждой роте полагалось иметь еще на каждый взвод по ротному (50-мм) миномету, что не всегда у нас в действительности осуществлялось из-за малой эффективности этого вида оружия.

В батальоне в тот период были, кроме 3 стрелковых, еще 4 других: двухвзводного состава рота ПТР (противотанковых ружей) всегда была полностью вооружена этими ружьями, в том числе и многозарядными «Симоновскими», а минометная рота, тоже двухвзводная, – 82-мм минометами. Кроме них – рота автоматчиков, вооруженная автоматами ППД, постепенно заменяемыми более совершенными ППШ, пулеметная рота, на вооружение которой раньше, чем в некоторых дивизиях фронта, стали поступать облегченные станковые пулеметы системы Горюнова, в 2,5 раза легче «Максимов» с водяным охлаждением стволов. Соотношение веса 26,6: 63,3 кг!

Посмотрим на конкретное вооружение штрафбатов. Это к тому, что вооружали их, как в «Утомленных...» у Михалкова, чуть ли не черенками от лопат.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8-го Отдельного Штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Убедитесь, что штрафников гнали в атаку не с «черенками от лопат». Наш ОШБ тогда воевал поротно.

Обратите внимание: на 164 штрафника винтовок и автоматов – 173, ручных пулеметов – 8, станковых – 3, ПТР – 4, то есть всего 192 единицы, значит, почти на 30 единиц больше фактической потребности.

Приведем сведения из Донесения 14 ОШБ Ленфронта о вооружении на 1 июля 1944 года. Фактически наличие вооружения, без учета трофейного, было: карабинов 126, автоматов 304, станковых и ручных пулеметов 24, противотанковых ружей 8, пистолетов 30. Обратите внимание: автоматического оружия почти в 2 раза больше, чем карабинов. Известно, что к июлю 1944 года штрафбаты, как правило, вводились в бой уже не в полноштатном составе, а поротно, стрелковыми ротами или ротами автоматчиков со взводами усиления: пулеметным и ПТР. Так что и здесь не могло быть того, чтобы кто-то из штрафников оказался без оружия.

То же следует сказать о диком вымысле, будто штрафники не состояли на пищевом довольствии и вынуждены были совершать налеты на продовольственные склады, чтобы добывать себе еду, вымогать или просто отбирать ее у местного населения. На самом деле штрафбаты были в этом отношении совершенно аналогичны любой другой воинской организации, и если в наступлении не всегда удается пообедать или просто утолить голод «по графику» – то это уже обычное явление на войне для всех воюющих, штрафники они или гвардейцы.

Еще один неопровержимый факт: неофицерских штрафных батальонов вообще не было. Весьма старательные лжеисторики умышленно, с определенной целью смешивают в штрафбатах провинившихся офицеров, дезертиров-солдат и массу всякого рода уголовников-рецидивистов. На самом деле фронтовые штрафбаты в отличие от армейских отдельных штрафных рот формировались только (и исключительно!) из офицеров, осужденных за преступления или направляемых в штрафбаты властью командиров дивизий и выше – за неустойчивость, трусость и другие нарушения дисциплины, особенно строгой в военное время. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что иногда направление боевых офицеров, например, за «трусость», мало соответствовало боевой биографии офицера, или, как принято говорить сейчас, «суро-

вость наказания не всегда соответствовала тяжести преступления». Вот здесь снова есть повод поговорить о преступлениях и наказаниях в военное время.

О том, какая разница между наказаниями за воинские преступления, совершенные в мирное или военное время, говорит, например, статья 193.11 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года: «Нарушение военнослужащим уставных правил караульной службы и законно изданных в развитие этих правил особых приказов и распоряжений, не сопровождавшееся вредными последствиями, влечет за собой лишение свободы на срок...

То же деяние, сопровождавшееся одним из вредных последствий, в предупреждение которых учрежден данный караул, влечет за собой, если оно было совершено в мирное время, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года, если же оно было совершено в военное время или в боевой обстановке, – высшую меру социальной защиты».

Другая категория преступлений, совершаемых только в военное время, не имеет вариантов, и ответственность за такие преступления тоже безвариантна: Статья 193.14. «Самовольное оставление поля сражения во время боя или преднамеренная, не вызывавшаяся боевой обстановкой сдача в плен или отказ во время боя действовать оружием, влекут за собой применение высшей меры социальной защиты». Наверное, не нужно разъяснять, что такая защита – это смертная казнь, т. е. расстрел или повешение.

Теперь не о статьях УК РСФСР. В недавнем прошлом офицеры-штрафники в большинстве были коммунистами или комсомольцами, хотя теперь у них не было соответствующих партийных или комсомольских билетов. Но чаще всего они не утратили духовной связи с партией и комсомолом и даже иногда собирались, особенно перед атаками, на неофициальные партийные или комсомольские собрания. Конечно, официальных парторганизаций штрафников не создавалось, но политработники батальона знали партийно-комсомольское прошлое штрафников, иногда проводили с ними индивидуальные, а когда позволяла обстановка, и групповые беседы.

И еще один «миф». В фильме Володарского-Досталя штрафбатом командует штрафник, а командиры рот – «воры в законе», за штрафниками неотступно следит рать «особистов», и даже бездарным генералом-комдивом фактически управляет один из них. На самом деле в штрафбатах командный состав подбирался из боевых кадровых офицеров, как и предусмотрено Приказом № 227, а не как у постановщиков 11-серийной лжи. С мая 1943 г. комбатом у нас был подполковник Осипов, орденосец за участие в войне с Финляндией, ко времени назначения комбатом он закончил обучение в Военной академии имени Фрунзе. А «особистом» батальона, даже когда он состоял из 800 человек, был всего один старший лейтенант, занимавшийся каким-то своим делом и никак не влезающий в дела комбата или штаба.

Чем поднимали в атаку? Конечно же, не угрозами оружием. Некоторые «знатоки» утверждают, что лозунги и призывы «За Сталина!» произносили только политруки, и то оставаясь в окопах. Грязное вранье! Эти «знатоки» сами не поднимали подразделения в атаки, не водили подчиненных в рукопашные. Не ходили они на вражеские пулеметы, когда взводный или ротный командир, поднимая личным примером подчиненных в «смертью пропитанный воздух» (по Владимиру Высоцкому), командует «За мной, вперед!». Уже потом как естественное, само собой разумеющееся было «За Родину, за Сталина!», как за все наше, самое дорогое, советское, с чем и ассоциировались эти слова: «За Сталина!» отнюдь не означало «Вместо Сталина», как иногда трактуют это ныне те же «знатоки», а слова «Родина» и «Сталин» были тогда для всех нас почти тождественны.

Такие же авторы в свое время сочиняли небылицы, будто перед атакой штрафникам не было положено проводить артподготовку, запрещалось даже кричать «Ура!», а вместо этого исконно русского боевого клича они вроде бы должны были кричать какое-то несуразное «Гу-

Га», как в этом убеждали зрителей в «кинодраме» по Морису Симашко, снятой в 1989 году режиссером В. Новаком.

Да, без артподготовки ходили в атаки не только штрафники, когда нужно было нагрянуть на противника совсем неожиданно. Но хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь из тех сочинителей хоть раз сходил в атаку вместе со штрафбатом. «Страшна атака штрафного батальона», как выражался бывший штрафник Семен Басов. А те, кто ее видел, утверждают, что штрафники ходили в атаки, даже не пригибаясь, не используя короткие перебежки. Ничего противоестественного в этом утверждении нет, могу это подтвердить. Знаю по себе: очень трудно встать в атаку под ливень пуль, но, преодолевая страх смерти, встав однажды, нет смысла снова ложиться, а потом опять преодолевать тот самый страх. Вставать под пули всегда нелегко!

А вот возгласы «За Родину, за Сталина!» были не редкостью, а тем более – «Ура!!!». Конечно, за исключением случаев, когда «молчанка» была тактическим приемом.

При единичном случае преодоления необезвреженного минного поля на Наревском плацдарме (Польша) я сам слышал от штрафников, подорвавшихся на минах, определенного смысла «здравицу» «За... такого-сякого... прокурора!». Это вовсе не проклятие советской власти, а только выражение обиды на конкретного служителя военной юстиции, которое сопровождалось в этих случаях и не так уж частой в штрафбате отборной «русской речью», которую те же «знатоки» несправедливо считают неперемнным атрибутом лексики в штрафбате.

И патриотизм был тогда не «квасной» и не «совковый», как любят ныне сквернословить хулители нашего героического прошлого. Был истинный, советский, настоящий патриотизм, когда слова из песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» или «Жила бы страна родная, и нету других забот» были не столько песенными строчками, сколько целым мировоззрением, воспитанным всей системой социалистической идеологии, и не только у молодежи. Здесь я не совсем соглашусь с некоторыми авторами, утверждающими, что эту войну выиграли и Победу обеспечили главным образом школьники, воспитанные сталинской школой в духе советского патриотизма.

Я сам принадлежу к тому поколению, которое шагнуло в войну прямо со школьной скамьи. Но именно он, советский патриотизм, воспитанный не только у школьников, но и у большинства истинно советских людей самых разных возрастов, был той силой, которая поднимала народ до высот самопожертвования ради победы над врагом.

Что касается армейских штрафных рот, то своих личных впечатлений о них не имею, так как не приходилось с ними на фронте соприкасаться. Но достоверно знаю из документов и от реальных свидетелей, что фронтовые офицерские штрафбаты и армейские штрафные роты в какой-то степени объединяет лишь общая принадлежность к понятию «штрафные» да, может быть, и возлагаемые на тех и на других особо сложные боевые задачи. Штрафбаты и штрафные роты были совершенно разными воинскими организациями, они не были похожи между собой прежде всего по составу и общей военной подготовке.

Штрафные роты, как уже упоминалось, комплектовались рядовыми и сержантами, проявившими трусость и паникерство в бою, дезертирами или совершившими другие преступления. Именно в эти штрафные подразделения направлялись и уголовные элементы, направляемые на фронт из мест заключения. Но это были только те из заключенных, кто не попадал в разряд досрочно освобождаемых за мелкие преступления и направляемых на фронт в обычные, не штрафные, части. В армейские штрафроты направлялись другие осужденные, имеющие более серьезные сроки по приговорам, но кому гражданская совесть не позволяла в тяжелое для страны время быть вне рядов ее честных защитников.

Первые мои представления об армейских штрафных ротах и кое-какие сведения об их составе и поведении в бою я получил от бывшего командира такой роты, майора Коровина, попавшего штрафником на 3 месяца в наш штрафбат по суду Военного трибунала. Но тогда у нас не было времени и условий для подробных бесед, да вскоре трибунал отменил приговор,

оправдал ротного, и он убыл в свою ОШР. Хотя из его рассказов я знал, например, что штрафники роты воевали хорошо, никаких заградотрядов за ними не было, оружием, боеприпасами и продовольствием они снабжались исправно, и награждали их за подвиги не густо, но реально.

Значительно позже, уже в самые первые годы нынешнего столетия, в Харькове, когда я там жил после увольнения в запас, мне довелось встретиться с бывшим командиром 5-й штрафроты 64-й армии, переименованной затем в 66-й ОШР 7-й Гвардейской армии, полковником в отставке Михайловым Владимиром Григорьевичем. Времени на длительную беседу у нас тогда тоже не случилось, и мы договорились о том, что несколькими днями позднее обменяемся информацией и примерами из нашего опыта боевой работы со штрафниками в таких разных формированиях, как штрафбаты и штрафные роты. Однако судьба нам такого шанса не оставила, скоропостижная кончина Владимира Григорьевича помешала этому.

Знакомый мне член Харьковского комитета Международного союза ветеранов войны Станислав Старосельцев дал возможность прочесть его публикацию о В.Г. Михайлове «Командир штрафной роты», помещенную в газете «Панорама» (октябрь 1999 года). Вот несколько строк из этой статьи: «Он принял заключенных, охраняемых усиленным конвоем. К большому удивлению охраны, зэков тут же, после короткой беседы, обмундировали и выдали им оружие с полным боекомплектom. Риск был огромен. По общепринятой логике, ожидать от них следовало чего угодно. Но ни один не оказался впоследствии трусом, дезертиром или членовредителем... Подчиненные лейтенанта Михайлова смело шли на прорыв, штурмуя, казалось бы, неприступные из-за огневой мощи высоты и населенные пункты».

Уже позже, в 2013 году, мои поиски сведений об отдельных армейских штрафных ротах позволили мне дополнить эту часть информации несколько более подробными публикациями командира другой, 11-й, штрафной роты 11-й Гвардейской армии 3-го Прибалтийского фронта, лейтенанта Владимира Ханцевича. Интервью с ним были опубликованы 16.05.2008 в «Независимой газете» и 18.03.2010 в дальневосточной газете «Тихоокеанская звезда».

Приведем фрагментарно выдержки из этих интервью:

«В ноябре 1944 года сформирована 11-я отдельная армейская штрафная рота (ОАШР). В бой пошли только через несколько дней после серьезной подготовки: обучение владению оружием, рытье окопов и т. п. Нас подняли по тревоге, выдали сухой паек на два дня, и рота покинула лагерь. На позициях одного из наших полков для выбора участка операции и разработки плана разведки боем. Полковая разведка помогла нам в этом. После артподготовки рота поднялась в атаку, мы быстро ворвались в немецкую траншею. Рота понесла большие потери, был ранен командир роты, убит один из командиров взводов. Командование ротой приказали взять мне. Несмотря на потери, результат: двое пленных, засечены огневые точки противника. Через несколько дней был взят Гольдап при минимальных потерях. В районе города Инстенбург общие потери были большими: более половины убитых, рота потеряла трех офицеров из пяти (один был убит). После боя в строю осталось 10–20 процентов. На раненых составлялись т. н. реляции (письменное донесение). Они рассматривались военным трибуналом, который и принимал решение о снятии с них судимости. Тут было такое условие: подвиг раненого штрафника должен быть равноценен подвигу бойца, которого оформляли на звание Героя Советского Союза, тогда он искупал свою вину подвигom, и с него снимали судимость».

Пожалуй, это все, что я узнал из общения с бывшими командирами штрафных рот или из публикаций о них.

Полагаю, изложенные в этой главе действительные факты боевого использования штрафных формирований периода Великой Отечественной войны помогут освободиться от злостных вымыслов о них тем, кто еще верит всякого рода псевдоисторикам, недобросовестным авторам и их издателям.

Глава 3

Быт и жизнь до войны, доштрафбатовская служба

*Мы – счастливое поколение:
Есть что вспомнить и чем гордиться,
Перед чем преклонить колени,
Что хранить в серебре традиций.*

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

*Охватило страну пламя злое
Новых разрушительных боев...
Вовремя пришло ты, боевое
Совершеннолетие мое.*

Борис Богатков. Погиб в боях

Начну со своей родословной. На первый взгляд это может представлять интерес для современного читателя лишь как описание быта и социальных условий жизни полвека тому назад. Но это и характеристика той эпохи, в которой формировалось мировоззрение нашего предвоенного поколения. Да и не помешает пролить свет на непростые тридцатые годы, как они складывались на Дальнем Востоке, особенно голодный для населения многих регионов СССР 1933 год. Было мне 10 лет, но я хорошо помню это время.

Драматические события того года некоторые из руководителей послесоветской Украины много лет возводили в ранг умышленного «голодомора» именно украинцев «кацапами» и «москалями» и даже соорудили «музей голодомора», в котором большинство фотографий, выставленных на стендах этого «музея», отображали не бывший действительно голод 1932–1933 годов в Украине, а Великую депрессию в США. Фальсифицированными оказались и «Книги памяти жертв голодомора», в которые попадали умершие не от голода, а спившиеся, попавшие под лошадь и прочие случайно убиенные или погибшие или даже обычные люди согласно спискам избирателей тех лет.

От голода в разной степени страдали в то время Поволжье, Урал, даже Кубань, Сибирь, да, считай, вся наша страна, но не возводили там это бедствие в ранг умышленного геноцида. Голодный 1933 год коснулся и Дальнего Востока, откуда я родом.

Появился на свет я в конце 1923 года в семье железнодорожника тогда еще Дальневосточного края, на полустанке Известковый, который после войны стал узловой железнодорожной станцией и получил статус городского поселка. От него идет железная дорога на север, на Чегдомын. Когда мне пришла пора поступать в школу, отец добился перевода на станцию Кимкан, где имелась начальная школа, «выросшая» вместе со мной в неполносреднюю (7 классов). На этой станции наш дом стоял очень близко к железнодорожным путям, так что, когда проходил поезд, дом всегда дрожал, будто вместе с ним собирался тронуться в дальний путь. Сегодня Кимкан не узнать: поселок давно уже переименован в село, жителей там от прежних полутора тысяч осталось человек 80, закрыты школа, медпункт, все социально-культурные учреждения. Разруха, как и во всей постсоветской российской деревне.

Отец мой, Василий Васильевич Пыльцын (иногда фамилию он писал через второе «и»), родился еще в XIX веке, в 1881 году, в один год с Ворошиловым, чем я почти гордился. Он, считая себя костромичом, по каким-то причинам (говорил об этом весьма неохотно и туманно), то

ли от жандармского преследования, то ли от неудачной женитьбы сбежал на Дальний Восток. Это значительно позже из архивов я узнал, что в Костромскую губернию он попал из Нижегородской, где родился.

Был отец достаточно грамотным по тому времени человеком, дома была многолетняя подшивка дореволюционного журнала «Нива» и большая дешевая библиотека нескольких классиков, которую я в раннем, еще дошкольном детстве почти всю перечитал.

Был отец дорожным мастером на Дальневосточной железной дороге (ДВЖД), он был не только железнодорожным мастером, но и вообще мастером на все руки. Домашняя, довольно замысловатая мебель и многое из металлической кухонной утвари, а также всякого рода деревянные бочки и бочонки под разные соленья и моченья были сделаны его руками. Все он мог, все умел – кажется, в жизни не было дела или ремесла, которого он бы не знал и не умел.

В семье он был строг, и мы, дети, боялись одного его взгляда, хотя он никогда не пускал в ход ремень и не поднимал на нас свою увесистую руку. Несмотря на общественную деятельность, особенно в области «осоавиахимовских» кружков, он не вступал в ВКП(б) и любил называть себя «беспартийным большевиком». В 1938 году за допущенную его подчиненным оплошность при ограждении участка работ по замене лопнувшего рельса, что едва не привело к крушению пассажирского поезда, отец был за халатность осужден на три года ИТЛ, которые отбыл к самому началу войны.

До 7-го класса я учился в нашей поселковой школе (там я вступил в комсомол), а с 8-го класса и дальше мог учиться только в городе Облучье, расположенном километрах в 40 по железной дороге от нашей станции.

К тому времени старший брат Иван уже служил в армии, а на небольшую зарплату другого брата Виктора маме было невозможно платить за мое обучение и проживание в интернате, что было единственной возможностью удовлетворения моей тяги к знаниям. Тогда я по своему разумению написал наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу письмо, в котором рассказал о трудностях в обеспечении моего желания дальнейшей учебы и о том, что отец-железнодорожник осужден за халатность.

Вскоре я, школьник, получил правительственное письмо, в котором распоряжением наркома мне обеспечивались за счет железнодорожного профсоюза все виды платежей за обучение до получения среднего образования и проживание в интернате при железнодорожной школе, а также бесплатный проезд по железной дороге к месту учебы и обратно. Так что учеба в Облученской железнодорожной средней школе на три года до 1941 года мне была обеспечена.

К тому времени отец отбыл положенный срок, но место мастера было занято не имевшим судимости человеком, отцу в свои 60 лет пришлось работать простым путевым рабочим. Где-то на людях негативно высказался по поводу того, что «Гитлер облапошил всех наших „гениальных“ вождей», а самый главный из них (т. е. Сталин) попросту «просПал Россию». (Здесь я из этических соображений заменил одну букву в отцовской фразе.) Кто-то донес куда нужно, и отец в соответствии с тогдашними строгими военными порядками Военным трибуналом ДВЖД был приговорен к 8 годам заключения, выслан куда-то на Север, где и пропал его след. Уже теперь мне кажется, что тот срок, 8 лет, ему дали еще и в связи с тем, что уже «сидел», да и мой дядя, брат мамы Карелин Петр, по приговору «тройки» еще в 1937 году был расстрелян как «враг народа».

Это значительно позже из «Книг памяти» репрессированных мне удалось в книге по Хабаровскому краю обнаружить такую запись: «Пыльцын Василий Васильевич. Родился в 1881 г., Горьковская обл., д. Крапивник; русский; ст. Кимкан ДВЖД, путевой рабочий 2 дистанции пути. Проживал: ст. Кимкан ДВЖД. Арест. Трансп. Отделом НКГБ ДВЖД 29 апреля 1943 г. Приговорен: Военный трибунал ДВЖД 21 июня 1943 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР (ст. 58–10 – статья советского уголовного кодекса, предусматривающая наказания – обычно лишение свободы за разного рода выражения недовольства властями, в том числе,

например, за оглашение политических анекдотов). Приговор: 8 лет. Реабилитирован 13 апреля 1990 г. Постановлением президиума Хабаровского краевого суда дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Не знаю, не мог или не хотел он о себе что-нибудь нам сообщать, но никаких сведений о нем мы тогда так и не имели. Однако этот факт репрессии моего отца иногда заставлял происходящее со мной или вокруг меня как-то связывать с этим. Но об этом в свое время.

Однако еще не будучи наказанным за это высказывание, но зная о последствиях, он совершил, казалось бы, необъяснимый поступок, осуждаемый всеми жителями нашего небольшого пристанционного поселка. В начале 1942 года, когда я уже был курсантом военного училища, должен стать «лейтенантом», отец вдруг совершенно неожиданно «приревновал» нашу маму, скромнейшую женщину, все три года регулярно ездившую в колонию к отцу. Он ушел из семьи, оставив маму с малолетней дочерью, тогда как мы, все трое сыновей, уже служили в армии.

Значительно позже, уже после войны, я догадался об истинных мотивах его поступка: зная о моем нахождении в военном училище, о том, что я готовлюсь стать лейтенантом, чтобы «не помешать» мне, сыну репрессированного, окончить курс обучения, демонстративно бросил семью, женился на женщине, у которой не было сыновей, которым тоже мог бы помешать в карьере, а только три дочери.

Не знаю, как отреагировали на эту нашу семейную новость мои братья, к тому времени уже фронтовики. Я же, получив письмо сестренки о том, будто отец публично заявил, что мы все для него якобы больше не семья, до глубины души оскорбился, посчитал тогда это предательством. Сгоряча ответил письмом, в котором были, помню, такие слова: «Если у тебя больше нет нас, детей, то у меня больше нет такого отца». А он, совершив это, как мне тогда показалось, предательское дело по отношению к своей семье, «спокойно» отправился потом в ссылку. Это значительно позже пришла мысль, что отец мой, оказывается, и здесь был на высоте, приняв на себя проклятие родных ради их же благополучия. Его лишение свободы, как мне не раз казалось, сказывалось и на моей судьбе.

Однако пишу я об этом не потому, что нынче стало «модным» хоть чуточку быть причастным к репрессированным, к «врагам народа», а потому что не все было так беспросветно тогда, как стремятся это непростое время размалевывать черными красками современные толкователи нашей истории.

Мама моя, Мария Даниловна, была моложе отца на целых 20 лет и происходила из семьи простого рабочего, железнодорожника-путейца. Ее, не знавшую грамоты, но откуда-то помнящую множество метких народных пословиц и поговорок, учил грамоте я, когда уже сам стал учеником первого класса, хотя бегло и уверенно читал давно, лет с четырех-пяти. По упорному моему настоянию она стала посещать кружок ликбеза – ЛИКвидации БЕЗграмотности, – широко распространенных тогда по всей стране и имеющих большое значение в деле быстрого повышения грамотности основной массы рабоче-крестьянского населения.

Она довольно быстро освоила азы грамоты, стала не бойко, но уверенно читать и, правда с трудом, – писать. На большее у нее не было ни времени, ни терпения. А я с удовольствием и гордостью помогал ликвидации ее безграмотности, считал себя, первоклашку, причастным к сравнительно заметным ее успехам. Однако и этой грамотности ей хватило, чтобы с началом войны, когда мужское население «подчистила» мобилизация, освоить должность оператора автоматизированного стрелочного блокпоста на станции Кимкан. Там она проработала еще не один год после окончания войны, заслужив правительственные медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и высшую профнаграду – знак «Почетный железнодорожник».

Ее отец, мой дед, Данила Леонтьевич Карелин, работавший в то время под началом моего отца, был широкой кости, крепкий сибиряк, как тогда говорили, истинно русский «чалдон»,

заядлый охотник, рыболов и страстный пчеловод. Моя бабушка Екатерина Ивановна, или как все мы ее звали, баба Катя, пожалуй, единственная в нашей большой семье истинно и глубоко верующая, исполнявшая все положенные религиозные ритуалы и праздники – красный угол в ее доме богато украшен иконами и лампадками. Дед говорил, что выкрал ее невестой из хакасской деревни. Как и многие люди ее возраста, была совершенно неграмотна, но удивительно ловко пересчитывала деньги из зарплаты, которую ей приносил дед Данила.

Семья наша не бедствовала, но не относилась к разряду богатых. Тогда социальное неравенство было не так заметно, как сейчас, и вообще ни о каких выдающихся богачах даже анекдотов не сочиняли. Тогда просто и не могло быть таких долларовых миллиардеров, как из года в год богатеющие Алишер Усманов, Владимир Лисин, Виктор Вексельберг и иже с ними, потеснившие Романа Абрамовича аж на 11-е место.

Но самый тяжелый, голодный 1933 год мы пережили без трагических потерь. Знали мы, что во всей стране разразилась эта беда. Не было у нас тогда даже радио, но пассажиры поездов, проходящих через нашу станцию, достовернее всяких СМИ сообщали о том, как живут другие области и республики. Тогда и разговоров не было о каком-то особом голоде на Украине, откуда хоть не в массовом порядке, но целые семьи, в том числе и еврейские, переезжали «осваивать» дальневосточные земли, в 1934 году была образована на Дальнем Востоке Еврейская АО.

В основном в эти 30-е годы нас спасала от голода тайга. Отец, тоже умелый охотник, снабжал семью дичью. В особенно трудную зиму почти каждый выходной он уходил в тайгу с ружьем и приносил то одного-двух зайцев, то нескольких белок или глухарей, так что мясом мы были обеспечены. Должен сказать, беличье мясо нам тогда очень нравилось. Да еще я помню, как у нас по квартире были расставлены многочисленные рогульки с натянутыми на них шкурками пушных зверей, которые отец умело выделывал, а затем сдавал в лавки «Заготпушнины», получая взамен весьма дефицитные тогда муку и сахар. Кроме того, с осени он брал небольшой отпуск и уходил в тайгу на заготовки кедрового ореха. Там он сбивал с высоченных кедров шишки, приносил домой орехи мешками. Собственноручно изготовленным прессом давил из них зерен отличное «постное» кедровое масло (ныне считается особо целебным).

Остававшийся жмых от кедровых орехов мама использовала для изготовления «кедрового молока» и добавок в хлеб, который пекла лепешками из очень небольшого количества муки, перемешанной с имевшимся тогда в свободной продаже ячменным и желудевым «кофе» да овсяным толокном (булочки из этого теста не получались). Эти совершенно черные, особого вкуса лепешки как-то заменяли нам настоящий хлеб и хоть на время насыщали наши детские желудки. Молоко от собственной коровы или продукты из него нередко уходили на продажу или «бартер», как сегодня модно говорить.

Когда я к 13–14 годам вытянулся и ростом перегнал своих старших братьев, у меня возник вопрос: почему я, младший из братьев в семье, стал длиннее их обоих, и среднего, Виктора, и старшего, Ивана? Да и сестра Тоня, младшая в семье, оказалась далеко не самой маленькой по росту из местных девчонок. Это уже через много лет после войны в научно-популярной статье о пользе кедровых орехов я узнал, что этот дар тайги – не только кладезь самых различных витаминов, в том числе и способствующих развитию детских организмов. Они удивительно богаты различными дефицитными микроэлементами. Я даже рискую перечислить их: марганец, йод, медь, титан, серебро, алюминий и другие. Но оказывается, эти орешки еще и богаты веществами, предотвращающими старение организма – антиоксидантами! И это еще не все. 100 граммов ореховых ядрышек – почти 700 килокалорий!

Так вот почему мы сравнительно легко перенесли трудные тридцатые годы, голодные во всей стране, а не только на Украине, как твердят русофобские «историки». Очевидно, наши растущие организмы не только успешно пополнялись тогда необходимыми веществами для

своего рода акселерации, но и определенное долголетие тоже тогда в нас заложилось: все-таки мне уже за 90!

Если читатель хочет и дальше знакомиться с нашим взаимодействием с дальневосточной природой, немного еще терпения. Была у нас семейная традиция – ежегодно делать различные заготовки плодов дикорастущих растений, ягод, грибов. Эти заготовки спасали нас не только от голода, но и от свирепствовавшей тогда на Дальнем Востоке, особенно в северных его районах, цинги. Мы с детства были приучены к сбору этих «полезностей» и хорошо их знали. Собирали в большом количестве и сушили грибы – маслята, моховики, главные грибы – белые, солили большие белые грузди! На соленья брали также рыжики, но особый деликатес грибных солений был у нас беляночки и волнушечки. Мама всегда наказывала нам, чтобы грибочки эти мы брали не больше медного пятака. Выбор был, благо грибных полей много.

Фруктами Дальний Восток, как известно, небогат. Но зато ягод!!! В ближайшей тайге мы находили земляничные поляны, кусты жимолости, целые заросли малины, которые кроме нас иногда посещали и медведи, о чем нас не уставали предупреждать взрослые, хотя мне лично такая встреча, к счастью, не привалила.

Особый восторг вызывали у нас, ребята, терпкая продолговато-крупная ягода. Зелено-ватую, когда она даже спелая, по-местному ее почему-то называли «кишмиш», хотя научное ее название «актинидия», да дикий виноград с его исчерна-синими, будто покрытыми легким инеем, продолговатыми ягодами. Собирали, конечно, еще рябину и черемуху – все шло «в дело». А если ходили подальше, на так называемые ягодные мари, то только со взрослыми, хотя «взрослыми» в этих случаях считались и мальчишки лет с 14–15. Оттуда приносили мы полные «туеса» (короба из бересты) голубики, брусники. Также далеко ходили по весне на сбор черемши, этого дикорастущего широколистного растения с острым запахом и вкусом чеснока, кладезя витамина С, главного «доктора» от цинги.

Отец и дед занимались рыбной ловлей, но не на удочку, как мы, мальчишки, а более «производительно», при помощи сплетенных из ивовых прутьев так называемых морд или вершей для ловли рыбы (рыбнадзора не было!). И раз-два в неделю отец или дед ходили на недалеко протекавшую бурную, студеную речку Кимкан забирать улов. Иногда приносили «мелочь», а в период нерестового хода лососевых – и красную рыбу: горбушу, кету или кижуча, некоторые экземпляры которых достигали веса 6–8 килограммов. В этом случае появлялась у нас и красная икра, хотя тогда, до войны, в отдельные годы она не была особой редкостью и в магазинах, причем не в баночках, а развесная в бочках! И все это и варилось, и жарилось, и засаливалось, и сушилось. А в общем – все шло к столу... Можно подумать: «Ну, прямо царский стол!» Да, это таежное, дальневосточное разнообразие помогало не только выживать в трудные годы, но и просто укрепляло здоровье наших растущих организмов, да и выносливость взрослых.

В нашей семье всего родилось семь детей, но трое умерли еще в младенчестве (что по тому времени не редкость), и до начала войны нас дожило четверо: два моих старших брата, я и моя младшая сестра. Пытался я несколько раз составить генеалогическое древо нашего рода, но отец мой никогда не посвящал нас в свою родословную, и дальше своего деда Данилы и бабушки Кати по материнской линии я так ничего и не узнал.

Это сегодня многие уж очень дотошно разыскивают свои дворянские или даже графско-княжеские корни, если даже фактически их и не было, чтобы как-то подчеркнуть свою «белую кость» или «голубую кровь», лишь бы хоть чем-то выделиться из общенародной массы и получить какие-нибудь морально-политические преференции. А вот по боковым ветвям нашего рода я хорошо знал других детей и внуков Карелиных, живших недалеко от нас. Это брат мамы, Петр Данилович Карелин, тоже дорожный мастер на станции Лондоко, коммунист, угодивший в 1937 году совершенно неожиданно под репрессивный каток как «враг народа».

Как я узнал уже теперь по данным из «Книги памяти» Хабаровского края: «Карелин Петр Данилович. Родился в 1898 г., Енисейская губ., с. Курбатово; русский; дорожный мастер

ДВЖД ст. Бира. Проживал: ст. Лондоко ДВЖД. Арест. УГБ УНКВД по ДВК 3 июля 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 15 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-1а-8 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 мая 1938 г. Место захоронения – г. Хабаровск. Реабилитирован 28 июня 1989 г. По заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г.»

Остались у него больная жена и пятеро детей, которым удалось выучиться, пережить войну. Одни из них ушли из жизни только недавно, в постсоветское время, другие живы и теперь. Репрессии моего отца и упомянутого мною дяди не затронули нас и родственников дяди, хотя после войны много писали и говорили о том, что жен и даже детей «врагов народа» и в лагеря ссылали, и в тюрьмах гноили. Едва ли только у нас, на Дальнем Востоке, почему-то по-другому было. Или редкие факты прошлого, когда по каким-то особым основаниям и такое случалось, кое-кому выгодно теперь выдавать за массовые явления при «сталинском режиме»?

Внезапные аресты наших близких, за кем никто из окружения никаких преступлений не видел, мы воспринимали как досадные ошибки при таком масштабном деле разоблачения вредителей и вообще всяческих врагов народа. Тогда широко пропагандировалась известная пословица «лес рубят – щепки летят». Но что удивительно: наряду с этой широкой кампанией поиска «врагов» происходило мощное воздействие на умы (и не только молодежи), воспитывавшее любовь к нашему строю и идеалам коммунизма. Достаточно вспомнить только фильмы и патриотические песни того времени. И это необычайно обостряло чувство любви к Родине и сознание высокого патриотизма. С этими чувствами мы вступили в священную войну против фашистской Германии, с ними и победили почти через 4 года тяжелейших испытаний. Вот только теперь, в «новой» России, о патриотизме не только мы, старики, но и многие родившиеся после нас говорим с ностальгией и в голосе, и в душе.

Но вернемся к моей довоенной жизни и нашей семье того времени. Как я уже говорил, у меня было два брата. Иван, старше меня на пять лет, удивлял всех талантом музыканта и рисовальщика, считался одаренным в математике. Его учитель за оригинальные решения задач иногда выставлял ему вместо «пятерки» – «шестерку». Сразу же по окончании 10 классов он был приглашен на должность учителя математики в нашу поселковую школу-семилетку. В 1937 году он был призван на военную службу в береговую охрану Тихоокеанского флота, где успешно осваивал и специальность радиста и одновременно исполнял роль учителя в группах ликвидации малограмотности среди красноармейцев и краснофлотцев, что в те годы не было удивительным. В начале 1942 года он оказался в действующей армии. Находясь в составе 5-й Ударной армии Южного фронта, участвуя уже в освобождении Запорожья, «гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 18 сентября 1943 года» – так свидетельствовала «похоронка».

Второй брат, Виктор, старше меня на три года, особыми талантами не выделялся, разве только точность и аккуратность, присущие ему, тоже были своего рода талантом. После окончания средней школы он год поработал на железной дороге помощником дежурного по станции, хотя никаких курсов для этого не проходил. Просто мы, дети железнодорожника, были «хорошо подкованы» в разных направлениях профессиональных познаний. Я, например, учась в 4–5 классе, «на зубок» знал все правила, записанные в инструкциях по «путевому хозяйству», и даже на экзаменах, которые принимал отец у своих рабочих и путевых обходчиков, пытался подсказывать тем, кто затруднялся с ответом.

Виктора в 1939 году призвали в воздушно-десантные войска на Дальнем Востоке. Незадолго до начала войны бригаду ВДВ, в которой он служил, перебросили на Украину, где ему довелось и встретить первые удары фашистской военной машины и испытать горечь отступления. При обороне Северного Кавказа он был ранен, лечился в госпиталях и погиб (вернее – пропал без вести) в декабре 1942 года где-то под Сталинградом.

Сестра моя Антонина Васильевна (1927 года рождения) после 1945 года избиралась в поселковый Совет депутатов трудящихся Кимкана. А после переезда на жительство в Ленинград работала с секретным деломпроизводством в одном из райвоенкоматов города. Доверяли ей, несмотря на репрессированного отца и дядю – «врага народа».

В Облученской средней школе, куда я поступил после того знаменитого письма наркома Кагановича, в отличие от нашей поселковой школы мы ежедневно после уроков занимались в разных оборонных кружках, и это фактически была хорошо организованная военная подготовка. Штатных военруков в школе не было, а в определенное время в школу или в интернат приходили к нам служивые сержанты из воинских частей города и тренировали нас по всем оборонным, как тогда говорили, предметам. Некоторые мальчишки, кроме того, ходили на занятия в аэроклубы, где учились и самолетом управлять, и с парашютом прыгать, что давало им право уже после 9-го класса поступать в летные училища.

За два дня до 22 июня 1941 года, ставшего роковой датой для всей страны, мы окончили 10-й класс. Сразу после выпускного вечера, на следующий день, еще не зная, что завтра будет война, поехали в райцентр Бира (тогда город Облучье входил в Бирский район), чтобы в военкомате определиться в военные училища. В те годы юноши повально увлекались военными училищами: летными, танковыми, артиллерийскими и т. д. Я, будучи учеником 9-го класса, тогда выбрал для себя Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта с учетом семейной традиции и из чувства благодарности Кагановичу за бесплатное обучение.

Все наши планы и мечты сломала заставшая нас в райцентре весть о начале войны. И сразу как по команде к райвоенкомату стеклась огромная очередь людей, стремящихся скорее влиться в ряды вооруженных защитников Родины. Двое суток нас, выпускников школ, держали в неведении относительно наших заявлений. Я тут же «отменил» свое прежнее решение о Новосибирском хотя и военном институте и написал заявление в любое танковое училище. Однако сообщение, что училища уже полностью укомплектованы, подвигнуло нас, кому еще не исполнилось 18, стать добровольцами. Нам объявили, что призываемся как красноармейцы. На сбор нам дали два дня.

Недолгие прощания были с родными, и вскоре эшелоны развезли нас по разным районам Дальнего Востока. Я с несколькими своими школьными товарищами оказался в эшелоне, который вез нас на Запад, и ликовали мы оттого, что едем туда, где вскоре будем беспощадно бить фашистов. Но радость наша была недолгой. Довез он нас на вторые сутки только до города Белогорска, всего километров за триста от места призыва. Там мы все влились во вновь формируемый 5-й армейский запасной стрелковый полк 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного военного округа, ставшего из-за японской угрозы уже именоваться фронтом, хотя и недействующим.

Этот спешно развертывавшийся полк еще не имел достаточного количества командного состава, а эшелон за эшелоном привозили сюда, казалось, несметное количество призванных и мобилизованных. Ротой, в которую я попал, командовал даже не лейтенант, а младший политрук, но тоже с двумя «кубарями» в петлицах, Тарасов Николай Васильевич. Я хорошо запомнил этого, первого в моей армейской жизни, командира: высокий, стройный, подтянутый, но уже успевший устать от бессонных ночей и не потерять при этом мудрого спокойствия.

У нас в средней школе военная подготовка была организована тоже по армейскому принципу, когда каждый класс был взводом, три одноименных класса – рота, все старшие классы (8-9-10-е) – это уже был батальон. Из числа самих школьников назначались командиры взводов, рот и батальона, а поскольку я еще в 9-м классе был избран комсоргом школы, то выполнял роль комиссара батальона. Мы, командиры-комиссары, нашивали на свои пиджачки или курточки петлички, похожие на армейские, прикрепляли на них вырезанные из консервных банок жестяные квадратики («кубари») или прямоугольники («шпалы»), тоже похожие на армейские.

И обращались друг к другу на военных занятиях, соответственно добавляя к «званию» слово «юный», например, «товарищ юный лейтенант». А я, как комсорг школы, был произведен в «юные батальонные комиссары», носил две жестяные «шпалы». К воинскому порядку нас приучали «с молодых ногтей», нам было легко вращаться в воинскую среду.

В запасном полку наш настоящий комроты, всего младший политрук с двумя красными «кубарями», тем не менее успевал справляться с ротой более чем из пятисот человек, в основном необученных разновозрастных людей, большинство из которых были малограмотными. Он сразу выделил тех, кто окончил средние школы, и буквально с первого взгляда определил, кто может временно исполнять обязанности командиров взводов, отделений (мне была определена должность командира взвода). И вся эта вчера еще неуправляемая масса людей стала, хотя и медленно, организовываться в воинские коллективы. На второй день повел он нас в «баню» (палатки с душевыми установками). Там нас постригли наголо, мы помылись и обмундировались, став на первый взгляд настолько одинаковыми, что даже своих друзей не узнавали. Но постепенно рота обретала воинский вид.

Разместили нас в палаточном лагере, который оказался почти в 3-х километрах от общеполковой столовой. И вот всю эту дорогу наш младший политрук Тарасов успевал и ободрять, и обучать строевому или походному шагу, а мы, командиры взводов, старались помогать ему в меру своих сил и умения. Каким-то чудом сумел наш ротный организовать и разнообразные занятия по подготовке к принятию воинской присяги, да еще успевал и личные беседы проводить со многими из нас. На всю мою жизнь Николай Васильевич Тарасов остался образцом настоящего командира, и многие свои поступки я всю последующую жизнь сверяю с ним и с подобными ему начальниками и политработниками, встреченными мною за долгую 40-летнюю воинскую службу.

На сон нам едва оставалось по 5–6 часов в сутки, а политруку нашему и того меньше. Но через несколько дней в роту прибыли мобилизованные из запаса лейтенант и младший лейтенант, которым ротный поручил по полуроте, состоящей из трех-четырех взводов каждая. Так что рота наша представляла собой почти батальон. Вскоре нас повели на войсковое стрельбище. Я этому событию очень обрадовался, так как еще в школе успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени. Не знаю, то ли это мой сержант-учитель в школе был такой талантливый, то ли сказалась наследственность (мой дед, сибиряк-охотник, бил, как говорят, белку «в глаз»), но стрелком я оказался действительно метким. И здесь, на стрельбище, я оказался лучшим.

Всех, кто хоть как-то выполнил упражнение по стрельбе из винтовки, привели к присяге. Мало было там торжественности в этом ритуале, но запомнилось все до деталей. Тогда мы присягнули на верность нашей Родине – СССР. То был единственный такой день в моей жизни – больше никогда я не присягал ни другому правительству, ни другой стране. Бог миловал. И все 40 лет армейской службы я прошел под этой единственной в моей жизни присягой. Даже счастлив тем, что не принуждали меня, как многих других, после развала СССР и «обретения самостоятельности» Украины присягать ее президенту Кравчуку, одному из соучастников развала Союза. Ко времени «Беловежского предательства» я был уже уволен в запас.

Со временем в том запасном полку 1941 года мы втянулись в это состояние непрерывных, напряженных учебных будней. Примерно через месяц наша рота стала более или менее слаженным военным организмом, и, как нам казалось, наш командир-политрук гордился уже тем, как эта некогда аморфная масса людей четко рубала строевой шаг, проходя по улицам города. Наши полуротные лейтенанты грубовато, но умело поднимали наше настроение и подбадривали такими, например, шутками: «Выше голову, задрать носы и подбородки! А как на вас смотрят девушки! И чем выше у вас носы, тем интереснее мысли у них в головах!» И действовали такие шутки беспроигрышно! Пришло время, и нашу роту распределили по полкам и дивизиям – «Дальневосточной, опоры прочной», как пели мы в своей первой строевой песне. А

как жаль было расставаться с политруком Тарасовым, успевшим стать для нас поистине отцом-командиром. Спасибо Вам, Николай Васильевич, за науку!

Далее судьба забросила меня в разведвзвод 198-го стрелкового полка 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта под Благовещенск на Амуре. Здесь уже не в запасном, а стрелковом полку регулярных войск Дальнего Востока и нагрузки физические были настоящими, и взаимоотношения устанавливались серьезнее, прочнее. Самым главным для меня командиром оказался помкомвзвода сержант Замятин. От него я схлопотал и свое первое дисциплинарное взыскание – «личный выговор».

А получилось это так. Поскольку я был рослым, то на физзарядке, основной элемент которой был бег, меня поставили впереди всех, даже старослужащих, то есть «направляющим». И вот когда сержант подавал команду «шире шаг», я своими длинными ногами этот шаг действительно делал шире и ускорял бег, а «старики» все одергивали меня, мол, еще успеешь, набегаясь, и я, конечно, снижал темп. После нескольких таких случаев сержант остановил взвод, вывел меня из строя и за невыполнение команд объявил тот самый выговор. Долго я старался заслужить снятие выговора. Во время одного из марш-бросков километров на тридцать по дальневосточным сопкам и падам да еще с полной выкладкой не меньше пуда (16 килограммов) я помог отстававшему красноармейцу: взял себе его винтовку и буквально тащил за руку. Вот за проявленную взаимовыручку на марше сержант и похвалил меня, сняв «прилюдно» свой выговор. Как я был рад этому!

Своего командира взвода разведки лейтенанта Золотова видел редко. Он целыми днями был на своих командирских занятиях, тогда всех офицеров серьезно «доучивали», чтобы они быстрее вращались в обстановку войны. Командира полка совсем не помню, а вот командира дивизии, полковника Чанчибадзе, невысокого плотного грузина, память хорошо сохранила. (К концу войны он уже был прославленным генералом.) Многому научили нас тогда на Дальнем Востоке его изобретательность и требовательность. И вообще, «наука побеждать» давалась обильным потом, когда гимнастерки наши настолько просаливались, что, сняв их, можно было поставить (а не положить), – и не падали!

В детстве у меня случилось какое-то заболевание коленного сустава, и меня долго тогда лечили «от ревматизма» и больничными, и бабушкиными мазями. Здесь же, в армейских условиях, под неимоверными нагрузками этот «ревматизм» будто улетучился, только на девятом десятке лет стал давать о себе знать. Многие недуги излечивала армия. И не только физические...

В разведвзводе полка я прослужил до 1 января 1942 г. В новогоднюю ночь меня срочно сменили с поста у полкового знамени (был в карауле) и этой же ночью, не дав мне возможности даже почистить винтовку, срочно отправили по комсомольской путевке во 2-е Владивостокское военно-пехотное училище. Я долго еще сокрушался по поводу невычищенной винтовки (все-таки сумели за столь короткое время приучить к армейскому порядку и привить любовь к оружию). Обрадовался было, что увижу Владивосток – город детской мечты, который я еще не видел, но о котором много слышал.

Но оказалось, что это училище находится в Комсомольске-на-Амуре. Проучился я в нем всего полгода. Но до сих пор с особой теплотой вспоминаю те студенческие зимние месяцы учебы и с чувством благодарности – всех моих преподавателей, командиров и воспитателей. И старшину роты Хамсутдинова, и командира нашего курсантского взвода, только что выпущенного из Хабаровского училища, совсем молодого лейтенанта Лиличкина, и командира роты, исключительно подтянутого и удивительно стойкого к почти арктическим амурским морозам старшего лейтенанта Литвинова. Он даже на полевых занятиях в самые ветреные зимние дни и ночи не опускал клапаны шлема-буденовки. С благоговением вспоминаю и друзей-курсантов – Колю Пахтусова, вечно не высыпавшегося очкарика Сергея Ветчинкина, нашего ротного запевалу Андрея Лобкиса, способного звонко петь даже в сильные морозы. Эти и многие другие

мои сослуживцы-курсанты были теми, кто подставлял свое надежное плечо в трудные для меня минуты, но с которыми, увы, так больше и не суждено было встретиться.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить некоторые подробности быта в училище. Располагалось училище на одной из окраин Комсомольска, именуемой Мылки, недалеко от Амура. Распорядок дня был весьма напряженным. Зарядка начиналась за два часа до завтрака физической подготовкой или штыковым боем (был тогда такой предмет военного обучения). И это, как правило, ежедневно, за исключением случаев, когда нас ночью по тревоге выводили в поле марш-бросками, где вместо завтрака выдавали сухари и консервы, как правило, рыбные или «кашу гречневую с мясом» – одну банку на двоих.

В столовой же завтрак обычно состоял из гречневой, овсяной или перловой каши и сладкого чая, хлеба, вдобавок приличного кусочка масла, которого хватало и на бутерброд к чаю, и на кашу. Физически мы выматывались сильно, и нам почему-то всегда не хватало (в принципе, достаточно калорийного) курсантского довольствия. Ведь до обеда, как правило, занятия были на воздухе, в поле, где температура в январе-феврале часто опускалась ниже минус 30 градусов. После обеда, когда уже темнело, было 2–3 часа классных занятий (топография, теория стрелкового дела, изучение матчасти оружия, средств связи, минно-саперная подготовка и т. д.).

Перед ужином каждый вечер по 1–2 часа мы занимались или строевой, или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами «Чатка», заполнявшими все полочки и витрины, и мы довольно часто покупали этих крабов. Это был наш «доппаек», который либо съедали сразу же по возвращении в казарму, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши.

Хорошее, скажу вам, сочетание. Вкусно получалось! Обеды были достаточно калорийными. Кроме густого крупяного или макаронного супа либо щей с мясом, к которым регулярно подавалась как приправа какая-то витаминная добавка (вроде размолотого шиповника как средства против цинги), давали добрую порцию каши или макарон с мясной тушенкой или с соленой кетой, а чаще – с горбушей... Конечно, Дальний Восток – рыбный край!

Однако, несмотря на довольно калорийный рацион, крепкие морозы и огромная физическая нагрузка делали свое дело, выматывая, вымораживая из нас эти калории. Досыта удавалось наесться только тем, кому выпадало идти в наряд по кухне. Может, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали. Для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казармах после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов.

Когда модным стало чернить наше советское прошлое, появились такие «художественные» фильмы, как «Курсанты», где командиры у них без нравственных устоев, офицеры КГБ-МВД надзирают почти за каждым курсантом, а те, голодные, воруют и прелюбодействуют. Все это домыслы авторов множества и других современных фильмов, в которых они считают просто необходимым гипертрофировать роль «кагэбэшников». Ничего подобного в военных училищах того времени не было даже в первом приближении. Строгость была, нагрузки невероятные тоже, но голодных, способных на преступления курсантов и бесчеловечных командиров-солдафонов не было. Это умышленное, сознательное вранье.

Да, хотелось нашим молодым организмам и поспать подольше, и поесть послаще, но прекрасно мы понимали, что эти желания просто от «запредельной» физической нагрузки на дальневосточных морозах, без которой не подготовить в короткий срок грамотного и умелого командира, который будет способен вести подразделения в бой.

Еще немного подробностей о быте училищном и о запомнившихся мне преподавателях. Особенно часто вспоминаю преподавателя топографии, младшего лейтенанта Эльмана, призванного из запаса эстонца. Это он научил нас ориентироваться по звездам, определять фазы

Луны и с точностью до дня вычислять, когда наступит новолуние или полнолуние. Вообще-то этой премудрости меня научил еще в детстве мой дед Данила, но с теоретическим обоснованием и четкой логикой это сделал наш училищный топограф. Настолько он был интересным, знающим человеком, умеющим вкладывать в наши головы нужные знания, что мы все поголовно с нетерпением ждали его занятий. Практическое хождение по азимуту он организовывал так, что при правильном и с меньшими затратами времени прохождении маршрута нас ждал какой-нибудь приз вроде пачки махорки или флакона одеколона. А это, надо сказать, по тому времени были весьма ценные призы. Ну а на крайний уж случай, когда и такого приза не оказывалось, устраивал просто забавный сюрприз вроде того, что нужно разыскать его самого, забравшегося на высоченное дерево и подающего звуки, имитирующие крик какой-то птицы.

Запомнился навсегда и преподаватель артиллерии и стрелкового вооружения майор Бабкин. Острослов и шутник, он никому не давал шансов вздремнуть на классных занятиях. Если кого-то после занятий на крепком морозе в тепле клонило ко сну, он так умел встряхнуть взвод или роту, что общий хохот надолго прогонял дремоту у виновного. Устраивал он и занятия-соревнования по разборке и сборке вслепую, с завязанными глазами, ручного пулемета, еще мало знакомой тогда самозарядной винтовки Токарева (СВТ) или автоматической винтовки Симонова (АВС), и тоже с какими-нибудь призами.

В училище я пробыл с первых дней 1942 года до середины июля, когда окончил полугодовой курс обучения «по первому разряду» (то есть на «отлично») и получил, как и другие семнадцать «перворазрядников», свое первое офицерское звание – лейтенант. Остальных выпустили младшими лейтенантами, а тех, кто не выдержал выпускных экзаменов, – даже сержантами. Выдали нам комсоставские (потом их стали называть офицерскими) удостоверения и снаряжение (ремень с портупеей), полевую сумку с планшеткой для топографической карты и кобуру для нагана, который полагалось получить уже в части назначения. Обмундировали нас в новые суконные гимнастерки, на которые были нацеплены новенькие петлицы с двумя красными эмалевыми квадратиками («кубарями») и пришиты на рукава шевроны. Выдали брюки с кантом, фуражки с малиновым околышем. И мы с непривычной гордостью ходили во всем этом, ужасно поскрипывая кожаным снаряжением и хромовыми сапогами.

Однако радость наша была омрачена тем, что почти всех младших лейтенантов и сержантов отправили в действующую армию, а нас, отличников-лейтенантов, – в войска на Дальнем Востоке. Небольшая группа выпускников, куда вошел и я, получила назначение командирами стрелковых взводов в 29-ю Отдельную стрелковую бригаду на позициях вблизи села Комиссарово, у озера Ханка на границе с Маньчжурией, где тогда хозяйничали японцы. Там мы стали подавать рапорта об отправке в действующую армию на западные фронты. Вскоре нас собрал комбриг и спокойно, но убедительно сумел нам доказать, что наш «недействующий» Дальневосточный фронт может совершенно неожиданно, в любое время превратиться в «очень даже действующий»! И японцы своими нередкими провокациями тоже убеждали нас в этом.

Наступила зима. И, хотя это была южная часть Советского Дальнего Востока, морозы были немалыми, а в сочетании с почти постоянными сильными ветрами в тех краях становились особенно неприятными. Так что на длительные лыжные переходы, которым уделялось немало времени, нам выдавали надеваемые под шапки-ушанки трикотажные шерстяные подшлемники с отверстиями для глаз и рта, чтобы уберечь от обморожения щеки и носы, а иногда такие же мешочки для других, не менее нежных частей тела.

И все-таки к концу 1942 года, когда немецкие войска были остановлены под Сталинградом и угроза японского нападения на дальневосточных границах Советского Союза стала менее вероятной, по одной роте с каждого батальона нашей бригады в полном составе были переформированы в маршевые (для фронта). Не знаю, был ли дан ход моему рапорту или это просто было не более чем совпадение, но такой маршевой ротой нашего батальона оказалась именно рота, в которой одним из взводных командиров был я. Погрузили нас в эшелоны и в

первые дни января 1943 года отправили на Запад. Как потом стало известно, направлялись мы для формирования частей Югославской армии по примеру уже создававшихся дивизий Войска Польского вместо неудачи с армией Андерса и Чехословацкого батальона Людвиг Свободы, вскоре выросшего до бригады.

До Байкала, а точнее – до какой-то станции на нем наш эшелон не шел, а летел так, что на многих узловых станциях паровозы меняли настолько стремительно, что мы иногда не успевали не только получить горячую пищу из следовавшего в нашем эшелоне вагона с полевыми кухнями, но даже прихватить ведро кипятка. Во время смены паровоза на станции Бира, где мне часто приходилось бывать и где в свое время завершали обучение в средней школе мои старшие братья, я увидел хорошо знакомого мне дежурного по станции. Это был друг и одноклассник моего брата Виктора. Он передал по железнодорожной связи на мой родной полустанок Кимкан, где жили родные, весть о том, что я вскоре проеду эшелоном на Запад. Все мои родные вышли к железнодорожным путям. Но поезд промчался с такой скоростью, что я едва успел разглядеть своих, а дед Данила, пытавшийся бросить мне подарок – кисет с табаком, не попал в открытую дверь теплушки. Как потом мне рассказывала сестренка, дед, крепкий, не слезливый сибиряк, по этой причине расплакался.

На этой прибайкальской станции наш эшелон вдруг остановили, и мы там простояли почти неделю. Что-то тогда не заладилось с формированием югославских частей, и нас «затормозили». (Только осенью 1943 года был создан Отдельный пехотный батальон, который к августу 1944 года вырос в отдельную 1-ю Югославскую бригаду.) Дальше нас везли так неспешно, что мы почти полмесяца добирались до столицы Башкирии Уфы. Миновав ее, на станции Алкино ясной, морозной, лунной ночью весь наш эшелон выгрузили, и мы влились в состав 59-го запасного стрелкового полка 12-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа. Помню хорошо, что командиром полка был в то время фронтовик, майор Жидович с весьма приметным шрамом во всю левую щеку, казавшимся издали большим бакенбардом. Одним из его заместителей был подполковник явно немолодого возраста, а другим – фронтовик с нашивками о ранениях, красавец богатырского роста и телосложения, майор Родин.

Командиром батальона, куда влилась наша маршевая рота, был тоже фронтовик, всегда какой-то нервный, взвинченный, всего-навсего младший лейтенант (вот фамилию его не помню), а командиром роты, казарму которой заменяла большая ротная землянка – удивительно спокойный, невозмутимый старший лейтенант Нургалиев. И я часто наблюдал, как наш ротный терпеливо и стойко переносил грубости и «разносы» своего комбата, на две ступени младшего по званию. Вообще там я заметил разницу в отношениях между фронтовиками и теми, кто еще «не нюхал пороха». Может, тогда еще сильнее стало проявляться желание попасть на фронт.

Запомнилась и старший врач полка, тоже фронтовичка, капитан медслужбы с фамилией Родина. Это была очень яркая, красивая брюнетка, на удивительно стройной фигуре которой так ладно сидела недавно только введенная в нашей армии офицерская форма с не совсем привычными погонами. Особенно восхищали нас, молодых лейтенантов, ее классической формы ноги в аккуратненьких хромовых сапожках. Это всеобщее восхищение привело к тому, что почти вся офицерская молодежь стремилась научить свои подразделения петь в строю «Песню о Родине», в которой были слова «Как невесту, Родину мы любим»... Да еще то и дело находили причины посетить санчасть, чтобы испытать судьбу. Я сам как-то раз осмелился осуществить посещение санчасти, правда, не с амурной, а с другой целью: во-первых, убедиться в правоте восторженных баек о ней, а во-вторых, просто поближе рассмотреть этого медицинского капитана Родину, о красоте которой в полку ходили легенды.

Но она сразу распознавала эти мужские хитрости и умела так «отшивать» мнимых больных, что охота повторить подобный маневр пропадала надолго. Да все, наверное, догадывались, что заместитель командира полка, рослый майор Родин, не иначе как ее муж, так что

и это обстоятельство наверняка было хорошим сдерживающим началом от попыток амурных приключений особо жаждущих поволочиться за красивой женщиной. Мой визит был обставлен убедительной причиной, мне она дала хороший врачебный совет, но я убедился в том, что те легенды были чистой правдой.

Но самое мистическое во всем этом то, что теперь, когда мне стали доступными из Центрального архива Минобороны некоторые документы по истории нашего 8-го штрафбата, я узнал, что с первых дней его существования (еще под номером ОДИН), начсанслужбы того штрафбата была военврач 3-го ранга Родина Юлия Александровна! Есть в архивных документах несколько донесений, подписанных военврачом Родиной, например, о полном обеспечении батальона теплыми зимними вещами или о недостатках в организации продовольственного снабжения и т. п.

Вот еще один любопытный документ:

Приказ по 1-му ОШБ Донского фронта

№ 102 от 27 ноября 1942 года:

Военврачу 3 ранга Родиной за проявленную смелость и решительность, оказание первой помощи под огнем противника раненому начальнику финдовольствия, спасение и сохранение при этом ценностей, находившихся при нем, от лица службы объявляю благодарность.

*Командир батальона Гв. майор Бурков,
батальонный комиссар Ларенок*

Так что наверняка наш доктор-капитан Родина из Алкино и военврач 3 ранга из 1-го, а затем и 8-го штрафбата Донского фронта – одна и та же! Значит, она из штрафбата № 8 – в запасной полк ЮжУрВО, а я из этого полка – в тот же штрафбат! Ну, разве не мистика? Да она, эта мистика, кажется, на этом и не завершилась, о чем станет ясно несколько позже.

В этом запасном полку главным нашим делом была подготовка нового пополнения для действующей армии, в основном из немолодых уже людей (чаще всего из мусульманских республик), обучение этих новобранцев азам военного дела, формирование из них маршевых рот для фронта. Долго, более полугода, я, как и многие другие офицеры, своими регулярными рапортами добивался отправки на фронт. После каждого такого рапорта командир полка также регулярно объявлял мне, вначале по 5, а затем и по 10 суток домашнего ареста, а арест этот заключался в удержании из лейтенантского месячного оклада 50% за каждые сутки ареста.

Здесь, в этом полку, кроме того что я вступил кандидатом в члены партии, происходило много других событий. Одним из таких запомнившихся случаев было то, что однажды меня вежливо пригласили в особый отдел полка. Как и все солдатские «казармы» и штабные помещения нашего полка, это заведение тоже располагалось в землянке. После небольшого, вроде бы ни к чему не обязывающего предисловия мне прямо предложили сотрудничество с этим отделом. Я должен был регулярно информировать определенных офицеров отдела о негативных настроениях или высказываниях как солдат моего взвода, так и моих товарищей-офицеров. Ну, коль мне прямо такую роль «стукача» предложили, может, просто проверяя «сына репрессированного», я так же прямо и категорично отказался от такого «сотрудничества», наверное, еще не понимая последствий этого отказа. Жизнь показала, что эти последствия я чувствовал и на фронте, и даже через 20 лет после войны.

Другим событием, оказавшимся значительным в моей жизни, было знакомство с девушкой, эвакуированной из Ленинграда, которая в 1944 году оказалась медсестрой эвакогоспиталя на одном фронте со мной и там стала моей женой.

В августе или начале сентября 1943 года очередному из многих моих рапортов был дан ход, и нас, небольшую группу офицеров, направили вначале в ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава) округа, а затем в такой же полк, но уже Белорусского фронта. Находясь в этом 27-м ОПРОСе фронта, мы несли боевую службу по охране важных объектов от возможных диверсий противника, патрулирование участков прифронтовой полосы. Но это все-таки была не передовая, куда мы стремились. Вскоре произошло то, чего даже я, так стремившийся на передний край, не ожидал: я попал в штрафной батальон. О том, как это было, я уже рассказал в предыдущей главе, а тому, что в штрафбате было и что распространялось о них в домыслах разного качества и пошиба, посвящены следующие главы.

Глава 4

Без вины в штрафбат. Наказание без преступления?

*О, сколько горьких испытаний
На долю выпало твою!
И шел ты в бой с одним призванием —
Отчизну защищать свою.*

Олег Дымов

*Штрафные батальоны — наказание.
И кровью смывать ошибки мы должны!
За мужество дарили оправдание.
А кто был без вины, терпели мы.*

Анатолий Сучков

На фронт я попал после долгих попыток выпроситься из запасного полка под Уфой. В ноябре 1943 года после сложных и сравнительно долгих переездов мы, группа офицеров, оказались в 27-м ОПРОСе (Отдельный полк резерва офицерского состава) Белорусского фронта, уже на белорусской земле. Конечно, это еще не передовая, куда мы стремились, где ведут бои с противником, ходят в атаки, хотя мы и здесь выполняли боевые задачи по охране и обороне арсеналов фронта. Чаще патрулировали прифронтовую территорию, выполняя некоторые функции заградотрядов на предмет выявления отставших от войск и задержания дезертиров или диверсантов противника, что не всегда обходилось без применения оружия.

Каждый из нас наряду с этим ждал своего звездного часа, который определит, где и в какой роли станет настоящим фронтовиком, а вестниками судьбы почти каждый день или ночь являлись гонцы из частей переднего края, отбиравших пополнение вместо выбывших из строя офицеров. Знали мы, конечно, что выбывают они там не на курорты или в отпуска, а в госпитали или в братские могилы.

Несколько строк о моей службе до этого. С началом войны мы, выпускники средней школы на Дальнем Востоке, были зачислены в Красную Армию. Вместо наших отчаянных просьб направить нас на фронт борьбы с немецкими захватчиками многих из нас определили в войска Дальневосточного фронта, пока не действующего. Полгода мне пришлось закаляться рядовым в полковом разведвзводе одной из дивизий ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии). Оттуда с группой комсомольцев со средним образованием, по комсомольским путевкам — в военно-пехотное училище в Комсомольске-на-Амуре. Уже лейтенантом послужил снова на Дальнем Востоке, затем в Южно-Уральском военном округе и только в ноябре 1943 года я наконец попал на Белорусский фронт, в 27-й ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава).

Однажды, в двадцатых числах декабря, меня вызвали в штаб этого полка на беседу к офицеру из действующих войск. Майор был со строгими чертами лица, обветренным почти до черноты, и я обратил внимание на его заметно поврежденную раковину правого уха. Просмотрев мое еще тощее личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» У меня, молодого лейтенанта, какое-то представление о штрафбатах и за что туда направляют провинившихся офицеров уже имелось из Приказа наркома обороны № 227, зачитанного нам в воинской части

вблизи озера Ханка в Приморье. А тогда, заикаясь от неожиданности, я спросил: «З-з-за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не за что, а **зачем**. Будешь командовать штрафниками, помогать им искупать их вину перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся». Немного отлегло, поняв, что не штрафником иду в штрафбат, хотя в моих мыслях появилась ниточка рассуждений, связывающих отбор меня в штрафбат с совсем недавним прошлым. А в том прошлом, всего за год с лишним до этого, мой отец попал под строгие законы военного времени. За нелюбезные высказывания о руководстве страны и лично в адрес Сталина отец был, как принято ныне говорить, репрессирован, то есть осужден к 8 годам лишения свободы по известной тогда 58-й статье УК РСФСР. Подробнее об этом я расскажу в одном из экскурсов в свое прошлое.

Я ничем не могу подтвердить верность тех моих предположений, но тогда, как молния, просверлила мозг мысль: а не за отца ли это наказание? Конечно же, сразу и контрдовод появился, известные нам с детства слова Сталина «Сын за отца не отвечает». О том, что это были слова из Библии, я слышал еще со слов моей набожной бабушки, и знал я, что Сталин, учившийся в детстве в духовной семинарии, тоже не мог их не знать. Спонтанно родилась мысль и о том, что причиной мог быть также и арест в 1937 году старшего брата моей матери. По той же 58-й статье мой дядя был объявлен «врагом народа», и его судьба была тогда нам неизвестна.

Оказалось, что из 18 офицеров, отобранных этим майором на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имели не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены. Зная из того сталинского приказа, что на командные должности в штрафбаты назначаются лишь лучшие из имеющих боевой опыт офицеры, эта навязчивая мысль о «тени предков», о наказании за совершенные не мною преступления еще не раз за время моей долгой воинской службы посещала меня, но каждый раз находилась и «контрдовод». В этом же случае одновременно с сомнениями и с определенной степенью недоумения вина предков не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем», а «контрдовод» заставлял считать это событие скорее не наказанием, а чем-то вроде своеобразного доверия. Возникло даже ощущение почти гордости за то, что меня приравнивали к боевым офицерам.

Как оказалось, майором, отбравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го Отдельного штрафного батальона, майор Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтовую жизнь в 1943 году и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава войск Киевского военного округа, куда всех, более или менее крупных военачальников, раз в год собирали на декадные сборы. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) тот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе. Вот майор Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, кроме меня, уже бывалых боевых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую. Буквально через час мы мчались тревожной декабрьской ночью в кузове открытого грузовика с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом немецким осветительным ракетам. Скупое освещенная неверным светом идущих все ближе боевых действий, изуродованная войной земля Белоруссии казалась ох какой неприветливой. Это потом, когда нам пришлось на этой земле повоевать, мы почувствовали приветливость и этой почти полностью сожженной и разграбленной врагами земли, и ее жителей, перенесших неимоверные страдания от оккупантов. А где-то там, под огнем противника, на земле, о которой в одной популярной советской песне говорилось «Белоруссия родная», держал оборону пока неведо-

мый, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, до самого Берлина наш 8-й Отдельный (офицерский) штрафной батальон.

Перед рассветом 25 (или 26) декабря наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном, морозном ветру, выскочив из нее, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва светящимся, завешенным, словно прищуренным, окошком и так же стремительно вскоре из него выбежал. Подойдя к нам, он скомандовал «За мной!» и зашагал, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Вошли через сенцы в большую, хорошо натопленную комнату, скупо освещенную каким-то примитивным светильником, сооруженным из артиллерийской гильзы. Вдоль глухой стены на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной, рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства оригинальный аромат. Подумалось, что это для нас. Теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще приблизительное представление.

Посреди комнаты – длинный, грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. Не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Спустя несколько минут к нам вошел какой-то щупленький на вид старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В запасном полку, в Алкино под Уфой, наша офицерская столовая такими запахами, за все время моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись как командир комендантского взвода старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол аккуратный листок бумаги со списком, по которому мы должны были поочередно идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через 10 капитан вернулся, какой-то возбужденный, раскрасневшийся и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И, когда третий по очереди, старший лейтенант Мусь Гольдштейн, ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, оставшись у крыльца дома комбата, чтобы не заставлять его ожидать моего прихода.

Таким странным именем «Мусь» Гольдштейн назвал себя при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему, превратившись в среде равных просто в Муську. Это потом мы узнали, что по удостоверению его настоящее полное имя Моисей. Через какое-то время мы стали называть его просто Муся и даже привычным для слуха русским именем Миша. Компанейским он был, или как бы теперь сказали – коммуникабельным.

Вскоре Мусь вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале

остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее твердость. Как нас учили еще в разведвзводе на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, больше мы разглядывали друг друга. Мне показалось, будто комбат изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень выделялся кажущийся ослепительно белым, свежеподшитый подворотничок у выдавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого по нашим тогдашним почти юношеским меркам человека, лет так близко к 50. Это, как оказалось, ошибочное впечатление держалось у многих все то время, когда Осипов был нашим комбатом. Только когда я стал работать над рукописью моей первой книги «Штрафной удар...», Рогачевский райвоенкомат сообщил мне, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! Верно говорят: война не красит и не молодит человека!

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимания в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоевать вместе. Будем надеяться, доведется нам и успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у майора Кудряшова Александра Ивановича», – и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидел майор и рядом с ним старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Кудряшов оказался тем майором, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, – уполномоченный Особого отдела «Смерш». Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в расположение (значит, понял я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моя, тогда еще очень густая, шевелюра изрядно взмокла.

Так закончилась наша первая встреча. Но с комбатом Осиповым мне довелось обрести не только настоящее боевое, но и водное крещение, чуть не утонув в ледяной купели реки Друть при ее преодолении в бою. Был за время нашей общей службы в штрафбате и случай, когда я едва не перешел из офицера-командира в разряд офицера-штрафника. Это было через полгода в Полесье, где я в стремлении улучшить нашу оборону превысил свои права, снимал мины с одного участка и ставил их лично перед нашими окопами. Дважды при выполнении боевых задач в составе осиповского батальона мне пришлось самому перенести серьезные ранения и даже получить очередное воинское звание.

Этот мой первый фронтовой комбат стал примером боевого командира на всю мою воинскую службу, оказавшуюся довольно долгой. Как когда-то образцом для меня стал первый мой командир роты – политрук Тарасов, о котором я рассказал уже в предыдущей главе.

В этот первый штрафбатовский день нас ознакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава, узнали мы, что наш батальон воюет в составе 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко. Тогда же мы узнали,

что до боев под Жлобином, на 20 декабря, в батальоне штрафников состояло 918 человек (это же почти полк!). И не совсем правы те «исследователи», которые утверждают, будто в штрафбатах «по определению» не могло быть ни на одного человека больше 800 человек, установленных штатным расписанием, так как никто пайков больше положенного не выдаст. Выдавали на всех, сколько было «едоков», и никогда не было в этом проблем, как ввали в 11-серийном фильме «Штрафбат» Володарский с Досталем.

После ожесточенных боев под Жлобином, 23 декабря, потери составили: убитых – 144, раненых ровно в 2 раза больше – 288, пропавших без вести – 59. Итого 591 человек. В боевом донесении «Штабат 8 Отд. с-з Майское 7.00 24.12.43», полученном мною из ЦАМО РФ, записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «Налицо людей 349». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно, составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20–22 декабря. Значит, и эти 3 дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что не указанные в том донесении потери, вероятно, составили: убитых – 26, раненых – 52. Так что возможные потери за весь период 3 дней боев могли составить убитых – 170, раненых – 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), как говорилось в донесении, на поле боя осталось около 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера и 250 солдат. Как правило, штрафники немцев в плен не брали, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства.

Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим мне хотелось показать, какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату, если только за один день боевые потери составили почти 600 человек. Это же более 65 процентов!!! Эти цифры подтверждаются и архивными документами ЦАМО РФ. Вот почему на пополнение офицеров батальона понадобилось сразу 18 человек только в командный состав.

В этот же первый наш «штрафбатовский» день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Из тех первых встреч из политработников сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, без каких-либо формальностей поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, я запомнил сразу тогда вместе с парторгом Желтовым начальника штаба майора Носача Василия Антоновича, командира комендантского взвода Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабица Анатолия Григорьевича, из рук которого я получил свое личное оружие – пистолет системы «наган».

Запомнились и агитатор батальона (были и такие штатные должности у нас), капитан Пиун Павел Ильич да помощник начпроды, старшина Червинский, накормивший нас с дороги по прибытии в батальон. Это потом постепенно круг знакомств расширялся, хотя многих офицеров из других подразделений, тыловых служб, из политсостава я так и не успел не то чтобы хорошо узнать, но даже узнать об их существовании вообще. Разные были у нас задачи. Эти офицеры из политсостава были закреплены за разными подразделениями, и с некоторыми из них так и не удалось хорошо познакомиться. Да, честно говоря, некогда было нам, взводным, отвлекаться на широкие знакомства.

Майор Кудряшов, видимо, ссылаясь на мнение комбата, определил мне должность командира нештатного разведвзвода. Наверное, моя служба еще до военного училища красноармейцем в разведвзводе на Дальнем Востоке оказала влияние на принятие такого решения. Да и обрадовало то, что мне доверили разведывательное подразделение, несмотря на «преступный» шлейф отца и дяди.

Этот разведвзвод, оказывается, формировался сверх штата еще до декабрьских боев под Жлобином, он не входил в состав какой-либо роты. Кудряшов познакомил меня с начальником разведки батальона Борисом Тачаевым, старшим лейтенантом, как мне показалось, старше меня по возрасту, а как я узнал уже от него самого, имеющим боевой опыт и ранение под Сталинградом. Он как-то сразу, с первых же слов и жестов, расположил к себе и, несмотря на то что он был моим прямым начальником, я почувствовал себя почти как равный с равным. Его открытое лицо и приятная улыбка, какой-то внимательный взгляд на все, что он видел в данный момент, говорили, что передо мной опытный разведчик. Дельные, компетентные и неназойливые советы вызвали желание делать все в лучшем виде.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и начальник разведки представил меня, нового командира, разведвзводу численностью... 11 человек. Все бойцы этого взвода оказались из бывших боевых офицеров. Побывавших в немецком плену, «окруженцев» или даже тыловых офицеров там не было. Это и понятно: взвод специально комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта. Первым делом, сказал Борис, мне предстоит довести его состав как минимум до 25 бойцов и что в этом поможет он сам.

Здесь я впервые увидел тех, кто составляет главную силу штрафбата, бойцов, которых (как-то мне непривычно) называли штрафниками, но не при обращении к ним, а «заочно». Я говорю «заочно», потому что уже в первый день нам разъяснили, что ко всем им следует непременно обращаться, как и принято в нашей армии, со словом «товарищ», но все-таки по-особому: официально – «боец-переменник», так как в отличие от нас они относились к переменному составу, а мы – к постоянному.

Тогда до меня дошло, что он, боец-переменник, покинет штрафбат, либо совершив подвиг, либо по ранению, или, в конце концов, по истечении срока, на который направлен офицер в штрафники за свои прегрешения, а он больше 3 месяцев не бывает. Мы же, постоянный состав, остаемся в нем постоянно, не на 1–3 месяца, как штрафники, а кое-кто из нас, как оказалось, даже на год-два и более!

Вскоре я убедился, что слово «боец-переменник» не привилось. Офицеры постоянного состава сами считали более справедливым не напоминать им об «особом ранге» и, как было принято во всей армии, говорили, например, «боец Иванов, ко мне». И многие из штрафников с нескрываемым удовольствием применяли это «звание», например, при докладе: «Товарищ лейтенант, боец Иванов по вашему приказанию прибыл».

Эти факты в пух и прах разбивают домыслы всяких недобросовестных писателей и киношников о тюремно-лагерных взаимоотношениях в штрафбатах. Никаких «гражданин начальник» или «гражданин лейтенант», как домысливают это современные «знатоки» нашей военной истории, не было и в помине.

Во всем чувствовалось совершенно нестандартное уважение тех, кто вчера еще был майором, а то и полковником, не раз бывавшим в огненной перепалке боев, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту, ставшему их командиром. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь штрафбатовский командир поведет их в бой, от него зависит во многом судьба и даже жизнь штрафника, а может, и возвращение «бойца-переменника» в офицерский строй.

Среди штрафников и комсостава не утихали эмоциональные разговоры о самом Рокоссовском. Оказалось, буквально сразу же после тяжелых боев под Жлобином, в декабре 1943 когда, когда батальон понес большие потери и в переменном, и в командном составе, буквально за день-два до моего появления в штрафбате в окопах батальона побывал сам командующий фронтом генерал Рокоссовский. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним, увидеть его! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно

и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне оставалось только сожалеть, что я не был свидетелем этого эпохального события.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с начальником разведки Борисом Тачаевым, там мы и познакомились поближе. Я узнал, что он, как и я, в армии с первых дней войны, даже упредив ее на день: 21 июня поступил вначале в интендантское военное училище, а затем удалось перевестись в пехотное, чтобы воевать, а не обеспечивать бои. Воевал под Сталинградом, после ранения и госпиталя получил назначение в штрафбат в отличие от меня – как имеющий боевой опыт.

Большинство бойцов моего взвода были не только по возрасту старше меня, но по их временно отнятому званию – тоже. Одеты они были практически одинаково, в шинелях на телогрейки, на ногах – сапоги, шапки, как правило, офицерские, не новые, но цигейковые, серые. Вообще бойцы батальона, как я успел обратить внимание, обмундированы как-то разношерстно: большинство – в солдатских или офицерских шинелях, бушлатах или телогрейках, но все без погон и с солдатскими ремнями. Значительная часть носит шапки-ушанки солдатского образца из искусственного меха. Это теперь во многих «документальных» и постановочных фильмах у них снимали звездочки с головных уборов, чего на самом деле не было, ведь это символ Красной Армии. Вот офицерские ремни заменены на солдатские. На ногах тоже у многих сапоги, а значительная часть – в ботинках с обмотками.

Оказывается, те, что в ботинках, – как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из освобожденных от оккупации территорий (всех их здесь называли «окруженцами»), а в сапогах – бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные Военными трибуналами или направленные в штрафбат решением начальства. Между собой все они общались привычно, как равные, может быть, только подчеркнуто уважительно, на «вы» с теми, кто в прошлом носил более высокие воинские звания. Я даже слышал иногда негромкие обращения штрафников друг к другу по их воинскому званию в прошлом, особенно к старшим офицерам.

Вот здесь мне хочется привести свидетельство «постороннего» человека, то есть не состоявшего ни в постоянном, ни в переменном (штрафном) составе батальона, минского пенсионера, послевоенного работника аппарата Президиума Верховного Совета Беларуси. Он в 1944 году был начальником радиостанции, прикомандированной к нашему батальону из штаба 3-й армии генерала Горбатова на период выполнения нашим штрафбатом боевого задания при взятии Рогачева. Старшина-фронтовик Григорий Власенко. Его мнение совпадает с моим удивлением от первого впечатления о штрафниках-офицерах.

«Мое личное впечатление от их поведения на передовой таково, что в абсолютном большинстве это были люди порядочные. Скажу даже – высокого долга и высокой воинской морали. Конечно, изначально все они были разные, и прежняя вина у каждого была своя. Рядом могли находиться растратившийся где-то в тылу пожилой интендант и юный балбес-лейтенант, который опоздал из отпуска или по пьянке подрался из-за смазливой медички.

Но наступал момент внутреннего преображения, момент осознания готовности к самопожертвованию, и эти люди становились едины в том, что в бой шли, как на молитву.

Запомнилась мне деталь: между собой они обращались на „вы“. Матерная брань считалась дурным тоном. Ну а если отринуть высокопарность, то допустим и такой мотив: „Пусть меня ранит, пусть погибну, так ведь реабилитируют! И семья в тылу получит деньги по восстановленному офицерскому аттестату“.»

Личные отношения у меня с подчиненными складывались вопреки опасениям неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия скоропалительных решений. Да и от любопытства некоторых подчиненных тоже, желавших понаблюдать, как неопытный в боях командир будет вести себя в этой среде. То есть помогали мне на первых порах «держаться дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне, и пока ни мы, ни противник не вели активных боевых действий, мне было удобно постепенно «врастать» в обстановку, понимать непростую ситуацию, сложившуюся уже в таком необычном воинском коллективе.

Между тем и сам я стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать свист летящих мимо пуль, шорох снарядов и мин противника, летящих мимо или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз по вызову того самого майора Кудряшова, которому комбат меня поручил, нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем предстояло пройти метров 300 по открытому месту. Были уже сумерки, приближалось время, обычное для немецкого артонала, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Не пробежал буквально и нескольких десятков шагов, как загрохотало и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха, тем более – на войне.

Ощущая впервые в жизни этот всепоглощающий, даже животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и в случае чего мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптаным снегом. Разрывы снарядов или мин (еще не научился их уверенно различать) не становились реже, но мой страх, казалось, забирался постепенно куда-то внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну, пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть будет „мой“ снаряд, пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только „на мгновение“...»

Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе улетучилось, и я решил больше не дожидаться своего конца лежа: какая разница, в куски разорвет лежачего или бегущего тот снаряд. Да к тому же меня ждет замкомбата, и не подумает ли он, что я прячусь где-то, как трусливый кролик.

Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед. И будто по мановлению волшебной палочки почти сразу же прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Видно, судьбе моей или богу (тогда мы отождествляли эти понятия) было угодно прервать это испытание моей воли и психики. Это значительно позже, уже после войны, мне врезалось в память изречение основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского: «Не тот мужествен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто может подавить самый сильный страх и думать об опасности, не подчиняясь страху». Мне кажется, что до знакомства с этим положением Ушинского к такому выводу мы на фронте приходили сами.

Придя в себя, побежал дальше. И, пока бежал, периодически переходя на ускоренный шаг, чтобы перевести дыхание, почувствовал, что все еще дрожащие мои нервишки постепенно перестают вибрировать и я смогу спокойно доложить майору о своем прибытии. Так и произошло: майор Кудряшов, показавшийся мне вначале не очень приветливым, довольно тепло принял мой доклад, не преминул заметить, что мог бы и не спешить, а переждать эту вражескую канонаду. Борис Тачаев, присутствовавший здесь же, кивнул одобрительно, сопровождая свой кивок дружеской, хотя и сдержанной улыбкой.

Совершенно неожиданно для меня пошел разговор о том, не хотел бы я перейти на штабную работу, хотя и временно. Мне вначале показалось, что именно Борис Тачаев засомневался, справлюсь ли я, не имеющий боевого опыта, с должностью командира взвода разведки. То ли оттого, что я еще не отошел от возбуждения, что только сейчас преодолел в себе неведомый мне ранее барьер страха, то ли от простого нежелания менять живое общение с такими необычными бойцами на бумажно-канцелярское, как мне подумалось, дело, я твердо ответил, что если имею право отказаться, то не согласен. Улыбнувшись, майор одобрил мое решение. А Борис, услышав мой уверенный ответ, настолько откровенно обрадовался, что взял мою руку и крепко пожал ее, сказав что-то вроде «молодец, так держать!». Майор, подумал я, сделал это предложение вовсе не ради действительно требующегося в то время перемещения, а только для проверки: узнав о моем хорошем почерке и высокой по тому времени грамотности, решил узнать, не было ли у меня мысли занять менее опасное место. Вернулся в свой окоп я снова с Тачаевым.

Понемногу знакомился я и с командованием батальона, все ближе узнавал Александра Ивановича Кудряшова, еще сравнительно молодого (правда, на 10 лет старше меня), но уже в звании майора с веселым нравом, грамотного, имеющего солидный доштрафбатовский боевой опыт командира роты и даже командира стрелкового батальона. У него уже было два ранения, медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Как и я, он любитель стихов, окончил до войны и рабфак, и учительский институт, поработал учителем и даже заведующим сельской школой. Несмотря на свое превосходство в образованности над комбатом Осиповым (институт по сравнению с начальной сельской школой), таких качеств, как у него, не всегда самокритичный Александр Иванович себе все-таки не приписывал.

Наш комбат Осипов не переставал удивлять меня какой-то доступностью и отеческим отношением к нам, командному составу, и к штрафникам. Видимо, не зря и те и другие между собой называли его просто Батя. Вероятно, это была закономерная реакция бойцов на атмосферу доверия к ним со стороны комбата и штатного состава батальона, уважения их к тем, кто считался преступниками, штрафниками. Что касается личности Аркадия Александровича Осипова и его отношения к подчиненным, то только на одном примере, ставшем мне известным, я сделал вывод об удивительной его сдержанности. Заодно и о высоком моральном духе, о советском патриотизме большинства воинов-переменников, не очень облаканных той же советской властью и оказавшихся в не очень ласковом же штрафбате. Вот этот пример.

Однажды накануне нового 1944 года, из окопов на полевую кухню был направлен с термосом за горячим обедом боец-переменник. Случилось так, что ему встретился другой штрафник, направлявшийся из штаба батальона в окопы с каким-то поручением. Так вот, «кухонный» (так назовем первого) говорит «посыльному» (так назовем второго): «Не хотел бы ты иметь хорошие трофейные золотые часы в качестве новогоднего подарка?» Тот подумал, что ему предлагают практиковавшийся на фронте обмен типа «махнем, не глядя», когда обмениваются вещами, не видя их, и кто из менял окажется в выгоде, покажет сам обмен. Поэтому он заявил инициатору, что у него нет ничего равноценного.

В ответ на это «кухонный» предложил «посыльному»: «В обмен на часы „подари мне пулю“.» И разъяснил: «Я тебе часы, а ты мне прострели руку, и будем квиты». «Посыльный» снял с плеча автомат, а «кухонный», истолковав это движение как согласие на «обмен», поднял вверх руку. Тогда его визави, направив свой автомат в грудь желающему получить вожаемое ранение, сказал примерно следующее: «А теперь, сволочь продажная, такую твою растакую... (и т. д., и т. п...) поднимай и вторую руку! Я тебе покажу, что таких б..., как ты, не столько среди нашего брата, как тебе показалось!»

И повел его прямо в штаб батальона к комбату Осипову. Не было у честного в недавнем прошлом офицера жалости к подлецу, хотя знал, что того могут и расстрелять.

Комбат практически имел право на расстрел такого негодяя, но отобрал у него те самые часы, как оказалось, вовсе и не золотые, тут же вручил их «конвоиру», объявив ему благодарность. А этого несостоявшегося членовредителя (так называли в армии «самострелов» и им подобных) под конвоем и в сопровождении уполномоченного Особого отдела (в просторечии – «особиста» батальона) отправил куда-то, то ли в трибунал, то ли в Особый отдел старшей инстанции. Какова дальнейшая судьба этого «менялы», сомнений в этом ни у кого не возникало. Да и не в этом суть, а в том, на каких основах строились взаимоотношения между самими штрафниками, и не важно, в каких ипостасях они были до того, как попали в штрафбат, из «окруженцев» или боевых офицеров.

Забегу немного вперед. Когда нас вывели из боевой ситуации под Жлобином, мы вдруг заметили, что один из заместителей Осипова, начальник штаба майор Василий Носач, всегда общительный, вдруг заметно изменился. Пройдя с этим батальоном в боях от Сталинграда от замкомроты до начштаба, вдруг стал замкнутым, избегал неформальных встреч или бесед, перестал реагировать на шутки офицеров, а через некоторое время убыл из батальона.

Недавно я получил из Центрального архива Министерства обороны документ, приказ № 0210 от 8.05.44 по 1-му Белорусскому фронту, проливающий свет на причину такой странности в поведении начальника штаба. Оказывается, в нашем штрафбате в дни боевых действий под Жлобином произошел беспрецедентный случай, на котором я остановлюсь несколько подробнее.

В декабре 1943 года под Жлобином, когда батальон понес большие потери, семеро штрафников, угодивших в штрафбат за то, что долгое время находились на оккупированной территории (проверкой не было точно установлено их тайное сотрудничество с немцами), воспользовавшись суматохой боя, сбежали к противнику. Майор Носач, не проверив дошедших до него ложных сведений об их мнимой гибели или ранениях, направил донесение в отдел кадров фронта о том, что трое из них погибли, один пропал без вести, а трое ранены и госпитализированы. Как оказалось в действительности, эти штрафники сдались в плен и перешли на службу к фашистам. Потом они были пойманы на другом участке фронта, уже со шпионским заданием. Так невольный обман майора Носача был обнаружен, и над ним нависла угроза серьезного наказания.

Видимо, чувствовал Носач свою вину и перед комбатом, и перед коллективом товарищей, хотя нам об этом так тогда и не было известно. А тогда майор Носач приказом по фронту был наказан откомандированием из батальона с понижением в должности.

Штрафники, кто дезинформировал майора Носача, покрывая предателей, были выявлены, осуждены военным трибуналом, лишены по суду офицерских званий и направлены в армейскую штрафную роту.

Уже после войны, когда я разыскивал своих сослуживцев по штрафбату, нашел и майора запаса Носача, проживавшего в Киевской области. Но Василий Антонович как-то нерасторженно откликнулся на результат моего поиска и не проявил желания поддерживать с нами связь. Видимо, ему, так и оставшемуся майором, было неудобно предстать в этом звании перед одним из бывших подчиненных лейтенантов, ставшим уже полковником. А может, он все еще стыдился своего прошлого проступка, из-за которого всеми любимый комбат Осипов получил тогда, правда, самое малое взыскание – «предупреждение» от генерала К.К. Рокоссовского, но все-таки... Вскоре генерал Рокоссовский присвоил Осипову звание полковника.

Пусть простит меня читатель за столь обширный экскурс вперед. А тогда, в декабре 1943 года, еще задолго до нашего рейда в тыл противника, казалось, неожиданно наступил новый, 1944 год. Новогодняя ночь и первый день его ничем особым не отличались от предшествующих, разве только немцы особенно много навешали над нашими позициями осветительных ракет на парашютиках да продолжительнее и как-то гуще вели артиллерийско-минометный обстрел траншей, занятых нашими войсками, и не только на участке штрафбата.

Дней через десять остатки нашего батальона вывели во второй эшелон, разместили штаб в селе Майское, за которое еще недавно батальон вел жестокие бои. Подразделения и хозяйственные структуры расположились в окрестных деревнях.

Батальон отчислял отвоевавших, принимал новое пополнение. Основная часть его снова состояла из числа бывших военнопленных, вышедших из окружения и тех, кто, оставаясь длительное время на оккупированной территории, не принимал участия в борьбе с оккупантами. Весь этот контингент назывался у нас одним словом – «окруженцы», хотя это слово производилось без тени презрительности или унижительности, как это может показаться поначалу. Полицаев и других открытых и скрытых пособников врага в штрафники не направляли. Им была уготована другая судьба.

Главным делом нашим стала боевая подготовка, т. е. обучение их заново владению штатным оружием, элементарным приемам переползания, окапывания, особенно в случаях, когда нужно «на виду у противника» отрыть «ячейку для стрельбы лежа» малой саперной лопаткой, неизменной помощницей солдата. Многому надо было учить из того, что ими было забыто за годы плена или оккупации, или даже было неведомо вовсе, если они ранее не служили в пехоте. Не знали мы тогда, что еще древний китайский мыслитель и философ Конфуций говорил: «Посылать людей на войну необученными – значит предавать их», но неуклонно следовали этому правилу.

Видимо, по распоряжению комбата его заместитель майор Кудряшов и начальник разведки старший лейтенант Тачаев курировали мой разведвзвод (а может, именно меня, его командира, еще не имеющего боевого опыта?). Из прибывающего пополнения они отбирали кандидатов в разведчики, направляли их ко мне, весьма тактично предоставляя право окончательного решения самому взводному. В общем, моя главная командирская задача состояла в том, чтобы разведвзвод был укомплектован бойцами, способными выполнять любые боевые задачи, вплоть до саперного дела, вождения мотоциклов, автомобилей и даже танков. Естественно, что первыми кандидатами в мой взвод отбирались крепкие здоровьем пехотинцы, а также танкисты, автомобилисты, саперы, связисты и бойцы, имеющие спортивные навыки, а также владеющие немецким языком хотя бы немного лучше, чем я сам, знающий его в пределах школьной программы. Вспоминая изучение этого предмета в школе, я пожалел, что без должного старания относился к «языку фашистов», более широкое его знание теперь пригодилось бы.

Конечно, подходящих бойцов оказывалось немного, но взвод мой, значительно поредевший после тяжелых боев под Жлобином и после освобождения отличившихся в тех боях от пребывания в штрафбате, пополнялся медленно, но подходящим составом. Уже нужно было начинать с ними практические занятия, которые на первых порах заключались в проверке тех умений, что могут понадобиться разведчику.

Некоторых бойцов-переменников, предварительно зачисленных во взвод, если кто-то из них боялся гранаты, оказавшейся в руках, недостаточно метко стрелял, не умел обезвредить противопехотную немецкую мину и т. д., пришлось вернуть, их с удовольствием забирали в другие подразделения. Это было похоже на порядок, памятный еще по 1941 году, когда нашу роту запасного полка 2-й Дальневосточной армии разбирали по полкам дивизии полковника Чанчибадзе. Но только здесь все это делалось уже для реальных боевых действий в соприкосновении с противником. Оставшиеся до получения боевой задачи дни и ночи были заполнены тем, что называлось в армии боевой и политической подготовкой.

И вот это время реальной боевой задачи наступило.

Тогда, в феврале 1944 года, к участию в захвате Рогачевского плацдарма, взятию Рогачева и был привлечен наш батальон. Пополнение батальона, пока мы находились на формировании в Майском и окрестных деревнях, шло довольно интенсивно. Некоторые наши исто-

рики упорно заявляли, что бывших военнопленных и «окруженцев» **всех** якобы «загоняли» уже в советские концлагеря, всех военнопленных объявляли врагами народа в соответствии с приказом Ставки № 270-1941 года, инициатором и автором которого, как многие историки полагают, был не сам Сталин.

В те годы и среди штрафников, особенно бывших политработников старших возрастов, ходили слухи, что истинным автором того приказа был начальник Политуправления Красной Армии Лев Мехлис, с чьим именем связывались необоснованные аресты таких проявивших полководческий талант генералов, как Рокоссовский, Горбатов, и многих других.

Объявление попавших в плен воинов «врагами народа» прямо связывал с именем Мехлиса маршал Г.К. Жуков, который говорил: «Позорность мехлисовской формулы состояла в том недоверии к солдатам и офицерам, которая лежит в ее основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости». (Симонов К.М. «Глазами человека моего поколения». М., 1989.)

О том, что такие утверждения не соответствуют истине, говорит тот факт, что переменный состав нашего штрафбата в период от Курской битвы до конца «Багратиона» пополнялся именно штрафниками из бывших военнопленных, «окруженцев» и оставшихся на оккупированной территории. А «врагов народа», то есть осужденных или арестованных по политическим статьям, в штрафбате за все время войны вообще не было. В который раз утверждаю: их к фронту и близко не подпускали вопреки домыслам Володарского, Михалкова и им подобных.

Примером тому может служить и судьба «политического зэка» Александра Солженицына, бывшего командира артиллерийской батареи звуковой разведки на нашем 1-м Белорусском фронте, а затем 2-м Белорусском в Восточной Пруссии. О его аресте нам рассказывал особист нашего батальона уже незадолго до Победы, в марте 1945 года. Осужденный за антисоветскую пропаганду и попытку создания преступной группы, Солженицын был препровожден именно в тюрьму (где-то под Москвой, а не в ГУЛАГ на Колыме), но никак не в штрафбат.

Какая-то часть офицеров, бежавших из немецкого плена, или вышедших из окружения, или просто долгое время находившихся на оккупированной территории, подвергалась проверке «на благонадежность» в спецлагерях. Сама система этой проверки на благонадежность не могла быть в то время совершенной и не всегда давала окончательный ответ на то, не завербован и не заслан ли противником с определенными целями проверяемый. Не запросит же наш энкаведэшник немецких Мюллера или Кальтенбруннера, имеет ли шпионское задание такой-то бывший пленный.

Бывшие военнопленные офицеры, чье несотрудничество с врагом у проверяющих органов не было доказанным, действительно направлялись в штрафбаты. Правда, как правило, не по приговорам военных трибуналов, а по решениям армейских или фронтовых комиссий, которые руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 1 августа 1941 года, квалифицировавшим **сдачу** в плен как измену Родине. Беда, однако, была в том, что эти комиссии редко различали, кто **сдался в плен**, то есть добровольно перешел на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто попал в плен, будучи раненым, контуженым или по трагическому стечению не зависящих от него обстоятельств.

И если к тем, кто по своей вине попал в плен или окружение, правомерно было применить наказание за их вину перед Родиной, за нарушение присяги, то вторые фактически не имели перед своим народом никакой вины. Узнать, остался ли он верен Присяге, можно только поставив его в условия исключительной опасности на переднем крае, в боевом соприкосновении с противником, в котором и приходилось воевать штрафным подразделениям.

Мне вначале тоже казались несправедливыми факты приравнивания одних к другим. Хотя после долгих размышлений на эту тему, и особенно после того, как мне стали известны случаи вербовки военнопленных, засылки их за линию фронта под видом бежавших из плена со шпионскими заданиями, этот вопрос перестал вызывать недоумения. Тогда «презумпция

невиновности» не могла быть основополагающей. Что было, то было. И в наш батальон в тот период все пополнение из бывших пленных и «окруженцев» было «делегировано» либо из фильтрационных лагерей, либо фронтовыми, а иногда и армейскими специальными комиссиями. Наверное, некогда было этим комиссиям докапываться до истины.

Часто к числу штрафбатов многие причисляют и так называемые штурмовые стрелковые батальоны, хотя это совсем другие воинские формирования. Более чем через год после приказа «Ни шагу назад!» был издан приказ об отдельных штурмовых стрелковых батальонах ОШСБ. Они (не путать со штрафными) создавались по другому, специальному приказу № Орг/2/1348 от 1.08.1943 г. наркома обороны «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов» (см. приложение 5), в котором предписывалось: «В целях предоставления возможности командно-начальствующему составу, находившемуся длительное время на территории, оккупированной противником, и не принимавшему участия в партизанских отрядах, с оружием в руках доказать свою преданность Родине». Обратите внимание, не «искупить кровью свои преступления против Родины», как в приказе о создании штрафбатов, а только «доказать свою преданность Родине».

Эти штурмовые стрелковые подразделения формировались только из командно-начальствующего состава, содержащегося на проверке в специальных фильтрационных лагерях НКВД. Вначале было сформировано 4 таких штурмовых батальона, численность которых по штату № 04/331 устанавливалась в 927 человек каждый. Впоследствии формирование штурмовых батальонов было продолжено. Всего за время войны было создано 29 штурмбатов, через них прошла примерно одна треть офицеров, побывавших на оккупированной территории. Определенная их часть прошла через штрафбаты, а тех, кто на оккупированной территории сотрудничал с оккупантами, постигла, естественно, другая участь.

Эти штурмбаты предназначались для использования на наиболее активных участках фронта. Для сравнения: штрафбаты предписывалось «поставить на более трудные участки фронта». Понятно, что «наиболее активные» – это все-таки не «более трудные». Срок пребывания личного состава в отдельных штурмовых стрелковых батальонах был установлен два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций может быть назначен в полевые войска на соответствующие должности офицерского состава.

В отличие от штрафников «штурмбатовцы» не лишались офицерских званий, а семьям личного состава, назначенного в эти батальоны из спецлагерей НКВД, были предоставлены все права и преимущества, определенные законом для семей начальствующего состава РККА, в том числе денежное довольствие им и их семьям выплачивалось и во время пребывания в этих «штурмбатах» (см. Приложение № 5). Это такие ярые, матерые антисоветчики, как некто Юрий Нестеренко, навоображали на тему Великой Отечественной всякую непотребщину, где все сложившие голову за Родину «...гибли зря, / А вышедшим из окружений / Светил расстрел иль лагеря».

И никакие факты и документы не убеждают антисоветчиков-клеветников, не доказывают им, что всем, кто не запятнал себя сотрудничеством с врагом или услужливостью к оккупантам, была предоставлена возможность с оружием в руках в штрафбатах или штурмбатах доказать верность своему народу.

Срок пребывания в штурмовом батальоне, как известно, составлял два месяца (в штрафбате до трех месяцев), после чего личный состав восстанавливался на соответствующие их офицерскому званию должности в обычные части Красной Армии. На практике это нередко происходило даже раньше. В перечне Генштаба № 33 таких ОШСБ имеется 29, но один из них – 3-й – из-за малочисленности был обращен на укомплектование 4-го ОШСБ.

Сроки их существования от начала формирования до ликвидации были разными, у одних много времени уходило на полное укомплектование, например, 4, 16, 20, 23, 25-й и 27-й батальоны числились по 4–5 месяцев, хотя в боях участвовали многие и менее 2 месяцев. Так, например, 11 из 28 ОШСБ существовали с учетом времени на формирование и боевые действия суммарно от 20 до 45 дней. После окончания срока боевых действий или после ранений бывшие бойцы штрафбата (офицерский переменный состав) назначались на соответствующие должности в обычные войсковые части фронта или направлялись во фронтовые ОПРОСы (отдельные полки резерва офицерского состава). Иногда, как это было с 14-м ОШСБ, который провел успешный бой, где весь личный состав проявил героизм, не отвоевав установленных 2 месяцев, целиком в полном составе передавался в 63-й ОПРОС 3-го Белорусского фронта на укомплектование войск фронта офицерским составом.

Шестой отдельный штрафной стрелковый (не штрафной!) батальон, освобождавший в феврале 1944 года Кривой Рог Днепропетровской области, состоял из офицеров, не лишившихся своих званий и прав, но бывших долгое время на захваченных врагом территориях и не участвовавших в активной борьбе с оккупантами.

Криворожская городская организация ветеранов Великой Отечественной войны 22.06.2011 года открыла на благотворительные средства памятник воинам 6-го отдельного офицерского штрафного стрелкового батальона. На открытии присутствовали пять внуков воинов этого батальона. Памятник в виде постамента из гранита с элементами пятиконечной звезды и трех колонн, на которых три металлических журавля в полете. На постаменте имена 150 погибших воинов батальона и посвящение на украинском:

«Воинам 6-го отдельного штрафного стрелкового батальона, погибшим при освобождении Кривого Рога от фашистских захватчиков в феврале 1944 года, от благодарных криворожцев».

«Они выступили против немецких танков и смогли отбить самое сильное нападение немцев в битве за Кривой Рог, но за это отдали жизнь 150 героев», – говорилось при открытии памятника.

В связи с событиями на Украине, где захватившая власть прозападная бандеровско-фашистская клика законодательно запретила в 2015 году всякую советскую символику и развязала руки вандалам, крушащим любые памятники воинам Великой Отечественной, пока неизвестно, сохранился ли этот памятник, как и другие символы героизма и жертв, принесенных на алтарь Победы.

Надеюсь, после прочтения этого материала рухнут все мифы о миллионах штрафников, многих сотнях штрафбатов, приписываемых к ним штрафбатов, развеются бредни нечестных и просто злостных фальсификаторов нашей военной истории.

Скорее всего эти ускоренные меры по формированию штрафных и штрафных подразделений были продиктованы необходимостью привлечения сотен тысяч воинов, имеющих военную подготовку, но оказавшихся на долгое время вне военных действий. Это делалось на благо срочного и более полного укомплектования штрафбатов и штрафбатов, а что касается не офицеров из этой категории «окруженцев», то соответственно – штрафных рот. Тем более если учесть, что массовое освобождение советских территорий проходило в период перехода наших войск в решительное наступление.

Слишком долгая проверка могла и вообще до конца войны отодвинуть возвращение проверяемых в боевой строй в то время, когда боевые потери войск нужно было восполнять. Я знаю случай, когда офицер (Усманов Ф.Б.) находился долгое время на оккупированной территории, в партизанском движении не участвовал и «проверялся» в фильтр-лагере НКВД целых

7 месяцев. Однако его другая патриотическая деятельность в оккупации была доказана, и он был восстановлен в офицерских правах без пребывания рядовым в штрафбате.

Кстати, направление боевых офицеров в штрафбаты без судопроизводства, по приказам командиров соединений, то есть такое расширение власти командиров крупных воинских формирований можно считать оправданным, но только в отдельных случаях. Это когда для судопроизводства не было времени либо совершенные ими нарушения прямо подпадали под действие некоторых специальных приказов Народного Комиссариата Обороны.

Конечно, процесс судопроизводства требовал больше времени, поэтому некоторые командиры часто прибегали к более оперативному решению виновности или невиновности офицера. Однако знаю по своим наблюдениям, что были случаи принятия таких решений «нетерпеливыми начальниками» без достаточного выяснения обстоятельств, в которых произошло нарушение, или даже простого сведения счетов отдельных начальников с непокорными подчиненными. Может, поэтому почти всегда количество направленных по приказам командиров фактически превышало количество осужденных военными трибуналами.

В феврале 1944 года наш батальон принял столько пополнения, что по численности приближался к составу стрелкового полка. Во взводах было до 40 человек, роты иногда насчитывали до 200 бойцов, а батальон – около 800 «активных штыков», как говаривали тогда, то есть в 3 раза больше обычного пехотного батальона. Были сформированы все предусмотренные по штату роты, в том числе – пулеметная, противотанковых ружей и 82-мм минометов, в которой взводным оказался наш Муся-Миша Гольдштейн. Командиром этой роты был запомнившийся какой-то немногословной общительностью капитан Тавлуй Павел Семенович, немного медлительный, и, казалось, его было трудно вывести из состояния спокойного равновесия.

Несколько слов «по поводу». Павел Тавлуй, водивший в Рогачевский рейд минроту без тяжелых 82-мм минометов как стрелковую, был настолько одержим получением боевого опыта во всех ипостасях, доступных в штрафбате, что попросился у комбата после освобождения Рогачева дать ему, минометчику, покомандовать стрелковой ротой. В этом качестве он хорошо проявил себя и в обороне, и при взятии Бреста. И вот тогда, когда со взятием Бреста мы завершили уже и освобождение от фашистских оккупантов всей Белоруссии, майор Тавлуй вместе с начальником разведки, тогда уже капитаном Тачаевым, был направлен на фронтовые курсы комбатов. Место командира минометной роты занял один из командиров взводов этого подразделения, капитан Пекур Федос Ильич, белорус огромного роста, невозмутимостью характера не очень отличавшийся от своего предшественника.

Забегая вперед, скажу, что Тавлуй, получив после курсов назначение комбатом в обычную часть, в батальон к нам больше не вернулся, а вот Борис Тачаев, наоборот, отказался от такой перспективы и настоял на возвращении в штрафбат, хотя и только на должность командира пулеметной роты.

Но это был «экскурс в будущее». А тогда, к середине февраля 1944 года, наш начальник разведки Борис Тачаев получил звание капитана, и однажды вечером небольшая группа офицеров отметила это дружеским коллективным ужином, не без спиртного, но в очень скромном количестве, не более привычной «наркомовской сотки».

Буквально через день-два нам показалось, что по какой-то неофициальной команде стали сокращать, казалось, безразмерные по времени и физической нагрузке часы боевой подготовки, стали больше времени отводить на отдых. Появились даже часы личного времени, в которые рекомендовали и письма родным написать, и обмундирование и обувь подремонтировать, для чего были организованы мастерские из умельцев-штрафников. Бывалые штатные офицеры и бойцы стали поговаривать о том, что через день-два получим боевую задачу, о которой – в следующей главе.

Глава 5

Рождение 8-го офицерского штрафбата

*Сталинградская битва, враг рвется за Волгу,
Захватил Дон, Кубань, занимает Кавказ,
Только русские верят: «Теперь уж недолго,
Как начнем наступать – жди, Германия, нас!»*

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

*Артобстрел, минометы, винтовка и штык,
Зубами к победе сквозь этот ад,
Перед глазами победа – один только миг:
Только вперед – и ни шагу назад!*

Рамиль Биктимиров

Когда меня из резерва офицерского состава Белорусского фронта назначили в командный состав 8-го офицерского штрафного батальона, у меня какое-то представление о штрафбатах уже имелось, но как далеко оно оказалось от реального! Это был тот самый штрафбат, который формировался одним из самых первых, еще на Сталинградском фронте в 1942 году, всего только через полмесяца после объявления исторического документа, Приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название Приказ Сталина «Ни шагу назад!».

Многие из читателей, наверное, помнят, что мы, штрафбатовцы, «для внутреннего пользования» нарекли эту дату, 28 июля, как «День штрафника» в честь того самого знаменитого сталинского приказа, не только учредившего штрафбаты. Это дата издания эпохального приказа в самые критические для Родины дни, который наметил и обеспечил коренной перелом в тяжелой, с долгими отступлениями войне.

Наверное, не случайно эта дата удивительным образом очень точно совпала с Днем крещения Руси, важнейшим историческим событием, о котором не мог не помнить автор приказа Сталин, учившийся в свое время в духовной семинарии. Безусловно, день 28 июля 1942 года тоже можно считать днем своеобразного «Огненного крещения» нашей страны. Вместе с праздником Крещения нашей России нам есть что отметить, есть что вспомнить и есть КОГО вспомнить в этот столь значимый ДЕНЬ РОССИИ. Может, придет еще время, когда в нашей стране этот день, 28 июля, будет если и не праздничным, то важной датой исторического календаря Великой Отечественной войны.

Наш штрафбат первым был создан на Сталинградском фронте в соответствии с приказом по фронту № 073 от 13.08.1942 года и имел тогда № 1. Ему предстоял особо долгий боевой путь от Сталинграда до Берлина. На этом фронте началось формирование штрафбатов потому, что именно там, на Волге, решалась тогда судьба Советского Союза.

Первым командиром этого батальона был гвардии майор Григорьев Яков Федорович. Почти одновременно с ним формировался штрафбат Воронежского фронта и еще некоторые другие. На любом фронте, где потом появлялись штрафбаты, их нумерация начиналась с № 1.

Первым комиссаром нашего штрафбата был Ларенок Павел Прохорович – батальонный комиссар по воинскому званию.

Я постоянно ищу документальные материалы о 8-м ОШБ. К сожалению, мне пока не удалось «добыть» более подробных сведений о первом комбате Григорьеве, но мои поиски иногда

приводят к очень важным подробностям. В архивах газеты «Советская Россия» за 11.11.2007 года нашел статью о том самом батальонном комиссаре, Павле Прохоровиче Ларенке, присланную в газету его сыном Анатолием, к сожалению, уже покинувшим наш мир. Полагаю, он не был бы на меня в обиде, если часть его статьи я включу в эту главу, тем более что свидетельства первого комиссара только усилят документальность моей книги. Вот некоторые фрагменты из воспоминаний комиссара Ларенки.

Фрагмент первый о том, как подбирались командиры и политработники в командный состав штрафбата. Я привожу его с некоторыми сокращениями:

«В первых числах августа 1942 года меня вызвали к начальнику политуправления фронта тов. Галаджеву. После непродолжительной беседы он предложил мне должность... комиссара штрафного батальона. Я согласился и через два часа был представлен Командующему фронтом Рокоссовскому. Был час ночи, когда я впервые в жизни увидел прославленного генерала. – Не струсите? – спросил Рокоссовский. – Это более опасная служба, чем в обычных частях. В бой поведете командиров. И сами пойдете рядом. – Не струшу, – ответил я. Дальше разговор велся в непринужденной форме. Рокоссовский расспросил меня о родителях, о семье, которая оказалась на оккупированной территории, о службе в армии. Потом Рокоссовский вызвал адъютанта и распорядился подготовить два приказа: один – о присвоении мне звания батальонного комиссара (я был старшим политруком), другой – о назначении меня комиссаром штрафного батальона. Рокоссовский встал из-за стола, крепко сжал мою руку и поздравил с присвоением очередного звания и назначением на новую должность».

Фрагмент второй – о дисциплине, вооружении и снабжении штрафников, искуплении ими вины:

«Дисциплина у нас была железная. Не помню ни одного случая неповиновения. Мы были хорошо вооружены, отлично обмундированы, ежедневно получали традиционные сто граммов. Ни в чем не было недостатка. Получивших ранение, даже незначительное, или совершивших героический поступок без промедления отправляли в тыл, он восстанавливался в прежнем звании. Если отличился в бою, награждался и по выздоровлении направлялся на фронт в обычную часть».

Далее Анатолий Ларенок рассказывает, что его отец в августе 1943 года был тяжело ранен. С поля боя его вытащил штрафник по фамилии Попельш, который сам получил ранение в ногу. Их вместе доставили в госпиталь. Войну закончил в Берлине, там он встретился с... майором Александром Попельшем, который участвовал в штурме Рейхстага. Так обычно складывались взаимоотношения офицеров-штрафников с офицерами постоянного состава. Примеров этому в моей книге читатель встретит немало.

Сын моего фронтового товарища, политработника майора Пиуна прислал мне воспоминания отца, в которых рассказывается, как был назначен в сентябре 1942 года в постоянный состав штрафбата тогда еще политрук Пиун Павел Ильич. Он воевал в 8-м ОШБ вначале политруком минометного взвода (по штату штрафбата политработники были предусмотрены и во взводах, чего не было в обычных подразделениях), а после упразднения политруков – агитатором батальона:

«Офицерский состав 27-го ОПРОСа Сталинградского фронта построили для получения назначений в боевые подразделения. Представитель кадрового аппарата фронта был, видимо, человеком, любившим пошутить. Объявив,

что требуется командный состав в штрафной офицерский батальон, он спросил, есть ли добровольцы. Вперед никто не шагнул. „Тогда, – продолжил кадровик, – добровольцы такие-то, выйти из строя“. И назвал несколько фамилий, в том числе фамилию Пиун».

Возвращаясь к первым дням формирования нашего штрафбата, можно утверждать, что днем рождения штрафного батальона, одного из первых в истории Великой Отечественной войны на Сталинградском фронте, надо считать не 15 августа, когда майор Григорьев, назначенный приказом по фронту, прибыл в батальон и издал приказ № 1 о вступлении в должность комбата, а 2 августа, буквально на 5-й день после издания Приказа № 227. Хотя в перечне Генштаба ОШБ № 1 Сталинградского фронта его существование обозначено 1.08.1942 года, но именно 2 августа прибыла первая группа офицеров командного состава и стало поступать пополнение батальона в село Самофаловка Сталинградской области. Кто не помнит известной фразы Яшки-артиллериста из фильма «Свадьба в Малиновке»: «Был бы начальник, а гарнизон приложится». Здесь же вначале был «гарнизон», а его командир «приложился» только на 13-й день. Вот он и продолжил формировать свой «гарнизон» и делал с ним первые шаги непростого боевого пути.

Пользуясь тем, что мы располагаем сегодня ксерокопией приказа № 2, считаю целесообразным в основном привести его содержание, как документа по формированию первого в истории Красной Армии штрафного офицерского батальона, созданного по приказу «Ни шагу назад!».

Приказ

По 1-му Штрафному батальону Сталинградского фронта
15 августа 1942 г. № 2 с. Самофаловка
По части строевой

§ 1

Прибывший 2.08.42 г. старший и средний начальствующий состав назначаю на следующие должности:

Капитан Чернявский Григорий Петрович – зам. командира батальона.

Капитан Лобань Григорий Иванович – адъютант старший.

Старший лейтенант Заборовский Николай Петрович – адъютант.

Капитан Черный Спиридон Григорьевич – командир 1 стр. роты.

Капитан Юхта Иван Лукич – командир 2 стр. роты.

Капитан Блинов Григорий Иванович – командир 3 стр. роты.

Лейтенант Носач Василий Антонович – заместитель командира 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Новиков Александр Яковлевич – заместитель командира 2 стр. роты.

Ст. лейтенант Колитвинцев Михаил Андреевич – зам. командира 3 стр. роты.

Ст. лейтенант Лебедев Алексей Степанович – командир 1 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Титенко Иван Алексеевич – командир 2 стр. взвода 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Пономарев Тихон Тимофеевич – командир 3 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Иванов Федор Андреевич – командир 1 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Майский Владимир Васильевич – командир 2 стр. взвода 2 стр. роты,

Лейтенант Пичугин Василий Григорьевич – командир 1 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Соколов Евгений Леонидович – командир 2 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Филиппов Василий Иванович – командир взвода снабжения.

Капитан Кучеренко Михаил Петрович – командир роты ПТР.

Ст. лейтенант Чесноков Степан Матвеевич – командир 1 взвода роты ПТР.

Лейтенант Терещенко Михаил Григорьевич – командир 2 взвода роты ПТР.

Военфельдшер Винник Даниил Акимович – командир санитарного взвода.

Интендант 3 ранга Перельман Яков Моисеевич – помощник командира по снабжению.

Техник-интендант 2 ранга Измайлов Иван Петрович – начальник ПФС.

Техник-интендант 2 ранга Кукоякин Стенарий Иванович – начальник ОВС.

Военврач 3 ранга Синонов Виктор Яковлевич – начальник санслужбы

Начальникам ПФС и ОВС зачислить прибывший начальствующий состав на все виды довольствия согласно имеющихся аттестатов.

§ 2

Лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич приступил к исполнению служебных обязанностей Оперуполномоченного Особого Отдела НКВД Сталинградского фронта по обслуживанию 1-го Штрафного батальона.

*Командир 1-го ОШБ Сталинградского фронта Гвардии майор Григорьев
Военком батальона батальонный комиссар Ларенок,
Начальник штаба капитан Лобань.*

Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе 3 стрелковых роты по 3 взвода, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий батальона в нем были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. Несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов (в том числе личных дел на каждого офицера-штрафника), было предусмотрено иметь и комендантский взвод. При этом все эти отдельные взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротах штрафников были не только старшина роты и писарь-каптенармус из постоянного сержантского состава, но по самому первому штатному расписанию полагалось еще и отделение (5–6 человек) санитаров-рядовых, не штрафников, во главе с санинструктором-сержантом.

Когда командовал ротой уже я, в роте кроме офицеров были из постоянного состава только старшина да писарь-каптенармус. Был период, когда в ротах штатные санитарные отделения комплектовали уже не санитарями-рядовыми, а **штрафницами** из числа женщин. Так как направление в штрафбаты женщин со временем было прекращено, в дальнейшем и это положение претерпело изменения. Оказание помощи раненым стало возлагаться на самих бойцов-переменников при равномерном распределении по подразделениям медицинских специалистов-штрафников, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов).

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят и следующие документы:

«Приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.

...Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1-го Штрафного батальона. Лейтенантов Манского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.

*Командир 1-го ШБ Гв. майор БУРКОВ,
Батальонный Комиссар ЛАРЕНОК,
Начиштаба капитан ЛОБАНЬ».*

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

«За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Лукича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта».

Первый бой батальона, вернее, только роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9-10 октября 1942 года. На этот бой командир батальона получил боевое распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г. и в тот же день издал приказ № 47:

«1. Сформировать маршевую роту численностью 116 человек <...> с вооружением: станковых пулеметов – 2, ручных пулеметов – 12, ППШ – 36, винтовок – 60. В 16.00 отправить по маршруту <...> и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.

2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение Командующего 24-й Армией выделяю своего заместителя – капитана Чернявского».

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы дезавуировать вымыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание: на 116 человек – 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагававшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия – 50%! Да, к слову, и никаких заградотрядов: сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата. Первые боевые потери: погибли три штатных офицера (командир роты капитан Блинов Григорий Иванович, командиры взводов лейтенанты Герасимов Александр Прокопьевич, Иванов Федор Андреевич) и 21 офицер-штрафник.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

Приказ по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года

«Полагать убывшими в действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:

Комсостава – 14 чел; младшего начсостава и рядовых – 3 чел., переменного состава – 37 чел.; итого – 54 чел.»

Слова «в действующую армию» подчеркивают, что все остальные, числящиеся в штрафбате, к боевым действиям не были причастны. Да и рота в 37 бойцов – это фактически только полный взвод. Наверное, некогда было ждать достаточного пополнения, хотя со времени отправки роты в составе 116 бойцов прошло три недели.

Вероятнее всего, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело». Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров, хотя время под Сталинградом было напряженное. Зато на 37 бойцов – 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери наш штрафбат (вернее, его одна рота) понес на высоте 108,4 в районе села Котлубань в полосе действий 24-й армии генерала Галанина Ивана Васильевича.

Уже значительно позднее, изучая труды военачальников, я обнаружил в книге генерала Горбатова «Годы и войны» данные о том, что, получив тогда назначение заместителем командарма-24 генерала Галанина, он постоянно держал под контролем наиболее ответственные участки армии. Конечно, в этой книге из тогдашних строгих цензурных ограничений не могло быть упоминаний о штрафбатах. Но мне кажется вполне естественным, чтобы А.В. Горбатов, с его неугомонным характером, да еще имевший за плечами годы лишения свободы, поинтересовался и участком, на котором впервые действовала только что сформированная рота офицерского штрафного батальона.

Это допущение я делаю на основе того внимания к штрафбату, которое проявил Александр Васильевич при действиях нашего штрафного батальона в составе его 3-й армии при освобождении белорусского города Рогачева в феврале 1944 года. Там командарм Горбатов проявил истинную заботу о сохранении и досрочном освобождении штрафников за боевые заслуги «без пролития крови». Но об этом подробнее в свое время.

Из донесений 8-го ОШБ (фонды ЦАМО РФ) можно представить тогдашний штрафной контингент. Например, за период со 2.10.1942 г. по 1.01.1943 года в батальон поступило всего 331 человек: 154 осужденных Военными трибуналами и 177 – по приказам комдивов и выше – за трусость, неустойчивость и другие преступления на поле боя. За это же время было 71 убитый и 138 раненых (209 человек, или более 60%!). Они, как говорят, искупили свою вину кто кровью, а кто и жизнью. А вот еще один документ из Архива Минобороны:

Донесение Начштаба 8-го ОШБ

начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

«Доношу, что рота, сформированная в количестве: старший и средний начсостав – 16, младший начсостав – 2, рядовых – 1, переменников – 111.

12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.

НШ 8-го ОШБ майор Лобань».

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. Кстати сказать, 8-й штрафбат за свою боевую историю по крайней мере трижды передавался в 65-ю армию для выполнения боевых задач. Отмечу, однако, что штрафники, да и мы, их командиры, каждый раз чувствовали неприязненное отношение командарма Батова.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года:

Начальников штабов дивизий, бригад и им равных – 6;
Командиров полков, батальонов, дивизионов – 274;
Командиров рот, батарей взводов, зам. ком. роты – 152;
Штабных офицеров полка, батальона – 12;
Политработников – 37;
Офицеров военно-воздушных сил – 24;
Начальников служб, складов, арт. и автотехников – 17;
Работников райвоенкоматов, военторга – 2;
Секретарь Военного трибунала – 1;
Оперуполномоченный Особого Отдела НКВД – 1.

По воинским званиям:

Полковник и равные ему – 1;
Подполковник и равные – 4;
Майор и равные – 5;
Капитан и равные – 26;
Старший лейтенант и равные – 44;
Лейтенант, младший лейтенант и равные – 199;
Лейтенант госбезопасности – 1.

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники военных трибуналов, ни даже уполномоченные Особых отделов. А вот бывших военнопленных или вышедших из окружения тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные территории.

Во исполнение приказа № 09/125 от 30.09.1942 года командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского 1-й ОШБ переведен с временного на постоянный штат № 04/393. Этим же приказом личный состав расформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался в состав 1-го ОШБ.

Значит, вначале было сформировано в составе Донского фронта два штрафных батальона в пределах норм, установленных Приказом № 227, но, видимо, сам приказ уже сработал на укрепление дисциплины, и подходящего числа трусов и паникеров не доставало, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов до 800 человек! И свели эти два штрафбата в единый. При этом переведенных из второго оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

Менее чем через 3 месяца, 3 ноября 1942 года, произошла смена комбатов. В должность командира 1-го штрафбата на основании приказа войскам Донского фронта № ОКФ/3010 вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович. Но Бурков, в свою очередь, был заменен уже более чем через 7 месяцев. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали свою вину перед Родиной. Ходили слухи, а многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать всякого рода «факты» о штрафниках как о «париях войны», то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в толковом словаре русского языка Д.И. Ушакова.

Но вот пока один из многих документов, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными солдатами».

Из донесения командира 1-го ОШБ за ноябрь 1942 года.

21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода¹ и 5 переменников, ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников. 22 ноября погибло 3, ранено 10 переменников, 27 ноября ранено 17 переменников.

29 ноября из батальона по результатам предыдущих боев отчислено: по ранениям – 18 чел.; досрочно как проявивших себя в боях – 5 чел; отбывших срок – 9 чел.

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы – проявить себя (**как надо!**) в бою и, наконец, по истечении «отмеренного» срока.

О звании штрафников. Я много раз слышал, будто в других штрафбатах просто к бывшему воинскому званию штрафника добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор») или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Скорее всего то были либо «местные» решения – в каждом батальоне свое, либо выдумки несведущих, такие же, как сдирание с пилоток и шапок армейских звездочек или «безоружные штрафники». Но у нас в батальоне, и как мне удалось установить, в других штрафбатах, например в 9, 10, 13, 14 и 16-м ОШБ, был такой же порядок: официально было принято название всех штрафников одинаково: «боец-переменник». Как говорили ветераны, чтобы лишний раз не травмировать психику «временных солдат», не подчеркивать их «штрафное» положение, едва ли способствующее их «перевоспитанию», было принято всех относящихся к переменному составу батальона называть именно «бойцами-переменниками», в действительности просто «бойцами», а не «штрафниками». К своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник», как это демонстрировали киношники в телесериале «Штрафбат» Володарского-Досталя, или «гражданин капитан», как утверждают многие писатели, не знающие истинной правды о штрафбатах. Видимо, они полагают, что штрафные формирования – это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными манерами. Бедная же у них фантазия!

Что касается нумерации штрафбатов, то со временем и это было приведено к единым правилам в масштабе всей Красной Армии. Штрафбат Донского фронта № 1, как таковые и на

¹ Замкомвзводами тогда еще назначались офицеры постоянного состава.

других фронтах, получили единую нумерацию. Приказом по батальону № 120 от 14.12.1942 года было объявлено, что «на основании Распоряжения Начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года Отдельному Штрафному батальону Донского фронта присвоен № 8».

Присваивали им номера, начиная с правого, северного, фланга. На Ленинградском фронте ОШБ получил номер 1-й, на Волховском – № 2, 3-й номер достался Северо-Западному фронту, 4-й – Карельскому, 5-й номер получил батальон Калининского фронта, и так далее. Нашему батальону присвоили № 8, а батальону Воронежского фронта – № 9. Так сложилась военная судьба этих двух последних штрафбатов, что они оказались в числе первых из созданных по приказу № 227, и последних, дошедших до конца войны, до Берлина, до Победы. И прекратили они свое существование после сдачи всех документов в архив в августе 1945 года, 8-й под Берлином, 9-й – под Прагой.

Ко времени Курской битвы батальон уже состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи. Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И конечно же, представитель «Особого отдела СМЕРШ».

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава были установлены штатным расписанием и составляли

Командир батальона и его заместитель по политчасти – 900 рублей²
Заместители командира батальона по строевой части – 1300 рублей
Начальник штаба батальона – 1200 рублей
Помощники начальника штаба (ПНШ) – 1000 рублей
Командиры рот, их заместители по политчасти – 1000 рублей
Заместители командиров рот – 900 рублей
Командиры взводов в ротах, ком. санвзвода (врач) – 800 рублей
Фельдшер медпункта батальона – 750 рублей

Оклады ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть такие же, как в гвардейских частях. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон – «почти гвардейский!». О штатной структуре батальона того времени написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, включенный в состав батальона перед Курской битвой. Тогда еще в каждой роте и каждом взводе, кроме их командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой части и комиссаров рот, политруков взводов. Вскоре офицерские должности комиссаров рот, заместителей командиров взводов и политруков этих подразделений упразднили.

Я никогда не имел личного представления об армейской штрафной роте, поэтому тут приведу часть публикации полковника юстиции Андрея Мороза в «Красной звезде» 11 апр. 2007 года.

«Штатом роты кроме командира и его заместителя предусматривались должности трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством – казначея и фельдшера в офицерском звании. Предусматривался и внушительный состав политработников: военный комиссар, агитатор роты и три взводных политрука. В октябре, после восстановления в Красной Армии единоначалия, политработники начали

² Повышенное денежное содержание замполитов в отличие от просто заместителей обусловлено, по-видимому, тем, что оно было установлено, когда эта категория политработников состояла еще в ранге комиссаров.

поступать уже не военными комиссарами и политруками, а заместителями командиров по политчасти».

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами в штрафных подразделениях предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками, а в штрафбате особенно, где все они в бывших офицерских званиях до полковника, будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была перестраховочной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, и то не всегда, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников.

Правда, подобное сокращение количества намечавшихся ранее политработников в батальоне позволяло, оказывается, содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти.

Вот в таком уже «причесанном» по опыту боев штрафном **офицерском** батальоне я и оказался в декабре 1943 года. Еще раз утверждаю, что неофицерских штрафбатов в те годы на фронте просто не могло быть, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент! И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется, еще в 90-х годах.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевых действий батальона до этого времени буду касаться лишь по документам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО РФ) и воспоминаниям моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, полковника в отставке Семена Басова. Он угодил в «переменники» нашего штрафбата под Курском, как и многие другие бежавшие из немецкого плена, вышедшие из окружения не в составе подразделений. Сюда же направлялись те, кто долго был на оккупированной территории и не участвовал в партизанском движении, хотя основная часть из них направлялась в Отдельные штурмовые (не штрафные) стрелковые батальоны, о них пойдет речь особо.

Восьмой Отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже говорил, начал свою «биографию», как 1-й ОШБ Сталинградского, а затем Донского и Центрального фронтов. На Центральном фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже не поротно, как прежде, а в составе батальона по полному штату, до 800 человек, как это было определено Приказом № 227. Стал он таким в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орел. Постоянный состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве. А пополнение переменным составом шло обычным, «явочным» порядком, когда штрафники самостоятельно прибывали в батальон, и даже целыми подразделениями, сформированными при запасных полках. Так 26 апреля 1943 года комбат, тогда еще майор Бурков в приказе по батальону № 115 записал: «сформированную новую роту штрафников при фронтовом запасном полку подчинить мне».

Вот когда батальон был пополнен по полному штату до 800 человек и в нем было уже 7 полнокровных рот, у комбата (штатная категория «полковник») стало два общих заместителя, начальник штаба и замполит (по штатному расписанию «подполковники»), а также помощник по снабжению. У начальника штаба – уже четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) – майоры. Можно только представить, сколько штабной, канцелярской работы по учету офицерских документов, личных дел, всякого рода аттестатов, приговоров, постановлений, справок, выписок из приказов и т. п. на почти тысячу офицеров с учетом текучести переменного состава... Поэтому и штат штаба такой, да еще много делопроизводителей, писарей.

В каждой роте могло быть до 200 бойцов, они по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону, а штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку первого эшелона, которые почти никогда не бывали укомплектованными полностью. Штатная должность командира роты – «майор», его заместителей и командиров взводов – «капитан», что на одну ступень выше, чем в обычных частях. И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, что на время пребывания в штрафбате становились рядовыми, была также соответственно выше на ступень. Командир батальона имел права командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные «штрафные» сроки, предавать суду военного трибунала и т. д.

Батальон начал формировать по полному штату под Курском еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование фронтом решило передать его в руки более опытного командира.

Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11.05.1943 года, подписанного его Командующим генералом Рокоссовским, назначен командиром 8-го Отдельного штрафного батальона подполковник Осипов Аркадий Александрович.

К концу мая батальон был в основном сформирован и занял оборону на участке Малоархангельское (Орловской области) – Поныри (Курской области). Здесь, на Курской дуге, впервые штрафной батальон был введен в бой по штату № 04/393, где и принял боевое крещение уже в полном составе как полнокровная, самостоятельная боевая единица. Под командованием подполковника А.А. Осипова 8-й ОШБ в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону и отстоял позиции, отведенные ему.

Здесь приведу один приказ по батальону, которым буквально за 3 дня до перехода в наступление комбат Осипов поднял дух личного состава.

Приказ по 8-му Отдельному штрафному батальону Центр. фронта

12 июля 1943 г. № 160 Д. Армия

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне гор. Сталинграда награждены медалью «За оборону Сталинграда» бойцы, командиры и политработники 8-го Отдельного штрафного батальона ЦФ.

Вручая высокую награду от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, выражаю полную уверенность, что личный состав батальона в борьбе с коварным врагом всего человечества – немецким фашизмом – покажет образцы мужества и отваги. (Медали «За оборону Сталинграда» вручаю согласно прилагаемого акта на выдачу таковых.)

Командир 8-го ОШБ ЦФ подполковник Осипов. Начальник штаба капитан Рубилов.

15 июля, прорвав вражескую оборону, батальон перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления штрафбат понес существенные потери: погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159.

Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале ноября 1942 года, но и малокомплектные роты численностью едва более 50 человек.

К началу Курской битвы в числе «переменников» находились только 39 человек по приказам командиров, зато 207 по приговорам Военных трибуналов и 452 бывших в плену, окружении и на оккупированной территории (почти 65%!), или как мы их всех потом привыкли называть, «окруженцы», избегая термина «пленные» и т. п. Вот они и были тогда основной составляющей штрафбата! Среди бойцов-переменников находилось и 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин, которое впоследствии узаконено специальной Директивой Генштаба № 1484/2/орг 19.09.1943 г.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров – 270
 Артиллеристов и минометчиков – 131
 Офицеров бронетанковых войск – 22
 Офицеров инженерных подразделений – 17
 Офицеров военно-воздушных войск – 8
 Офицеров остальных родов войск и служб – 126
 Офицеров политсостава, юристов – 59
 Административной и интендантской служб – 65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18–21 лет – 65
 22–26 лет – 188
 27–31 лет – 234
 32–36 лет – 117
 37–46 лет – 86
 47 лет и старше – 8

Таким образом, в то время самый «популярный» возраст штрафников – от 22 до 36 лет, что составляло 77% от всего переменного состава. Наверное, тогда эта цифра соответствовала и возрастному составу офицерского корпуса Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8-го Отдельного штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Если по штату батальону полагалось 435 винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов в 3 ротах. Противотанковых ружей – 16, ротных 50-мм минометов – по одному на каждый взвод и т. д. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными.

Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект. Вместо 49 предусмотренных по штату имелось только 29. Зато было 2 грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий, парк автомобилей неуклонно прирастал. Между прочим, в батальоне даже был один легкий танк! Но скорее он не был боевой единицей, а представлял собой «гордость» батальона. Экипаж этого советского танка, подбитого немцами, погиб, а штрафники-танкисты сами восстановили его, вот так он и «вошел в штат» батальона.

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен в голову. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода, вскоре погибший в тех же боях (фамилия его накрепко у Басова забылась). По возвращении в батальон после госпиталя Басов был ознакомлен с приказом командующего

Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина, и ему вручили выписку из этого приказа. Вот она:

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА

25 августа 1943 г. № 0601 Действующая Армия

В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Оборона СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8-го Отдельного Штрафного батальона Центрального фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:

3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного строительного батальона Киевского укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения... 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.

Командующий войсками Центрального фронта Генерал армии РОКОССОВСКИЙ

Член Военного Совета фронта Генерал-майор ТЕЛЕГИН

Верно: Зав. Делопроизводством 8 ОШБ ЦФ. лейтенант а/с Хмелев И.Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении фронта, Басов С.Е. был восстановлен уже в новом звании – инженер-капитан.

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, способность вести решительное наступление и, несмотря на потери, упорно пробиваться вперед. В Курской битве батальон потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника, а за неделю боевых действий в списке погибших оказалось еще 53 и пропавших без вести – 23 переменника.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись раздельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Вот, например, пункт 2-й из приказа по батальону № 167 от 2.08.43 г., изданного сразу же по горячим следам боев на Курской дуге и подписанного комбатом, подполковником Осиповым:

«На основании приказов Военного Совета Центрального фронта отчислить из батальона переменный состав:

- получивших ранения в бою – 159 человек;
 - досрочно отчисляемые, как особо отличившиеся в боях – 68 человек;
 - погибшие в боях – 88 человек.
- Согласно пофамильного списка».

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года о потерях противника в его полосе: «убито обер-офицеров – 12, унтер-офицеров – 41, солдат – 450. Взято в плен – 1 солдат».

Как видите, штрафники, как правило, в плен немцев не брали, а уничтожали их.

Нужно сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало (с учетом их желания и согласия) на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

В том же приказе по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года в параграфе 4 записано:

Восстановленных во всех правах офицерского состава допустить к исполнению обязанностей:

- командира взвода младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича, лейтенантов Соклакова Алексея Иосифовича, Краснова Александра Васильевича;
- фельдшера батальона – военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.

Боевой путь 8-го ОШБ от Сталинградского фронта проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы – по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, Бурынь, и далее по Сумской и Черниговской областям до Днепра, получая пополнение в ходе боев. И только в районе Чернигова впервые после боев на Курской дуге батальон был выведен на отдых и доформирование в село Добрянка. Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного боевого применения. Так Приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из 3-х стрелковых взводов, взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты составляла 306 штрафников и 11 офицеров. Это же почти обычный стрелковый батальон! Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) – только ОДНА пехотная кухня. Естественно, она не могла обеспечить горячей пищей роту такой численности, и понятно, что эта усиленная рота вставала на кухонное и прочее довольствие в части 24-го корпуса, а собственную походную кухню комбат Осипов выделял «на всякий случай». И это была важная деталь характера комбата, проявлявшего заботу о подчиненных в любой обстановке.

Получив в Добрянке непродолжительный отдых, пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм реки Днепр для расширения и углубления плацдарма.

Отсюда начинаются боевые действия 8-го офицерского штрафного батальона по освобождению Белоруссии от фашистской оккупации. Как отмечалось в военно-исторической литературе об этом периоде боевых действий, бойцы дрались отчаянно. Понимая, что для многих из них эти бои станут последними, они шли вперед, выполняя приказ. Несмотря на сравнительно большие потери, батальон в составе войск 65-й армии успешно справился с новой задачей. В результате этих боев 17 октября 1943 года был освобожден город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю. В эти дни Центральный фронт был переименован в Белорусский, а батальон перешел вначале в состав 53-й армии генерала Колпакчи В.Я., а впоследствии – **в состав 48-й армии генерала П.Л. Романенко.**

С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения гомельской группировки немцев. Однако в Гомель наш штрафбат с боями не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. По цензурным

законам того времени нельзя было штрафбату участвовать в освобождении такого крупного областного центра Белоруссии! Да как показали события, и в другие, менее крупные города батальону входить как освободителю тоже было непозволительно, не объявлять же потом в приказе Верховного о штрафбате...

По воспоминаниям Петра Загуменникова, после освобождения Гомеля батальон маршем прошел через этот город, вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав окружать и отрезать штрафбат. Пробившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот уже оборонявшийся штрафбат, с группой офицеров из резерва фронта прибыл и я в середине последней декады декабря 1943 года. Оказавшись на передней линии фронта, на самой что ни на есть передовой, при освоении всего, что было в новинку, мне не приходило осознание того, что через несколько дней наступит новый, 1944 год.

Это потом, 60 лет спустя, в книге *«Памяць»*, подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашел подтверждение факт, что там, под Жлобином, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, командиром которого был туда назначен заместитель командира нашего штрафбата майор Мурза И.М.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского приведу здесь статью Б.К. Андрушкевича из Книги Памяти Жлобинского района об этом 33-м штрафбате. Вот что было в этой статье:

«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на Жлобинщине.

33-й ОШБ скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20–25 км восточнее Жлобина с задачей оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжелыми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда, противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после залпа „катюш“ батальон пошел в атаку, пустив в ход „карманную артиллерию“. Первая рота В.И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, штурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малые Козловичи, где батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, воспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности. 33-й ОШБ обеспечил успех 348-й стрелковой дивизии.

Б.К. Андрушкевич».

Когда наш Белорусский фронт был разделен на Первый и Второй Белорусские, мы предположили, что этот штрафбат передан в состав 2-го Белорусского, а наш 8-й остался у генерала Рокоссовского. Однако по имеющимся у меня теперь архивным документам о 33-м ОШБ известно:

Первое: 8 декабря 1943 года распоряжением Штаба фронта на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель полковника Осипова, комбата нашего 8-го ОШБ, майор Мурза Илья Митрофанович, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка. Вместе с ним убыл в 33-й ОШБ командир 1-й роты капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, ставший там начальником штаба, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей. После событий, изложенных Андрушкевичем, майор Мурза 16 января 1944 года передал батальон подполковнику Кашенко, которому досталась честь вскоре расформировать этот героический батальон, а сам убыл на курсы командиров полков.

Здесь я поделюсь неожиданной для меня новостью об Илье Митрофановиче. Совсем недавно мне удалось установить, что, став после штрафбата командиром стрелкового полка, подполковник Мурза И.М. за успешное форсирование в апреле 1945 года Западного рукава реки Одер (West-Oder) получил звание Героя Советского Союза.

Второе: В наш батальон 2 марта 1944 года была переведена из 33-го штрафбата часть офицеров постоянного состава, среди которых были лейтенанты Усманов, Булгаков и Сисенков, а также большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания. Усманов Фуад Бакирович (просил называть его по-русски Федей), Булгаков Дмитрий Иванович стали командирами взводов в 1-й роте у капитана Матвиенко Ивана Владимировича, Сергей Сисенков принял пулеметный взвод в роте у майора Анатолия Бабича. Из группы штрафников, прибывших из 33-го ОШБ, в моем взводе стал одним из моих заместителей бывший старший лейтенант Петров С.И., старше меня по возрасту на 9 лет и имеющий большой боевой опыт.

Эти сведения о 33-м ОШБ я привел лишь как дополнение к рассказу о том, как формировались штрафные батальоны. А обо всем, что происходило при мне в 8-м Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

Глава 6

Беспримерный штрафрейд во вражеский тыл

*Мне ночью настороженной и грозной
Идти с разведкой к вражескому краю.
Мне сумерки принадлежат и звезды,
А вот рассвет увижусь ли, не знаю.*

*Но ты найди своим далеким взглядом
Моих друзей из лыжного отряда,
Что на снегу лежат со смертью рядом,
Щекой прижавшись к ложе автомата.*

Мирза Геловани. Погиб на фронте в 1944 г.

Как предвидели, так и случилось. Вскоре комбат объявил срок готовности к выступлению, как оказалось потом, для участия в освобождении его родного города Рогачева. Как мы считали тогда и как кажется нам теперь, наш 8-й Отдельный штрафной офицерский батальон сыграл довольно важную роль в освобождении районного центра г. Рогачева Гомельской области Белоруссии. Дело в том, что неоднократные попытки наших войск в начале 1944 года перейти в наступление в этом районе, преодолеть сильно укрепленные рубежи противника на реках Днепр и Дзержина, ликвидировать Рогачевский плацдарм немцев на Днепре успеха не имели. А через Белоруссию пролегал путь в Польшу, Восточную Пруссию и Прибалтику, и плацдарм этот, как оказалось потом, был важным для начала одной из крупнейших операции Великой Отечественной «Багратион», которую успешно осуществили 4 фронта, главным из которых был наш, 1-й Белорусский.

В ночь на 19 февраля батальон в срочном порядке, оставив все свои тыловые подразделения и соответствующую охрану в селе Майское, совершил ускоренный пеший марш со строжайшими мерами маскировки. Прошли за довольно долгую февральскую ночь километров 25–30, минуя хорошие дороги, а порой и напрямик, через заснеженные участки леса, чтобы не дать противнику, ведущему постоянное авианаблюдение, разгадать наши приготовления.

Сосредоточились уже утром ближе к линии фронта, в лесу западнее села Гадзиловичи. Там нам срочно стали выдавать боеприпасы, белые маскхалаты, сухие пайки, придали батальону взвод огнеметчиков и радиостанцию более внушительных размеров с экипажем радиостов, а также подчинили временно группу саперов. К середине дня мы уже были в боевой готовности, еще не зная, какую задачу будем выполнять.

Теперь я располагаю сравнительно большим количеством архивных документов по нашему штрафбату, любезно предоставленных мне Центральным архивом Минобороны. Среди этих документов имеется «Схема № 5» – приложение к документу штаба 3-й армии под названием «Схема движения и действия 8-го штрафного офицерского б-на... в тылу противника». Становится понятным, что тактическая задача проникновения в тыл к немцам именно штрафного батальона была заранее продумана командующим 3-й армией генералом Горбатовым и его штабом и свидетельствует о том доверии, которое они оказывали штрафникам, веря в их истинный патриотизм.

А там, западнее Гадзиловичей (Гадилевичей), вскоре нас построили на опушке большого лесного массива. Кроме нашего батальона рядом была еще одна большая группа военных, правда, раза в 4 меньше нашей, но тоже в маскхалатах, да еще вся полностью «вооруженная»

лыжами. А нам выдали лыжи из расчета сделать «санки» для станковых пулеметов да по 1–2 пары волокуш на взвод на случай, если окажутся убитые или раненные: не оставлять же их в немецком тылу.

Как оказалось, то был лыжный батальон 120-й гвардейской стрелковой дивизии. Видно было, что батальон батальону рознь. Только здесь до меня дошло, каким большим оказался в то время наш штрафбат, так как стойкое представление об обычных батальонах у меня сложилось еще по военному училищу, службе в 29-й Отдельной стрелковой бригаде близ озера Ханка в дальневосточном Приморье, да и в запасном полку близ Уфы. Но, как удалось установить только теперь, действовать этому лыжному батальону пришлось отдельно от нас, а о причинах этого будет сказано ниже.

Через какое-то совсем непродолжительное время к нашему общему строю подъехала на «виллисах» группа больших начальников – генералов и офицеров. Оказывается, к нам прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. Это означало, что батальон передан не только из состава 63-й армии генерала Колпакчи В.Я., но уже и из состава 48-й армии генерала П.Л. Романенко в 3-ю армию А.В. Горбатова. Рослый, статный, этот генерал довольно четко, но как-то не по-генеральски мягко называя всех нас просто «ребятами», почти по-отечески рассказал о сути боевой задачи, которую предстояло нам выполнить. Я обратил внимание на то, что генерал почему-то опирался на большую, крепкого дерева суковатую палку. Подумал, что он, наверное, еще не оправился от ранения. Потом я слышал не то легенду, не то быль о том, как «учил дураков» этой палкой генерал.

Он сказал, что перед нами ставится необычайная по сложности и ответственности боевая задача проникновения в тыл противника и активных действий там. И он надеется, что эту задачу наш штрафбат, бойцам и командирам которого доверяют и командование армии, и сам командующий Первым Белорусским фронтом (так со вчерашнего дня стал именоваться наш фронт) генерал армии Рокоссовский, выполнит. Горбатов выразил уверенность, что поставленную задачу мы выполним с честью. А характер задачи, еще раз повторил он, свидетельствует о том большом доверии, которое оказывает командование фронта и армии такому необычному офицерскому батальону, это он особо выделил голосом. Вместе с этим он твердо сказал, что если поставленная задача будет выполнена образцово, то всех штрафников, проявивших себя стойкими бойцами, независимо от того, будут ли они ранены, «прольют ли кровь», он, командарм, представит к досрочному освобождению как совершивших подвиг, а командующий фронтом генерал Рокоссовский освободит от дальнейшего пребывания в штрафном батальоне. Всех их восстановят в прежних воинских званиях и во всех правах, а особо отличившиеся, кроме того, будут награждены орденами или медалями. Надо только представить, какой общепатальонный, будто усиленный молчащим лесом вздох надежды раздался после этих слов!

Детали этой задачи нам, командному составу, объяснил несколько позже наш комбат, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Я уже говорил, что это был офицер всегда со спокойным лицом и мудрым взглядом, с заметной сединой, казавшийся всем нам весьма пожилым, хотя было ему, как оказалось потом, едва за 35.

Задача состояла в том, чтобы ночью 20 февраля не замеченными противником перейти линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском выйти ему в тыл, к западной окраине Рогачева. А там во взаимодействии с лыжным батальоном захватить город и удерживать его до подхода основных сил 3-й армии.

В мемуарах генерала Горбатова из-за строгости цензуры военного времени и долгих послевоенных лет упоминание штрафных батальонов в открытой печати полностью исключалось, и командарм Горбатов вынужден был и наш штрафбат именовать «лыжниками», «лыжным отрядом». Только уже в посмертном издании его книги «Годы и войны» наш 8-й штрафбат упоминается.

Штрафбат передавался в оперативное подчинение 41-го стрелкового корпуса для взаимодействия со 120-й Гвардейской стрелковой дивизией. На выполнение боевой задачи нам отводилось трое суток. Из этого расчета были щедро выданы боеприпасы, а также и далеко не богатый сухой паек (консервы, сухари и сахар). Взводу разведки, который фактически сформировал уже я, была поставлена задача авангарда, то есть подразделения, идущего первым и прокладывающего путь всему батальону. За своих подчиненных я был спокоен, но больше волновался за себя, смогу ли владеть собой, не растеряюсь ли в сложных ситуациях, смогу ли управлять подчиненными. Лыжному батальону, подумали тогда мы, наверное, будет легче на лыжах-то! Мне лично глубокие снега не казались особенно тягчающим обстоятельством. Еще не забылись впечатления от военного училища на Дальнем Востоке.

Здесь я прибегну к небольшому отступлению от хронологии своего повествования и вернусь в 1942 год. Тогда, в начале февраля, нам, курсантам пехотного училища в Комсомольске-на-Амуре, предстояло выйти в зимние лагеря на 18 суток. Снег там, особенно в тайге, был, как говаривал наш училищный преподаватель-балагур майор Бабкин, «по самые, я... извиняюсь!». То есть чуть ли не до пояса, а морозы в феврале там обычно и за 35° зашкаливали! В глубь тайги на 50–60 километров мы совершали марш в ботинках с обмотками, имея с собой в ранце, кроме всего прочего, еще и пару валенок. По прибытии на место устроили лагерь из шалашей (один на взвод), сооруженных из молодых, высоких то ли кедров, то ли елей. В этом шалаше разрешалось жечь небольшой костер, чтобы при возможности, особенно ночью, можно было по очереди согреться. Ботинки уложили в ранцы, обули валенки. Беда только в том, что вокруг этого костерка могло более или менее эффективно обогреваться одновременно из взвода в 30 человек не более 5–7 курсантов, остальным тепла не доставалось.

Постепенно добавляли в костер «топливо», пока подсохшие наверху хвойные ветки вдруг не вспыхнули все разом. Спустя буквально несколько минут от шалаша остались только угли да растаявший вокруг снег. Комвзвода наш с очень ласковой фамилией Лиличкин получил довольно неласковое взыскание, а мы лишились права строить другой шалаш. Правда, потом сообразили: днем очень небольшие костры разрешалось жечь практически без ограничений, так как по условиям военной игры «противник» мог заметить открытый огонь только ночью. Ну а это уже был выход из положения. Расчистили до грунта снег, и на этом месте целый день остававшиеся в лагере дневальные жгли групповые костры, разожженные на каждое отделение. Вечером головешки убирали, а земля от костров так прогревалась, что, положив на нее слой хвойного лапника, мы в своих солдатских шинелях и валенках плотно укладывались на эту теплую «постель» и довольно «комфортно» несколько часов «блаженствовали», минут через 30 по команде поворачиваясь на другой бок, чтобы и его погреть. Днем мерзнуть было некогда: то отражение атак «противника», то длительные лыжные переходы, то взятие высот и сопков, то марш-броски по пояс в снегу...

А когда кончились эти долгие 18 суток перед походом к «родным пенатам», то есть в казармы, нам приказали снова переобуться в ботинки. А они, мокрые после перехода в лагерь, оказывается, за это время смерзлись. Пришлось оттаивать их у костра. И тут я нечаянно «переборщил»: ближе, чем нужно, придвинул к костру один ботинок, и от огня его носок съежился. Однако идти в валенках мне не разрешил ни командир роты старший лейтенант Литвинов, сам даже не надевавший валенки за все эти 18 суток, ни комбат майор Панов.

Пришлось надевать скукожившийся ботинок. Большой палец ноги за время обратного похода оказался обмороженным, и его подушечка даже лопнула, хотя кровь из этой трещинки даже не выступила. В санчасти училища мне оказали нужную помощь и на две недели освободили от ношения обуви, а значит, и от наружных занятий. Подобное в то строгое время могли расценить и как членовредительство, но меня даже не наказали, думаю, потому, что командир курсантского батальона почувствовал в этом ЧП и свою вину тоже (повезло мне!).

Такие экскурсии в прошлое, думаю, помогут читателю XXI века понять, чем мы жили, в какой атмосфере формировались наши характеры.

Но вернемся в февраль 1944 года. В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания нам предстояло в тактической глубине противника (до 20 километров), в его войсковом тылу, активно нарушать коммуникации, взрывать мосты, по которым могут проходить гитлеровские войска, громить штабы и подходящие из глубины резервы.

Одним словом, дезорганизовать управление, воспретить подход резервов из глубины, рассеивать их или при возможности уничтожать. Главное было – посеять панику и отвлечь внимание немецкого командования от передовой линии фронта, где должно было начаться более успешное наступление наших войск с задачей ликвидировать плацдарм противника на Днестре и освободить город Рогачев. О предполагаемых наших действиях в документах штаба 3-й армии записано:

«Опыт применения специально выделенных отрядов для действия в тылу противника во время наступления, чрезвычайно поучителен.

Отряд в составе 8-го офицерского штрафного батальона имел задачу проникнуть через передний край противника и совершить налет на Рогачев...»

В разведку, а тем более – в тыл врага, как меня посвятил капитан Тачаев, да я и сам уже об этом был осведомлен еще в училище, нельзя было брать с собой награды, партбилеты и другие документы. Была организована сдача всего этого в штаб и аппарат замполита, остающиеся на месте дислокации тылов батальона. Наград у меня еще не было, но свое офицерское удостоверение и кандидатскую карточку принадлежности к ВКП(б) я тоже сдал. Была возможность написать короткие письма родным. Вся эта процедура заняла несколько часов оставшегося дня. Потом был обильный обед, совмещенный с ужином, и отдых, о которых мы, пока были в немецком тылу, вспоминали с особым чувством.

В своих воспоминаниях «Годы и войны» генерал Горбатов писал об этой операции, называя «лыжниками» всех нас в силу существовавших долгие годы цензурных ограничений. Не позволялось тогда, да и многие годы после войны в открытой печати упоминать о штрафбатах. Вот только одна цитата из воспоминаний генерала:

«В 18 часов они сытно поужинали и легли отдыхать. Лишь у двух батальонов отдых был коротким. В 23 часа их подняли, и они пошли на запад. Этому сводному отряду лыжников выпала ответственная задача: перейти линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев».

На выполнение этой нелегкой да и необычной задачи и повел наш батальон его смелый и опытный командир, подполковник Осипов. А был он местным уроженцем, рогачевцем, да к тому же ранее за недолгие отпуска во время военной службы уже исходившим вдоль и поперек всю местность Рогачевского района, примыкавшую к Днестру. Он прекрасно знал места, где можно было незаметно приблизиться к позициям фрицев, точно указать место обеспечивавшим наш переход армейским саперам, где они ножницами незаметно для немцев вырежут звено колючей проволоки между двумя колами. А нам – где между этими кольями пролезть, преодолеть передний край обороны немцев и перейти линию фронта.

До сих пор я не перестаю удивляться, как нашему мудрому комбату столь удачно удалось выбрать это место недалеко от деревни Гадиловичи и почти весь огромный по тому времени батальон провести так искусно, хотя и по хорошо знакомой комбату, но занятой врагом местности.

Идут лавиной славные ребята
Через лес и кочки, топи и снега.
Русская смекалка нашего комбата

Распознает хитрость лютого врага.

Эти слова Цезаря Солодаря очень похоже отразили и смекалку, и мудрость нашего комбата.

Безлунная ночь очень хорошо прикрывала нас. Думается, командование армии специально выбрало время действий наших батальонов в период наступления новолуния, а не только ко Дню Красной Армии, как утверждали потом многие. Мне с моим разведвзводом выпала честь первым преодолевать проволочное заграждение, в котором приданные нам саперы проделали проход между двумя колами, и первые траншеи противника.

Хотя немцы периодически подвешивали на парашютиках «фонари», как называли на фронте их осветительные ракеты, но жесткий предварительный инструктаж, армейская смекалка служилых бойцов, в недалеком прошлом офицеров, желание выжить заставляли всех нас замирать, не двигаться во время свечения этих «фонарей». Да и наши белые маскхалаты делали нас безлунной ночью практически незаметными. Конечно же, этому способствовала и излишняя уверенность немцев в надежности своей обороны на берегу Днепра, притупившая их бдительность. Тем более что по всей длине проволочного заграждения они навешали большое количество пустых консервных банок, предательски гремевших, если задеть проволоку. Иногда немцы простреливали некоторые особо опасные места своими дежурными пулеметами. Я помню, например, что при преодолении прохода в проволочном заграждении почувствовал какой-то удар. Только уже днем я обнаружил, что пуля пробила мне солдатский котелок, притороченный к вещмешку («сидору», как их называли тогда).

А вот как об этом вспоминал уже в 1984 году лейтенант запаса Медведев Данила Александрович, бывший штрафник, участвовавший в том знаменитом рейде нашего батальона. И ему помнились эти подробности в деталях. Орфографию подлинника сохраняю:

«Враг вел пулеметную стрельбу из нескольких дзотов, причем трассирующими пулями, что было в нашу пользу. Подойдя к трассе пуль, можно было видеть, как высоко летят пули. Достаточно было пригнуться и свободно преодолеть сектор обстрела. А вот с одного дзота пули летели не более одного метра над землей, и, чтобы преодолеть этот обстрел, нужно было переползать по-пластунски. Командир батальона и командиры рот были впереди».

В такой узенький проход, по меткому выражению генерала Горбатова, «как канат сквозь игольное ушко», наш умелый комбат провел почти весь батальон, основную часть которого фактически враг не заметил! Для меня это было, по существу, первым настоящим боевым крещением, хотя в обороне я уже кое к чему присмотрелся. Наверное, поэтому многие детали этого перехода и тем более действий в немецком тылу мне запомнились довольно прочно и более или менее подробно.

Замыкала колонну батальона рота капитана Матвиенко, уже имевшего значительный боевой опыт, о чем свидетельствовали два ордена Красной Звезды. Он прибыл в батальон вместе со всей нашей группой офицеров в 18 человек еще в декабре. Кто-то из бойцов последнего взвода его роты, наверное, задел проволоку немецкого заграждения, зацепился за ее колючки и, пытаясь вырваться из их цепкой хватки, «оживил» эту консервно-баночную сигнализацию. Понятно, это всполошило немцев, они, выскакивая из блиндажей, открыли все нараставший по плотности ружейно-пулеметный огонь по этому участку. Теперь нужно было проявиться и нам, чтобы отвлечь внимание все больше появляющихся фрицев, вызвать их огонь на себя и тем самым помочь попавшей в беду части роты Матвиенко. Все, кто был близко, практически без чьей-либо команды открыли огонь по немцам, а взвод огнеметчиков выпустил несколько

мощных огненных струй по скоплениям немцев и по выходам из блиндажей. Впервые в моей жизни я видел горящих и безумно орущих людей! Жуткое зрелище...

А генерал Горбатов, оказывается, все это время переживал за нас. Вот как он об этом писал в своей книге «Годы и войны»: «Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу не послышалась беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетело множество ракет... В два часа ночи мы получили по радио условный сигнал: сводный отряд находится в тылу противника и выполняет задачу».

Рота Матвиенко понесла ощутимые потери, но все-таки тоже прорвалась к основным силам батальона. В подразделениях же, преодолевших линию фронта раньше, потерь вовсе не было, легко раненные не признавались в этом. Теперь батальону надо было срочно покинуть этот район. Здесь комбат поставил моему взводу, в котором были только опытные, боевые в прошлом бойцы, другую задачу – замыкать колонну батальона. Ведь поскольку противник обнаружил наше проникновение, не исключена возможность попытки преследования нас. Таким образом, взвод превращался из авангарда в арьергард. Это мне показалось даже более ответственным, так как теперь взводу пришлось действовать уже вдали от командования батальона и мои решения должны стать более самостоятельными, хотя майора Кудряшова, моего прежнего опекуна, комбат Осипов тоже назначил старшим начальником во всю тыловую часть батальонной колонны. Функции разведки взял на себя энергичный и опытный Борис Тачаев, взяв из моего взвода в свою разведгруппу по 2–3 бойца из каждого отделения.

У меня снова возникла мысль: не по совету ли «особиста» поручено это тщательное наблюдение за мной, сыном и племянником осужденных по известной 58-й статье? Мелькнувшая было эта мысль о каком-нибудь недоверии мне, о **наказании за преступления, которые не совершал**, тут же была опровергнута тем, что в замыкании батальона, кроме моего взвода, был взвод ПТР под командованием Петра Загуменникова, пулеметный взвод и отделение ранцевых огнеметов. Конечно, в случае осложнения обстановки нужно было единое командование этими, хотя и не такими уж большими силами, но ни Петр Загуменников, ни тем более я не могли квалифицированно обеспечить это. Скорее всего именно для этого комбат поручил своему заместителю быть в этой части батальонной колонны. Так что мое опасение о каком-то недоверии тут же погасло, тем более мне как-то стало спокойнее, имея рядом такого опытного боевого офицера, как Кудряшов. Хотя иногда мысль о возможном недоверии у меня возникала и в других схожих ситуациях.

В боевых документах штаба 3-й армии по поводу действий нашего штрафбата записано следующее: «В 23.00 20.02.44 года сводный отряд в составе 8-го офицерского штрафбата... переправился на западный берег р. Днепр против Гадиловичи, преодолел после сопротивления противника передний край и стал продвигаться на Рогачев».

На каком участке преодолевал линию фронта наш сосед, лыжный батальон, я тогда не знал, и во время боевых действий в тылу противника соприкосновения с лыжниками не видел. Я полагал, что характер их задачи или сложившаяся обстановка заставили этот батальон действовать самостоятельно. Но вот не очень давно этот вопрос для меня, кажется, прояснился. В газете «Советская Белоруссия» за 1.04.2005 года была опубликована статья Сергея Крапивина «Я был радистом штрафбата». В ней приводятся некоторые подробности того знаменитого рейда штрафников во вражеский тыл, рассказанные Григорием Власенко, бывшим начальником расчета радиостанции из полка связи штаба 3-й армии, переданного нашему батальону на время выполнения этой необычной боевой задачи. Эту радиостанцию генерал Горбатов в качестве усиления штрафбата придал для обеспечения связи со штабом армии. Поскольку радисты постоянно находились рядом с нашим комбатом, то старшине Григорию Андреевичу Власенко, постоянно передававшему радиogramмы о ходе продвижения батальона и его боевых действиях, я доверяю больше, чем даже своей памяти. Тем более что сразу же после преодоления переднего края немцев мой взвод был назначен в арьергард колонны батальона и многому,

что происходило на других участках, я лично не был очевидцем. Так вот, старшина Власенко свидетельствует: «Следом за штрафниками двигался особый лыжный батальон 120-й дивизии, однако гвардейцам не удалось прорваться в тыл противника, их отсекли. Все! Штрафбат единственный оказался по ту сторону фронта...»

Вот почему не знал я ничего о действиях батальона лыжников! Многие годы спустя из «Советской военной энциклопедии» я узнал, что наши соседи-лыжники были именно из 120-й стрелковой дивизии полковника Я.Я. Фогеля. Но оказывается, в те же февральские дни в лесах под Рогачевом, только значительно севернее нас, в районе Нового Быхова, действовал еще и другой лыжный батальон под командованием капитана Бориса Коваленко, от 5-й стрелковой дивизии. Он тоже переходил тайно линию фронта, правда, под прикрытием наступления одного из полков (кажется, 336-го) этой же дивизии. Происходило это сутками позже и с более узкой и конкретной задачей – захватить железнодорожную станцию Тошица, что они успешно сделали во взаимодействии с 336-м полком.

Многим известен советский писатель, лауреат Государственной премии СССР Виталий Александрович Закруткин, автор таких громких в советское время произведений, как «Матерь человеческая», «Сотворение мира» и другие. Так вот, он, писатель Виталий Закруткин, в главе «Лесной рейд» книги «Дорогами большой войны», вышедшей в издательстве «ДОСААФ» в 1974 году, рассказал подробности действий этого лыжного батальона.

Думаю, читателю небезынтересна одна деталь биографии Закруткина. Получив в начале войны уведомление о броне от призыва как научный работник одного из институтов, он прямо в военкомате порвал его и вскоре оказался на фронте в роли военного корреспондента. В этом качестве он прошел всю войну до самого Берлина, в том числе и по Белоруссии. Так что в том, что он отражал в своих книгах, все было реальным.

Те же лыжники, которые должны были действовать с нами, оказывается, тоже выполнили свою задачу, но только на другом участке фронта и во взаимодействии с другими частями. Наш батальон действовал совершенно самостоятельно. Как видите, командарм Горбатов широко использовал маневр войсками с выходом во фланги и даже в тыл противника, что в нем особенно ценил командующий фронтом Рокоссовский.

Я продолжаю собирать материалы о боевом пути нашего батальона, и мне сын Павла Ильича Пиуна, агитатора нашего батальона, Владимир Пиун сообщил, базируясь на воспоминаниях своего отца, следующее: «Я хорошо помню, отец рассказывал, что батальон ушел в тыл к немцам без офицера Особого отдела. Он был в замыкающей группе, и, когда она себя обнаружила, прорвались к основному ядру 8-го ОШБ не все. Не успел прорваться и особист. При повторной попытке перехода линии фронта офицер Особого отдела получил ранение и в рейде батальона по тылам противника так участия и не принял».

Я позволю себе несколько дополнить воспоминания политработника Пиуна своими соображениями. Никогда я не видел нашего особиста непосредственно на передовой, даже в окопах на оборонительных позициях, не говоря уже о более активных боевых действиях. Другая у него была работа... И ему было, наверное, приказано своим, «смершевским» начальством, не совсем уверенным в наших штрафниках (а зря!!!), быть в замыкающей группе, чтобы наблюдать, не побежит ли кто-нибудь из штрафников назад, то есть исполнять роль своеобразного «одиночника-заградчика»? А поскольку часть замыкающей роты была отсечена вражеским огнем, то и особисту пришлось остаться. По тем условиям ранение было естественным и лучшим выходом для человека, не особо стремящегося к реальным и весьма опасным подвигам. Ну, да бог с ним, особистом.

После разгрома какого-то крупного немецкого штаба в деревне Мадора и еще в Старом Селе бои были особенно горячими. Продвигаясь с боями, батальон к рассвету 21 февраля стал приближаться к Рогачеву с северо-запада, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин,

наткнувшись на крупные силы хорошо окопавшихся фрицев. И как только наш батальон вышел в район, близкий к северо-западной окраине Рогачева, комбат связался по радио со штабом армии. Вот как это событие отражено в воспоминаниях генерала Горбатова: «Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная вперед разведка встретила с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника».

Да если бы мы и попытались овладеть городом, тем более – удержать его, нам бы это не удалось. Ведь основные силы немцев не были разгромлены, а у нас ни артиллерии, ни бронетанковой техники, ни даже минометов не было! Наша минометная рота под командованием Тавлуя, читатель уже знает, действовала в этом рейде как стрелковая. А двухзвонной роты противотанковых ружей и пулеметной роты да взвода ранцевых огнеметов в этих условиях было явно недостаточно! Ведь и в самом Рогачеве, и вблизи него у немцев было много мощных укреплений, сосредоточено большое количество войск и техники.

Вскоре поступила команда «действовать», как и было предусмотрено заранее – громить тылы. Панику в стане врага нам удалось посеять большую, или как потом многие штрафники говорили: «Ну и наделали мы там шороху!» Батальон действовал и группами, и собираясь в один довольно мощный кулак. Среди штрафников были артиллеристы, танкисты, даже летчики, поэтому произвести несколько выстрелов из орудий не составляло труда, попались бы самолеты – может, и ими бы овладели. Захваченные орудия, предварительно перебив их прислугу, поворачивали в сторону заметных скоплений вражеских войск, складов и пр. и, если удавалось, делали несколько выстрелов. Затем эти орудия и минометы взрывали или приводили в негодность другим способом.

Поджигали захваченные склады боеприпасов и продовольственные, брали под контроль перекрестки дорог, уничтожали подходящие войсковые резервы противника и перерезали линии связи. Временно взятые в плен немцы («временно», потому что после допросов их, естественно, не отпускали, а уничтожали, не таскать же их в их тылах с собой) говорили, что их командование считает, будто в тылу действуют откуда-то взявшаяся дивизия да много партизан.

Так проходили наши оперативные действия в тылу. Генерал Горбатов в своих мемуарах отмечал, видимо, имея в виду действия и лыжных батальонов 120-й и 5-й стрелковых дивизий, и нашего штрафбата. По условиям строгой цензуры называя нас «лыжниками», так оценил наши действия командарм Горбатов: «Лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадору и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов».

Одним из эпизодов наших боевых действий было освобождение угоняемых в рабство жителей Белоруссии. Кажется, на вторые сутки, ближе к полудню, наши передовые подразделения заметили, что по дороге на запад немцы конвоируют большую группу мужчин и женщин с целью угона в Германию (мы уже знали о массовом угоне в рабство трудоспособного населения). Комбат принял решение отбить у немцев своих земляков. Немецкий конвой был сравнительно малочисленным – человек 15, и буквально в минуты с ним было покончено. Мы освободили таким же образом еще и около 300 советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть в промерзшей земле траншеи. Все освобожденные, как нам показалось, бросились врассыпную, чтобы скрыться в лесу или уйти по своим селам.

Однако я заметил, что группа из пяти-шести женщин неотступно следует за нами. Конечно же, по своей одежде эта группа уж очень заметно отличалась от нас, одетых в белые маскировочные, безусловно, демаскировала нас. Мне пришлось не раз им это растолковывать, но, увы, всегда безуспешно. До самых сумерек они так и шли за нами. Боялись, видно, снова попасть в лапы к немцам. С наступлением темноты я снова им разъяснил, что теперь они могут

под покровом ночи отстать от нас и незаметно возвратиться в свои села. Показалось, что моя «разъяснительная работа» вроде бы подействовала на них, они вроде бы отстали от нас. Но, едва забрезжил рассвет, мне доложили, что за нами движется какая-то странная группа людей. Подумалось, не сели ли «на хвост» немцы? Присмотревшись, мы с удивлением узнали своих «старых знакомых», но одетых в какое-то подобие маскхалатов. Оказалось, что, воспользовавшись темнотой, они в мороз, раздевшись донага, сняли свое нижнее белье, а затем, одевшись в свои немудреные зипуны и шубейки, поверх них натянули свое белое исподнее. Часть полушубков, имеющих внутри белый или просто светлый мех, они вывернули наизнанку, и вот в таком «замаскированном» виде предстали перед нами. И жалко было их, и нельзя было удержаться от смеха! Пришлось смириться с их находчивостью и позволить следовать за нами еще какое-то время. Вскоре было обнаружено движение в сторону Рогачева большой автоколонны немцев. Завязался бой, и это женское «отделение» как ветром сдуло!

Бывая часто в Рогачеве, в его селах, мне так и не довелось встретить ни одной из тех, кого мы тогда отбили от немцев и кто почти сутки шел за нами тогда, в 1944 году.

Надо сказать, что колонна нашего батальона была построена так, что и в ее голове, и в основном составе, и в хвосте следовали и пулеметчики, и подразделения противотанковых ружей (ПТР), и огнеметчики. Последние были вооружены малознакомыми нам «РОК-Сами» – (ранцевый огнемет Ключева-Сергеева) с самовоспламеняющейся жидкостью КС. Почему-то теперь, через много лет, эту жидкость, как и бутылки с горючим, называют «коктейль Молотова». Тогда мы и понятия не имели о таком названии. Наверное, его придумали досужие фантазеры уже в то время, когда война давно закончилась, или переняли подобное название от финнов, которые во время «зимней» войны подобную смесь делали и называли именно так.

Когда была замечена большая немецкая автоколонна, батальон замер, и как только передние машины поравнялись с нашими замыкающими подразделениями, по фашистам был открыт шквальный огонь из всех видов имевшегося у нас оружия. В хвосте, или иначе – в арьергарде нашей колонны, как я уже говорил, находился взвод ПТР под командованием 19-летнего старшего лейтенанта Петра Загуменникова, но уже имевшего солидный боевой опыт и ранение. С ним я уже успел подружиться, и его бойцы подбили здесь два передних автомобиля, возглавлявших немецкую автоколонну.

Так как и замыкающие автоколонну машины тоже уже были подбиты бронебойщиками, находившимися в голове колонны батальона, вся эта немалая вереница машин оказалась запертой с обеих сторон на узкой дороге, ограниченной с обочин канавами с глубоким, рыхлым снегом. Попав под плотный огонь, успевшие выпрыгнуть из кузовов автомашин фрицы в панике бросились в разные стороны. Кто-то из них, обезумев, кинулся даже в нашу сторону, навстречу свинцовому вихрю от пулеметчиков и автоматчиков батальона. Вдруг один из немецких солдат, бежавший по направлению к нам, бросив оружие и подняв руки, закричал по-русски: «Не стреляйте, я свой, русский, из Калуги!»

Я дал команду подпустить его, просто интересно было узнать, как это русский, калужанин, оказался у немцев с оружием в руках. Но едва он поравнялся со мной и успел сказать, что год назад попал в плен и добровольно пошел в гитлеровскую армию, чтобы при первом удобном случае перейти к своим, как один из ближних ко мне штрафников резко выругался в его адрес и разрядил в него под челюсть снизу, наверное, полдиска автомата. Не состоялась моя беседа, не узнал я, сколько наших солдат на его счету за этот год. Да и жалеть об этом было некогда. Не до того было.

Одного из убежавших немцев, ловко метавшегося от дерева к дереву, я никак не мог достать огнем из автомата. Наверное, потому, что в запале боя стрелял «с бедра», не целясь. И тогда, выхватив из кобуры свой наган, тщательно прицелился и с первого выстрела, на расстоянии уже около ста метров попал! Это был мой первый личный «трофей», и усилившаяся надолго вера в действенность не только в ближнем бою своего верного «нагана», как считалось

по всем инструкциям. И этот мой первый «трофей», которого я, кажется, наконец уложил из личного оружия, вызвал во мне какое-то необъяснимое, скорее даже радостное удовлетворение. А ведь я убил человека – сам, собственноручно! Впервые в своей жизни, сознательно, умышленно.

Тут вспомнилось мне событие, которое произошло еще во время моего командования взводом в запасном полку под Уфой, всего каких-нибудь полгода назад, когда мы готовили для фронта маршевые роты. Пополнение для них тогда приходило, в частности, из Татарии, Башкирии и некоторых союзных мусульманских республик. Случались, конечно, и дезертирства. И вот однажды я был свидетелем, когда пойманного дезертира-«рецидивиста», то есть совершившего дезертирство уже во второй раз, приговоренного к высшей мере наказания, расстреляли перед строем полка.

На краю поля, где мы обычно проводили занятия с пополнением, к свежевырытой яме подвели человека в легкой гражданской одежде (было лето, июль). Видимо, увидев свою могилу, он как-то безвольно сам опустился на колени, опустил голову и как-то тихо, мелко дрожал. Запомнилось все это мне, потому что я со своим взводом оказался напротив места экзекуции. Прежде всего бросились мне в глаза его стриженная голова и большие, торчащие уши, красно просвечивавшие на склоняющемся уже к заходу солнце.

Офицер – наверное, из Военного трибунала – зачитал приговор о смертной казни за повторное дезертирство и предложил выйти из строя добровольцам для приведения приговора в исполнение. Ответом была жуткая тишина... Добровольцев не нашлось. Тогда от группы, стоявшей несколько в стороне, отделились два человека с погонами сержантов с наганами в руках и подошли к приговоренному, который стал трястись, то ли тихо рыдать, то ли так крупно дрожать. Будто по неслышимой команде эти двое одновременно выстрелили ему почти в упор в голову. Тот словно клюнул головой и свалился в яму. Полк замер. Где-то из строя прорывались не то стоны, не то сдавленные рыдания. И, пока солдаты не зарыли яму и не укрыли образовавшийся холмик заранее заготовленным дерном, полк стоял в каком-то страшном оцепенении.

Наверное, многих посетила в это время мысль, что лучше погибнуть на поле боя, пусть и не как герой, но как защитник своей Родины, чем вот так, как бешеному псу, бесславно окончить жизнь, опозорив не одно колено своих потомков или родных. Мне бросился в глаза невдалеке еще один такой же, только пониже, холмик, уже хорошо поросший травой. Видимо, здесь, на этом своеобразном «лобном месте» свершилась не первая смертная казнь. Стало как-то неуютно на душе. Ведь только что убили просто малодушного, трусившего человека. Своего, советского.

А здесь, на войне, я сам убил человека... Но это был враг, посягнувший на жизнь и свободу нашей Родины, несущий смерть советским людям, включая даже стариков и грудных детей. И здесь уже действует правило: «лучший враг – мертвый враг» или, как любил говорить один из моих послевоенных подчиненных, повторяя слова какого-то римского императора: «труп врага хорошо пахнет». Немцев, пытавшихся сдаться в плен здесь, под Рогачевом, и кричавших «Гитлер капут!», штрафники, конечно, в плен не брали, стреляли в них, приговаривая: «И тебе... такую-растакую, тоже!» Да и что бы мы с ними делали, проявив к ним гуманность в этих специфических условиях действий в их же войсковом тылу?

Вместо запланированных двух-трех суток наш рейд продолжался целых пять. За это время были разбиты еще несколько вражеских пеших и автомобильных колонн, двигавшихся к линии фронта, подорваны мосты на дороге, подходящей к Рогачеву с запада, а в одну из ночей разгромили штаб какой-то немецкой дивизии, возглавляемый генералом, которому даже на лошади убежать не удалось. Два охранявшихся склада с боеприпасами были подожжены «РОКСами», и еще долго эхо взрывов с этого склада доносилось до нас.

При помощи схемы № 5, о которой речь шла выше, мне удалось восстановить в памяти названия некоторых населенных пунктов, перечисленных здесь и через которые проходил наш

батальон за время памятного 5-суточного рейда в тыл немецких войск. Это кроме Мадоры, Старого Села еще и Зборов, Щибрин, Озерище, кажется, какие-то Коноплицы (не помню, Малые или Большие), Близнецы, Кистени, Вишин и другие. В общем, батальон действовал настолько активно, что практически уже к концу третьего дня были израсходованы почти все боеприпасы к пулеметам и автоматам. Поступил приказ: на каждый автомат оставить НЗ (неприкосновенный запас) по 10–20 патронов, но у многих этого количества уже не было! О ходе наших действий комбат докладывал в штаб армии по радио. Доложил он и о почти полном расходе боеприпасов к стрелковому оружию. Там, видимо, решили сбросить нам на парашютах какое-то количество патронов.

И когда во второй половине дня два «кукурузника», как называли тогда маленькие двухкрылые самолеты У-2 (ПО-2), подлетали к указанному квадрату, вдруг заговорили немецкие зенитные установки. К нашему удивлению, оказалось, что ночью ни мы, ни немцы не заметили того, что батальон наш очутился в том участке леса, который был избран фашистами для размещения одной из их зенитных батарей. Летчики, правильно оценив ситуацию, быстро развернулись и улетели. А нашим огнеметчикам с группой ручных пулеметчиков удалось выйти на звуки выстрелов и буквально испепелить и пушки, и службу. Кстати, выручили огнеметчики нас еще раз, когда уже в конце четвертого дня была замечена большая пешая колонна противника. Огнеметы практически уничтожили и эту колонну даже почти без наших пулеметов и автоматов. Не буду описывать тот жуткий рев горящих фрицев...

Технику, которую бросали немцы, мы, конечно, не могли тащить с собой. Брали только автоматы-«шмайсеры» да ручные пулеметы МГ. Ну и конечно, пистолеты, в большинстве «вальтеры» и «парабеллумы». Так что у многих уже было по два автомата – свой и трофейный, хотя и тот и другой с весьма малым запасом патронов. Остальные трофеи, как могли, приводили в негодность, а некоторой частью захваченного продовольствия пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом изготовления: 1937–1938. Сколько лет хранился, а можно было даже мороженный не рубить топором, а резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями, хотя и сегодня, спустя более 70 лет, их вкус вспоминается с определенной степенью ностальгии. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда с такого же рода «сливочным маслом» в больших брикетах. Бутерброды из того «хлеба» с таким «масло-медом» были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

Мне повезло, что я могу в дополнение к собственным воспоминаниям использовать и публикации других очевидцев. Вот, например, свидетельство того же Григория Андреевича Власенко, «прикомандированного» радиста: «В той операции был эпизод, когда батальон захватил совершенно целым грузовик, кузов которого был полон ящиками с бутылками шнапса и питьевого спирта. И вот помню картину: бойцы остервенело расстреливают кузов, в направлении Днепра текут огненные ручейки, и на февральском ветру мечется синее спиртовое пламя...»

Даже несмотря на то что не каждый штрафник находился в поле зрения своего командира, распоряжение комбата о запрете употребления трофейного спиртного соблюдалось строго. И это еще один показатель высокого уровня дисциплины в штрафбате вопреки домыслам тех, кто создает, мягко говоря, неправдивые «творения» о штрафниках.

Много было непредвиденного и неожиданного в этом рейде, но потерь у нас после Мадоры и Старого Села было сравнительно немного. На волокушах везли тяжело раненных да несколько убитых, среди которых был командир взвода 3-й роты лейтенант, не помню его фамилии, да парторг батальона, старший лейтенант Желтов, погибший во время преследования убегавшей группы немцев из той большой автоколонны. Когда я потом пытался описать в стихах эту часть боевого пути нашего штрафбата, храброму парторгу-агитатору Александру Матвеевичу Желтову были посвящены такие немудреные строки:

Вспомним мы Днепр, Рогачев и Мадоры,
Смертью героя погиб здесь Желтов.
Дорого подлая, мерзкая свора
Нам заплатила за смерть и за кровь.

Желтов был отличный мужик, намного старше нас, лейтенантиков, и редкой душевности политработник. Как бы теперь сказали, очень коммуникабельный человек, которому хотелось верить и подражать, какие в среде политработников в моей длинной армейской службе и в войну, и в послевоенное время, к счастью, встречались чаще, чем это может показаться.

Всего теперь о том рейде в тыл противника и не вспомнить, но достаточно сказать, что за все эти 5 дней и ночей мы не могли нигде обогреться, разве только кое-кому это удавалось накоротке у горящих штабов и складов, подорванных или подожженных. Но какой это был «обогрев», если нужно было немедленно уходить, чтобы не навлечь на себя ответной реакции фрицев. О горячей пище даже и не мечталось, спать приходилось тоже урывками и только тогда, когда ночью на какое-то время батальон приостанавливал движение. Многие умудрялись иногда хоть минуту-две поспать на ходу, что мне было знакомо еще по службе красноармейцем-разведчиком на Дальнем Востоке в дивизии полковника Чанчибадзе, да и курсантом военного училища в Комсомольске-на-Амуре.

В конце четвертых суток наших действий в тылу противника комбат передал приказ без крайней необходимости бои не завязывать, беречь патроны. Нам, находящимся на некотором удалении от комбата, еще не было известно, что войска нашей 3-й армии давно перешли в наступление и стали продвигаться вперед, а это значит, что немцы будут отступать. В этих условиях приходилось маскироваться, чтобы отступающие в массовом порядке немецкие части не обнаружили нас, почти безоружных, то есть с израсходованными патронами. В один из таких моментов невдалеке затрещали пулеметы, стали слышны выстрелы из пушек. Я еще не мог по звуку пушечных выстрелов определить даже калибр пушки, а один из штрафников, наверное, в прошлом артиллерист, закричал оказавшемуся в это время поблизости заместителю комбата майору Кудряшову: «Товарищ майор! Это же наша сорокапятка противотанковая бьет! Наверное, уже наши наступают!»

Александр Иванович решил проверить предположение штрафника: его и еще одного бойца моего взвода послал в качестве то ли разведчиков, то ли парламентаров. Они очень осторожно стали продвигаться в сторону стрельбы. Время, казалось, остановилось. Тогда нам уже было известно и о «власовцах», и об украинских «бандеровцах», «бульбовцах». Действовали тогда они по приказам своих немецких хозяев не только на Украине, но и по всей Белоруссии. Ну а нам, фактически находившимся за линией фронта, многие опасности, естественно, казались страшнее, чем были. Опасались, что вдруг напоремся на них, а патронов-то у нас нет! И вот мы видим вскоре, что наших парламентаров ведут по направлению к нам не власовцы или бандеровцы, а несколько советских офицеров и красноармейцев! Вероятно, они тоже заподозрили нас в причастности к тем же предательским войскам, тем более что штрафники не имели погон. Но все вскоре прояснилось, и радости нашей не было предела! Все вскочили и бросились к ним, к нашим, к своим!

Горячие объятия вскоре закончились. Командование батальона поговорило с офицерами встреченных нами подразделений, и нас ввели в курс боевой обстановки. Наша 3-я армия и сосед ее, 50-я армия, все-таки прорвали оборону немцев (правда, несколько позже намеченного срока) и в ночь с 23 на 24 февраля штурмом овладели Рогачевом. Как стало потом известно, 3-я армия очистила тогда от противника плацдарм на правом берегу Днепра шириной по фронту 45 км и в глубину до 12 километров, понеся сравнительно небольшие потери. И до сего времени чувство нашей сопричастности к этому событию, в котором боевые потери

батальона были минимальны, наполняет душу радостью и гордостью. Вот что пишет сам генерал Горбатов о своих взглядах на возможные боевые потери личного состава:

«Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность; я всегда лично следил за ходом боя и когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал „Давай, давай!“, а приказывал переходить к обороне».

Так случилось, что только из мемуаров Горбатова я узнал эти подробности. А тогда, в момент соединения со своими войсками, нам еще не было известно, что Москва уже салютовала войскам 3-й армии в честь освобождения Рогачева из-под ига оккупантов. Не знали мы тогда и о том, что уже был образован 2-й Белорусский фронт. В него, естественно, вошла часть войск 1-го Белорусского.

Известие о разделении нашего Белорусского фронта на 1-й и 2-й и то, что наш штрафбат остался у прославленного генерала Рокоссовского, вскоре ставшего маршалом Советского Союза, обрадовало нас. Тут же подумалось о судьбе 33-го штрафбата, для формирования которого были откомандированы еще 8 декабря 1943 года заместитель нашего комбата майор Мурза с несколькими офицерами. Оказалось, что этот батальон не был передан вновь образованному 2-му БФ, как мы тогда подумали, а был вскоре расформирован, а оставшаяся часть его, штрафники и некоторые командиры, были переданы 2 марта 1944 года в наш ОШБ.

А то, что наш батальон остался в 1-м Белорусском, которым по-прежнему командовал Рокоссовский, было тем более приятно, что еще свежо было в памяти многих счастливое событие, о котором уже было сказано ранее. Надо сказать, что восторженные отзывы о командующем фронтом, тогда еще генерале армии Константине Рокоссовском, не единичны. Они подтверждаются многими мемуарами его сослуживцев также и в период, когда он носил уже маршальские погоны. Вот что пишет Кирилл Константинов в своей книге «РОКОССОВСКИЙ. Победа не любой ценой»:

«Рокоссовский много беседовал с младшими офицерами, солдатами, политработниками. Всем им льстило такое внимание со стороны маршала, который не стеснялся шутить с рядовыми бойцами, находиться с ними в грязном окопе или мерзлой землянке. Кстати, известны случаи, когда Рокоссовский приходил даже в штрафные роты и благодарил воинов за службу – беспрецедентный случай для высшего офицера Красной Армии». Наверное, автор этой книги имел в виду именно тот случай, когда Рокоссовский посетил наши окопы под Жлобином, тем более что штрафных рот для провинившихся сержантов и рядовых в войсках Белорусского фронта Рокоссовского было по 2–3 на каждую армию, а офицерский штрафбат такого состава и такой боевой биографии был только один, наш 8-й.

А вот другая цитата из той же книги: «Многое из того, что рассказывали о Рокоссовском, соответствует действительности. Спокойная и уважительная манера общения с подчиненными, ясность и четкость формулируемых задач, творчество и находчивость при разрешении сложных. А еще многих подкупала его улыбка. Открытое и добродушное лицо, сияющие глаза сразу располагали к этому человеку».

Многие и многие фронтовики, которым, прямо скажем, посчастливилось иметь контакты с этим прославленным полководцем, вспоминают именно эти особенности одного из выдающихся военачальников, маршала Советского Союза Рокоссовского, которого, без сомнения, нужно отнести к Маршалам Победы наравне с Георгием Константиновичем Жуковым. Наверное, одних только восторженных отзывов о нем набралось бы не на один том. В своем повест-

вовании я еще не раз буду говорить о нем, но позвольте пока остановить здесь свое упоминание об этих отзывах.

Закончился этот действительно беспримерный рейд батальона штрафников в тыл противника освобождением древнего, прекрасного и многострадального города Белоруссии Рогачева. По окончании боевых действий во вражеском тылу нас сразу же разместили в хатах нескольких деревень под Рогачевом. Как потом стало мне известно, это было правилом: штрафбат не должен с боями входить в более или менее крупные города, чтобы не создавалось впечатление, что город этот освобождали преступники. Как не входили мы в Гомель, а в последующем – в Брест, в Варшаву и прочие города. Даже Рогачев мы не видели, хотя очень хотелось. Но правило это соблюдалось неукоснительно.

Измученные, смертельно уставшие за 5 суток изнурительных переходов, когда спать на снегу в лесу доводилось не каждую ночь и не более 2–3 часов, многие, с кого уже свалилось то неимоверное напряжение, державшее еще их на ногах, не дождавшись подхода ротных кухонь с горячей пищей, засыпали на ходу прямо перед хатами. К великому огорчению, нас уже здесь настигла потеря нескольких человек. На теплой печи в одной хате разместились три штрафника, заснули, не успев снять с себя все боевое вооружение. У одного из них, видимо, на ремне была зацеплена граната Ф-1 – «лимонка» или РГ-42, и, видимо, повернувшись во сне, он сорвал с ремня гранату, и она взорвалась. Только одного из этих троих удалось отправить в медпункт, а двое погибли. Вынести такую нагрузку, такие испытания и погибнуть уже после боя, накануне полного своего восстановления в офицерство...

За успешное выполнение боевой задачи, как и обещал командующий армией, почти весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован, то есть восстановлен во всех офицерских правах и отчислен из батальона либо в свои части, на прежние или равные им должности, либо в кадровые органы фронта или армий. По документам ЦАМО РФ значится, что всего по итогам рейда в тыл противника было восстановлено в офицерах около 600 человек. Сравните, дорогой читатель, эти цифры, и оцените масштабы той лжи, которую стремятся наши доморощенные фальсификаторы вдолбить в головы тех, кто не был участником Великой Отечественной, будто из штрафбатов было только два выхода: ранение или бесславная гибель.

Все участники того беспримерного рейда во вражеский тыл под Рогачевом находились в ожидании приказа командующего фронтом, которым и приводилось в действие само освобождение. Многим уже были вручены боевые награды: медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», редко другие ордена, в том числе и Славы III степени. Это были герои, из подвигов которых будто «вычитали» числящуюся за ними вину, но и после этого хватало этих подвигов еще и на награды. Надо сказать, что штрафники не очень радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статусу солдатский орден и офицерам он вообще не полагался (кроме младших лейтенантов авиации). И конечно, многим хотелось скрыть свое пребывание в ШБ в качестве рядовых, так как это считалось пятном на офицерской репутации, а такой орден был свидетельством этого. Командный состав батальона в основе своей был награжден орденами. Сам комбат был удостоен ордена Кутузова III степени.

А я и еще несколько офицеров в этот раз были обойдены наградами. Наверное, мы еще недостаточно проявили себя. В то время мне вновь пришла мысль о «без вины виноватом» за отца и брата матери. Тяжелое тогда было время для раздумий, тем более что мне уже из писем матери стало известно, что мой брат Виктор пропал без вести где-то под Сталинградом в конце 1942 года. Не попал ли он в плен, не числится ли он в «предателях», как многие бывшие военнопленные, оказавшиеся в нашем штрафбате?

Да и что я мог поставить себе в заслугу, достойную правительственной награды? Вот Петя Загуменников – его подчиненные столько немецких автомобилей с фашистскими солдатами подбили! И не я один оказался без награды, Муська Гольдштейн, например, – тоже. Зато

вскоре приказом командующего фронтом генерала Рокоссовского мне было присвоено звание старший лейтенант. Это я и воспринял как награду.

Возвращаясь к упомянутой выше книге Виталия Закруткина «Дорогами большой войны», проведу некоторую параллель в наградном деле: командиру отдельного лыжного батальона 5-й Орловской стрелковой дивизии 3-й армии 1-го Белорусского фронта, захватившего станцию Тошица, капитану Коваленко Борису Евгеньевичу было присвоено сразу два звания – Героя Советского Союза и внеочередное воинское – майор. Почти весь личный состав этого лыжбата (около 400 человек) получили ордена и медали. И это естественно, не штрафники же они!

В приказе Верховного Главнокомандующего в честь освобождения Рогачева была объявлена благодарность и присвоено наименование «Рогачевских» большому числу частей и соединений, принимавших участие в этих боях. А наш штрафбат – 800 офицеров – будто и не присутствовал при этом, естественно, даже не был упомянут, хотя, например, 141-я рота огнеметчиков, всего один взвод которой, 25 бойцов, действовал с нами, в приказ вошла и получила наименование «Рогачевской». Конечно же, она не штрафная! Такое незыблемое правило ничего не публиковать о штрафниках действовало всю войну и даже многие годы после.

Да, было еще какое-то «неписаное правило» определять степень награждения командира в зависимости от того, сколько его подчиненных представлено к наградам. Понятно, штрафников к наградам представляли в редких, исключительных случаях. Отсюда и их командиры не попадали в ранг особо заслуженных, так как по тому же «правилу», подумаешь, всего каких-нибудь 2–3 его бойца медалями отмечены!

В деле награждения многое, если не все, зависело от командования, в распоряжении которого оказывались штрафные подразделения. Вот генералы Горбатов и Рокоссовский освободили от наказания штрафбатов почти 75% штрафников, участвовавших в боевой операции во вражеском тылу, независимо от того, искупили кровью они свою вину или не были ранены, а просто честно и отважно воевали, да и награждение их тогда было не единичным.

Я об этом говорю уже не один раз потому, что постоянно в некоторых СМИ продолжают муссироваться домыслы, будто у штрафников было только два выхода: смерть или ранение, другого не дано. К сожалению, были на фронте и другие начальники разных рангов, у которых жизнь подчиненных на войне высоко не ценилась. К этой категории мы, фронтовики-штрафбатовцы, относили даже некоторых командующих армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по сложности и опасности боевые задачи. Реакция таких и на награждение штрафников весьма отличалась от горбатовской. Но об этом в соответствующих местах моих воспоминаний.

Возвращаясь ко времени написания нами, взводными командирами, боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих реабилитации, выбирали бойцов, достойных наград. Путь этих бумаг лежал дальше на осужденных – через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а на направленных в штрафбат по приказам начальников или на «окруженцев» – непосредственно в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании и отчислении из штрафбата подписывались, как уже говорилось ранее, лично командующим фронтом и членом Военного совета. Отдельно составлялись в штабе батальона наградные листы и на штрафников, и на штатных офицеров. Эти наградные документы направлялись, как правило, командующим армиями, в составе которых на этом этапе боевых действий находился батальон. Так что и награждение тех и других зависело тоже от командармов, которым было предоставлено такое право на время боевых действий.

Пока этот документально-бюрократический процесс шел, а шел он здесь, к удивлению, настолько быстро, что его едва ли можно было еще ускорить, штаб батальона снова передислоцировался в село Майское Жлобинского района, а подразделения – в близлежащие села, из

которых уходили в тыл врага. Немногочисленное еще население деревень и сел встречало нас очень тепло. Главным угощением в белорусских хатах была бульба (картошка) с разного рода соленьями и... конечно, самогон (самагонка) из той же бульбы. С радостью встречали местные девчата и одинокие женщины вернувшихся живыми и здоровыми штрафников и их командиров. Ведь наши бойцы-переменники, как официально они назывались, были хоть и временно разжалованными, но все-таки офицерами, грамотными и с достаточно высоким уровнем культуры. Кстати, их у нас и не стригли наголо, а сохраняли нормальные офицерские прически. А некоторые, особенно из боевых или тыловых офицеров, даже продолжали «щеголять» офицерским обмундированием, только без погон и офицерских ремней. Погоны не надевали даже те штрафники, которые назначались на должности командиров отделений или замкомвзводов, и, согласно положению, им приказом по батальону присваивались сержантские звания.

В основе своей наши бойцы оставляли по себе добрые впечатления у всех слоев населения, а не насильников и грабителей, как это подчеркивается в пресловутом фильме-фальсификации «Штрафбат» и подобных киноподелках и публикациях. Надо еще помнить, что у славян испокон веков жалеют обиженных властью. А именно такими наши бойцы были в глазах женщин и девиц этого основного населения прифронтовых деревень. Ну а офицеры постоянного состава батальона, в большинстве своем молодые мужчины в возрасте 20–25 лет, тоже пользовались еще большим вниманием и уважением.

В Майском оставались наши тылы, вооружение и боеприпасы, склады, штабные документы, а также отправленные сюда партбилеты и награды офицеров, командовавших штрафниками. Оставалось там и некоторое число штрафников для охраны всего этого. А к ним за время нашей «командировки» в немецкий тыл добавилось немало новых приговоренных к пребыванию в штрафном батальоне или направленных сюда по приказам командиров. Конечно, приходили и не совсем честные тыловые офицеры – за другие прегрешения.

Так как шло освобождение ранее оккупированной территории, рос и контингент штрафников из числа «окруженцев», оказавшихся в свое время там или бежавших из фашистского плена. Ну и боевая обстановка на фронте, некоторые неудачи, предшествовавшие наступлению, увеличили, наверное, число направленных офицеров за невыполнение боевых задач. Это, в частности, косвенно подтверждается и материалами по истории войны. Например, в справочнике «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история». (М.: Воениздат. 1967. С. 334) говорилось: «Войска Белорусского фронта к концу февраля 1944 г. овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали Днепр и захватили плацдарм на его противоположном берегу. Занять Бобруйск и развернуть наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии».

Кстати, о том, что не был взят Бобруйск, на фронте ходили легенды, об одной из которых будет рассказано в разделе о легендах про генерала Горбатова.

Во всяком случае, на место подлежащих освобождению от наказания уже прибыло пополнение для формирования новых подразделений штрафбата. И даже еще не началась длившаяся затем несколько дней реабилитация отвоевавшихся штрафников, а уже были сформированы две новые роты. Процедура такой массовой реабилитации, впервые проводимой в нашем ОШБ, заключалась в том, что в батальон прибыли несколько групп представителей от армейских (фронтовых) трибуналов и от штаба фронта. Они рассматривали в присутствии командиров взводов или рот наши же характеристики на освобождаемых штрафников, принимали решения о снятии судимости с осужденных, восстановлении в воинских званиях.

Затем буквально через несколько дней поступал приказ командующего фронтом, по которому эти предварительные решения, отдельно по каждому бойцу вступали в законную силу. Мы просто не переставали удивляться, как это удавалось так оперативно штабу фронта решать эту огромного объема и не менее значимой морально-политической важности задачу. Наверное, командующий фронтом понимал, как ждут его решения бывшие штрафники, счи-

тающие не дни даже, а минуты, когда смогут снова надеть офицерские погоны и вернуться в офицерский строй, и как ждут войска нового офицерского пополнения. За всю дальнейшую боевую историю нашего штрафбата такую оперативность никто из нас не мог вспомнить.

Наряду с этим представители старших штабов выносили постановления о возвращении наград и выдавали соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части, а бывших «окруженцев» – в полк резерва офицерского состава, из которого, кстати, недавно прибыл и я со своими теперь уже боевыми товарищами. Часть штрафников-«окруженцев» имела еще старые воинские звания, например военинженер или техник-интендант разного ранга. Тогда им присваивались новые офицерские звания, правда, в основном на ступень ниже. Такое же правило применялось часто и в регулярных войсках при переаттестации на новые звания.

Конечно, на этом не завершилась боевая деятельность батальона в окрестностях Рогачева, но об этом в главе о «Коварной Друти...».

Глава 7

Коварная Друть, рокировка. Легенды о генерале Горбатове

*Все стерплю: и зной, и слякоть,
Редкий сон, с песком еду,
От атаки до атаки
Я несу в себе войну.*

Владимир Шпадарук (Рогачев)

*Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, колы дома сын,
Звезды февральские пересчитал.*

Всеволод Багрицкий, погиб на Ленинградском фронте в 1942 году

К сожалению, в процедуре «очищения» штрафников от их вины перед Родиной мне в этот раз довелось участвовать недолго, так как во вновь сформированных двух ротах места командиров взводов пришлось срочно занять мне и другим офицерам, только что вернувшимся из Рогачевского рейда. Наверное, я оказался здесь скорее как имеющий фактически только одно настоящее боевое крещение и не получивший еще достаточно боевого опыта. Были у меня по этому поводу и другие мысли, все о тех же *преступлениях* и своеобразных *наказаниях* за отца и дядю, но я их гнал, как ничем пока уверенно не подтвержденные.

Сразу же после завершения боевых действий по освобождению Рогачева нам пришлось участвовать в выполнении другой задачи, полученной от командарма-3 генерала Горбатова. Двум нашим вновь сформированным ротам дали задание уже 25 февраля захватить у немцев плацдарм на реке Друть, впадающей в Днепр у Рогачева.

Днепр, как известно, на всем своем протяжении «многонационален». Это река чисто славянская, протекающая по территории России, Беларуси и Украины. Греки ее называли Борисфен, первые славяне – Славутич. И берет она свое начало из небольшого русского болотца на границе Смоленской и Тверской областей, в сорока километрах от райцентра Сычевка и в шести – от ближайшей деревни Бочарово. Зато Друть, на слиянии которой с Днепром и стоит Рогачев, – чисто белорусская река: ее исток – на Оршанской возвышенности в Витебской области, а устье – при впадении в Днепр около Рогачева на Гомельщине. После Днепра она кажется небольшой речушкой. А для нас и маленькая Друть – все-таки водная преграда.

Буквально на второй день после освобождения Рогачева этим ротам было приказано преодолеть эту речку-невеличку и захватить плацдарм на ее западном берегу, что оказалось не такой уж легкой задачей. Для этого нужно было ночью скрытно преодолеть по льду эту реку, без артподготовки и криков «ура!», совершенно внезапно атаковать противника в направлении деревни Заполье, выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей с захваченного плацдарма. Генерал Горбатов отмечал:

«На реке Друть особенно сильной была первая полоса обороны немцев глубиной 6–7 км, с тремя позициями... Ширина реки кое-где до 60 метров,

глубина 3,5 метра. Заболоченная, слабопромерзающая долина до полутора километров».

Ночь была почти безлунной и пасмурной. Но немцы, видимо, не ожидая нашего наступления или по какой-то другой причине вовсе не применяли здесь своих осветительных «фонарей». В отличие от Днепра лед на этой реке был изрядно продырявлен, и потому приходилось в ночной темноте нащупывать его ногами, чтобы не угодить в полыньи, пробитые снарядами и минами. Может, это состояние льда успокоило немцев, и они не освещали ближайшие подступы к своим траншеям, хотя минометный огонь по льду они изредка вели и теперь. Однако, как назло, мне довелось именно здесь принять ледяную купель. Ведь угораздило же меня провалиться на побитом, но успевшем слегка спаяться на морозе льду. Наверное, еще и потому, что отвлекся от собственной безопасности – вглядываясь под ноги, одновременно старался в темноте разглядеть, как движется мой взвод.

Ухнул туда я сразу, и мои попытки выбраться из этой «проруби» были долго безуспешными, потому что лед, за который я почти в кромешной темноте хватался, состоял из мелких, едва схваченных ночным морозом ледяных осколков, да еще припорошенных снегом, и легко крошился в моих руках. Ощутимое течение все заметнее тянуло под лед, а телом уже чувствовал ледяной холод Друти. Набухли водой ватные брюки, телогрейка, тоже ватная, промокла почти до ворота, да еще ППШ весом более 5 кило, все это уменьшило мою естественную плаучесть.

Тут надо бы вспомнить русскую поговорку: «Все, что ни делается, – к лучшему». Когда мы в срочном порядке готовились к выполнению этой задачи, была команда выдать всем валенки. Незнакомый мне старшина, занимавшийся этой процедурой, когда бойцам всего взвода валенки были выданы, вдруг заявил, что они кончились. Надо же, командиру валенок не хватило!

Ну, мне всегда «везет», всю жизнь на мне что-нибудь кончается, даже дефицитные сигареты после войны в каком-нибудь табачном ларьке, или билеты на поезд, или очередь на троллейбус (когда такие очереди еще были в послевоенное время). Вот и валенки на мне закончились. Ладно, хоть бойцам всем достались. Ждать, когда старшина принесет дополнительную пару со склада, не было времени, и я увел свой взвод к назначенному месту.

Здесь же, в этой полынье на Друти, я поблагодарил судьбу за то, что на мне не валенки, а сапоги. Валенки бы быстро наполнились водой, набухли и еще сильнее тянули бы ко дну или вовсе могли сползти, и я бы остался босой. А если прибавить к этому, что плавать я вовсе не умел, то, переиначивая слова славного русского поэта Сергея Есенина о вере в Бога, можно было сказать:

Стыдно мне, что я раньше не плавал,
Горько мне – не умею теперь!

Понятно, что неизбежным следствием всех этих драматических обстоятельств могло быть только полное окончание моей фронтовой да и не только фронтовой жизни. Спасло тогда меня то, что поблизости постоянно шел штрафник-ординарец, которого я выбрал и назначил для этого в срочном порядке во время получения валенок. Срочность, с которой мне подчинили взвод, не дала возможности тогда узнать, а тем более запомнить фамилию этого бойца. Помню только, что это бывший младший лейтенант, моложе меня и по возрасту, но запомнил только имя его – Женя, – наверное, потому, что из-за его молодости все именно так к нему обращались. Это теперь, изучая архивные документы ЦАМО РФ, присланные мне в сентябре 2014 года, удалось определить его фамилию – Вдовин, награжденный за бои под Брестом медалью «За отвагу».

Увидев, а скорее, услышав мое барахтанье в воде и безуспешные попытки выбраться из ледяного крошева, оставаясь на твердом льду, он догадался лечь и как можно ближе подползти на край этой злосчастной полыни. За мушку протянутого им автомата, к которой мне с трудом удалось дотянуться, я уцепился вначале буквально двумя пальцами, а затем уже и покрепче, как утопающий за соломинку. Женя медленно потянул меня к краю полыни, которая едва не стала моей могилой. Наконец, обламывая непрочные ее края, я с помощью моего спасителя выбрался на твердый лед. Всю остальную часть пути по реке мы преодолевали уже осторожнее, чтобы не повторить случившегося.

Командиром нашей роты был капитан Михаил Сыроватский, кстати сказать, сам недавний штрафник, восстановленный в офицерских правах за боевые заслуги в боях под Жлобином и принявший предложение комбата Осипова остаться в батальоне на должности ротного командира. Это был невысокого роста худощавый офицер, кажется, еще не совсем освободившийся от ограничений, наложенных на него прежним положением бойца-переменника, и как-то особенно уважительно относящийся к взводным своей роты да и к вчерашним коллегам-штрафникам, ко всем обращался на «вы». Как потом мы его «разглядели», был он человеком спокойным, невозмутимым, не чуждым разумного компанейства, но не допускающим и близко панибратства. Его распоряжения подчиненным носили характер просьб, но твердых, настоятельных.

Тогда, на Друти, он ждал, когда подтянется со льда вся рота, чтобы не дробить тот кулак, которым собирался прорвать оборону на своем участке. Преодоление реки проходило, как было установлено, почти бесшумно, без единого слова, да и берег штурмовали тоже молча. Но сосредоточение роты у крутого берега Друти не прошло незамеченным для противника, и он открыл огонь минометами по льду, а ружейно-пулеметный вначале под крутым берегом нас не доставал.

Это уж потом мы удивлялись, как нам всем удалось так быстро, без специальной обуви, без штурмовых лестниц, «кошек» и канатов или каких-либо других приспособлений преодолеть обрывистый и обледенелый склон берега. Его ледяной покров разрушали только при помощи штыков, финских ножей да саперных лопаток, проделывая в сравнительно нетолстой корке льда углубления, если удавалось, даже до грунта.

Здесь возьму на себя смелость сказать, что в полной мере подтвердились слова в документе штаба 3-й армии о чудесах, которые творит пехота, особенно офицерская, да еще и штрафная. Документ этот называется «Описание боевых действий 3-й армии в Рогачевской операции в период с 21 по 25 февраля 1944 г.», и в нем записано, в том числе и о штрафбате:

«Лишний раз подтвердилось, что при ясном понимании своей задачи и хорошем руководстве со стороны офицерского состава наша пехота способна творить чудеса. В штурме неприступного Днепровского берега русская пехота лишний раз показала присущие ей блестящие качества. Это упорство, смелость и ярость, с какой она штурмовала отвесные обрывы под огнем противника».

Немцы, оказывается, специально поливали этот крутой, очень высокий берег Друти водой и превратили, по их мнению, в недоступный ледяной барьер, своеобразную большую «горку». Неожиданно вспомнилась известная фраза Сталина: «Нет в мире крепостей, которых большевики не могли бы взять!» Временами приходилось съезжать с этой «горки», почти как суворовские солдаты при переходе через Альпы. Только те съезжали вперед, а мы – назад! И все-таки успели! Рота начала атаковать передний край немцев, несмотря на усиливающийся пулеметный огонь, подавляемый огнем наших автоматчиков и гранатами. И вот уже вместе с разрывами гранат стали слышны крики, среди которых рядом с «ур-р-а-а-а» заметно выделялись весьма крепкие русские выражения. Нагрянув на еще не опомнившегося противника,

штрафники завязали бой. Наверное, только достигнутая внезапность и самоуверенность немцев в недоступности для нас их позиций избавили роты от больших боевых потерь.

Кстати сказать, замусоленный штамп о том, что штрафники вообще без мата не обходились в любых ситуациях, также надуман, как и многое другое, что некоторыми авторами публикаций о штрафбатах перенесено в свои измышления из тюремно-лагерного бытия. Мои предположения о том, что мат есть выражение высшего эмоционально-стрессового напряжения именно в острых боевых ситуациях, нашло подтверждение в будущем. И если он имел место, то был скорее адресован врагу, и то при близком соприкосновении с ним, а не в общении между собой.

Мы с ординарцем вместе со своим взводом и еще человек 5–6 неудачников, испробовавших неласковую воду коварной Друти, мокрые, но еще не лишённые подвижности, участвовали в захвате и первой, а затем и второй траншей противника. На себе убедился, что промокшая ватная одежда очень тяжела!

Как отмечал генерал Горбатов, немецкая оборона на реке Друть была мощной. Были там и доты с металлическими колпаками, и плотные минные поля, и проволока в три кола. Но на нашем участке минного поля не оказалось, траншеи были отрыты на небольшом удалении от обрывистого берега, поэтому берег на значительном его участке немцами не простреливался, а проволочные заграждения были слабыми, в один ряд. Может быть, это потому, что противник понадеялся на казавшуюся ему недоступность этого крутого склона, превращенного в ледяную горку.

Но то, что для нашей атаки было выбрано одно из таких слабых звеньев обороны немцев, было еще одним свидетельством стремления генерала Горбатова в любой ситуации избежать неоправданных потерь. По всему было видно: жалел он именно штрафбат, понимая, что этот батальон штрафников-офицеров по аналогии с известной уже читателю аббревиатурой ОПРОС (отдельный полк резерва офицерского состава) наш командарм может посчитать как своеобразный ОБРОС – «Отдельный батальон резерва офицерского состава». Реабилитированные офицеры из этого ОБРОСа, приобретя боевой опыт рядовыми, будут весьма ценным пополнением для войск его 3-й армии. Да и разведка у генерала Горбатова хорошо поработала, сумела обнаружить наименее укрепленный участок немецкой обороны: минного поля не было, а проволока вместе с кольями сравнительно легко была опрокинута.

Первая траншея уже была очищена от живых фрицев, убитых было много и в самой траншее, и за ней. Наши подразделения, преследуя убегающих немецких солдат, захватили не только вторую траншею. В результате решительных действий наших двух рот (не могу вспомнить, кто командовал другой ротой) образовался уже заметный плацдарм.

После того как мы выполнили задачу по захвату плацдарма, поступила команда перейти к обороне. Промокший до нитки и продрогший, как говорится, до самых костей, я пытался согреться хотя бы энергичными движениями, но тщетно: к рассвету не на шутку начинало понемногу леденеть мое обмундирование, да и тело переохлаждаться. А если учесть, что в этой обороне я пробыл и весь день до следующей ночи, можно представить, во что превратились моя одежда и я сам. Почему-то вспомнилась песня о ямщике, который замерзал в степи. Конечно, я не до такой степени окоченел, меня немного выручала трубка, которую я курил уже довольно давно, еще до фронта. Она была массивной, солидной вместительности, с классически изогнутым чубуком и долго хранила тепло. Мой табак размок, и мне доброжелательно предлагали свою «махру» соседи по окопу. Кто пробовал курить махорку в трубке, поймет, что это за «удовольствие». Трубка хорошо грела кисти рук, но остальные части тела от довольно крепкого, державшегося всю ночь и целый день мороза стали терять подвижность. Мои пропитавшиеся водой ватные брюки и такая же телогрейка постепенно превращались в ледяной панцирь.

Вначале мне пришло сравнение образовавшегося панциря с рыцарскими доспехами, а потом более точное – с черепашным панцирем, в котором только голова еще вертелась на шее довольно свободно да кисти рук, гревшиеся от трубки. Сапоги мои тоже скоро превратились в ледяные, и я опасался, как бы ноги не обморозились хуже, чем палец во время долгого зимнего похода в училище в дальневосточном Комсомольске ровно два года тому назад. Командир роты, капитан Сыроватский, видя, что толку от меня немного, приказал, пока не стемнело, двоим легко раненым штрафникам доставить меня в медпункт батальона. И поволокли они меня, как ледяную колоду, назад через Дуть.

В батальонном медпункте, а он размещался в не очень вместительной палатке с печкой, орудовал наш доктор – капитан-медик Степан Петрович Бузун, небольшого роста, со старомодной бородкой. Его, наверное, никто, даже штрафники, не называли по воинскому званию – «доктор», и все. Он и его помощник, лейтенант медслужбы Ваня Деменков, с помощью больших саперных ножниц сняли с меня этот панцирь и сапоги, тут же энергично растерли всего от головы до пят смесью, кажется, спирта со скипидаром. Конечно, еще после кружки горячего чая влили внутрь и дозу спиртного, одели меня во все сухое.

Надо же, наш заботливый комбат предусмотрел и здесь запас всего: и белья, и ватных телогреек с брюками! Меня даже обули в валенки, наконец-то и мне доставшиеся! Так как в палатке было полно раненых, рядом с ней, в глубоком снегу мне отрыли яму, дно которой устелили хвойным лапником, прикрыли его частью плащ-палатки. Улегся я туда, меня закрыли второй половиной плащ-палатки, «утеплили» ее сверху тоже еловыми ветками и... засыпали толстым слоем снега, оставив там, где голова, отверстие для доступа воздуха. Хорошо разогретый растиранием да и внутренним «компрессом», совершенно не спавший эти злосчастные две ночи, я мгновенно заснул мертвецким сном. Конечно, сказалось еще и то, что фактически не удалось хорошо отдохнуть и от трудного пятисуточного рейда в тыл к немцам.

Уже к полудню меня разбудили, сам бы еще долго спал. Выбрался из своей «берлоги» с чувством хорошо отдохнувшего, выспавшегося в удобной постели и снова полного сил и энергии человека. Я не получил даже банального насморка, обычного для таких переохлаждений, не говоря уже о воспалении легких или каком-либо бронхите. Последствием моей купели и заметного переохлаждения был выступивший у меня через несколько дней на шее и некоторых других частях тела мелкий очаговый фурункулез. Как мне объяснил потом наш доктор Степан Петрович, эта стойкость организма была результатом мобилизации его внутренних сил, возникающая именно в условиях моральных и физических сверхнапряжений. В моем случае, наверное, сыграла свою роль, кроме того, и моя дальневосточная закалка, как с детства, так и при воинской службе там. И даже, как я узнал позже, инфекционными болезнями во время войны люди болели реже и легче, не говоря о том, что вовсе не возникали какие-либо масштабные эпидемии.

Пока я отсыпался в своей снежной «берлоге», наши подразделения выполнили свою задачу и там был введен в прорыв стрелковый полк. Как мне потом рассказали, ввод полка был обеспечен мощным залпом гвардейских минометов – «катюш». Однако несколько их снарядов взорвалось в непосредственной близости от штрафников, и, к сожалению, при этом не обошлось без потерь среди наших бойцов. Как говорили многие очевидцы этого инцидента, всем стало понятно, почему немцы так панически боялись залпов «катюш». Возможно, причиной этого могло стать то, что какие-то реактивные снаряды просто сорвались со своей траектории или одно подразделение штрафников успешнее других продвинулось еще до ввода полка, а расчетам гвардейских минометов – «катюш» могли не успеть об этом сообщить. Артиллеристы-штрафники предположили, что, может, в батарее «катюш» кто-то ошибся в расчетах при подготовке данных для стрельбы.

В связи с этим фактом я несколько нарушу хронологию своего повествования.

К 50-летию Победы в 1995 году российское телевидение подготовило большую серию передач под общим названием «Моя война». Я тоже был участником этих передач. По итогам бесед с персонажами этих телепередач, от маршала Язова Дмитрия Тимофеевича до рядовых, газета «Комсомольская правда» печатала обширные материалы об их боевых буднях. В рассказах многих участников этих передач была, как правило, честная, порой потрясающая правда о войне!

Однако одна публикация поразила меня откровенным лукавством. Это помещенный в газете за 14.12.1994 г. рассказ бывшего начальника разведки дивизиона «катюш» Георгия Арбатова, «готовившего иногда данные для стрельбы». Лукавство в его рассказах заключалось хотя бы в том, что он «видел, как летят куски человеческих тел» от взрывов их реактивных снарядов. Каким же сверхъестественным зрением обладал рассказчик, если с закрытых позиций (что для «катюш» было строгим правилом!!!) он «видел это», а мы, находясь на зрительном удалении от немецких траншей, видели в этих случаях только сплошную полосу огня и вздыбленной земли. И никаких «кусков» тел человеческих! Или, например, как он, Арбатов, «пару раз из личного оружия попадал в немцев». Из пистолета? И тоже с закрытых позиций? Пусть эти утверждения ныне уже покойного академика Георгия Арбатова останутся на его совести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.